ÇAĞIRIŞ

AYLIK MECMUA

№ temmuz-ağustos — 1938 — июль-август 3-4

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРИЗЫВ

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ÇAĞIRIŞ"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransız frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağıki adresine gönderilmelidir: ul. Belwederska 44 m. 1. Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„ПРИЗЫВ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: ul. Belwederska 44 m. 1. Warszawa 12, Pologne.

ÇAĞIRIŞ
ПРИЗЫВ

ОРГАН СЕВЕРО-КАВКАССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

№ 3—4 TEMMUZ-AĞUSTOS — 1938 — ИЮЛЬ-АВГУСТ № 3—4

BOŞA ÇIKAN BİR BÖBÜRLENME

Rusların „şapkamızla atarız" klasik misali, bir müddet evvel bitmiş bulunan Çan-ku-feng dağı ihtilâfında bir daha tatbik sahasını buldu. Bu defa da, nevbetî blöf objesi olmak üzere, Asya'nın ve Asya milletlerinin yeniden kuruluşu gibi hayırlı bir işi üzerine alan necib Nippon intihab edildi. Moskva'nın güttügü maksat, esasen çok büyük idi. Bu ihtilâf dolayisile yapılan gürültülü atıp tutmalar, hep son zamanlarda vuku bulan idamlar neticesinde mühim derecede sarsılan Stalin Rusyası ve rejiminin parçalanmaz ve hiç bir şeyden müteessir olmıyacak bir kudret ve kuvveti haiz olduğunu teyide yarıyacaktı.

Blöf, her zaman olduğu gibi, bu sefer de neticesiz kaldı. Rusya, provoke ettiği bu ihtilâfta süngü tehdidi altında Nippon'un ötedenberi arzu ettiği ve Moskva diplomasisinin ise, israrla redettiği şeyi kabul etmek mecburiyetinde kaldı.

Gazetelerin verdiği malûmata bakılırsa, Sovyetler, değil sade Mançurya hududu mes'elesini yeniden gözden geçirmeği kabul etmiş, hatta, bu gözden geçirme işinin Nippon teleblerine göre yapılmasına da muvafakat etmiştir. Yani, hudut mes'elesi görüşülürken yalnız Moskva'nın yegâne müzakere esasi olmak üzere ötedenberi ileri sürdügü Hançun anlaşması değil, ayni zamanda Nippon'un elinde bulunan materyallar dahi nazari itibare alınacaktır.

Litvinof'un 7 Ağustos'ta, yani ihtilâfın en hâd bir zamanında Nippon sefiri Şigemits'e: *müzakereye ancak Hançun anlaşması esas ola bilir*" ve *„hudutların tesbiti işi üzerinde hiç bir başka materyal müessir olamaz*" (Pravda", 8.VIII.1938) diye vuku bulan beyanatını göze alırsak, Moskva'nın bu kabul ve muvafakatını bir teslim gibi telâkki edebiliriz.

Bu suretle dene bilirki, uzun süren Nippon—Çin ihtilâfi, Uzak Şark'taki kuvvetlerin nisbetinde bir tahavvülât vücude getiremedi. Nippon, eskide olduğu gibi, bu gün de orada hâkim bir âmil olarak kalmış, Moskva ise gürültülü böbürlenme ile evelce de olduğu gibi boyun eğmek mecburiyetini hissetmiştir. Bu

НЕУДАВШАЯСЯ ФАНФАРОНАДА

Классический пример русского «*шапками закидаем*» опять демонстрировался в недавно закончившимся конфликте у горы Чан-ку-фенг. И на этот раз прямым об'ектом очередного блефа избран был рыцарский Ниппон, взявший на себя благодарную задачу устроения Азии и ее народов. Но цель ставилась Москвой, в сущности, более широко. Шумное бахвальство должно было подтвердить ненарушимую мощь и силу сталинской России и режима, доверие к коим было основательно поколеблено последними расстрелами.

Блеф, по обыкновению, закончился провалом. Под угрозой штыков в спровоцированном ею конфликте, Россия принуждена была принять то, к чему издавна стремился Ниппон и что упрямо отвергалось московской дипломатией. Основная уступка, как сообщали газеты, заключается не только в согласии на пересмотр манджурской границы, но и в том, что этот пересмотр должен быть проведен в плоскости ниппонских требований: с учетом и тех материалов, которыми располагает Ниппон, а не лишь только норм т. н. Хунчунского соглашения, упорно до сих пор выдвигаемого Москвой в качестве единственной базы переговоров.

Если мы учтем, что не далее как 7 августа, т. е. в разгар конфликта, Литвинов заявлял ниппонскому послу Шигемитцу, что «*только Хунчунское соглашение может лечь в основу редемаркации*» и что «*никакие другие материалы не могут влиять на определение границ*» («Правда», 8-VIII-1938), то должны будем согласиться с тем, что уступка Москвы равнозначна капитуляции.

Таким образом, затяжной ниппоно-китайский конфликт не изменил соотношения сил на Дальнем Востоке. Ниппон по прежнему является там решающим фактором, а Москва принуждена, под акомпанимент крикливой фанфаронады, итти, как

ciheti, Çan-ku-feng dağı eteğinde bir müddet evvel vuku bulan hadiseler dahi, teyid etmiş oldu.

Moskva, dünya efkâri umumiyesinin safdilliği göze alınaraktan oynadığı oyunlarda tahakkümü altında bulundurduğu milletlerin rey ve iradesile ihtikâr yapmağı âdet edinmiştir. Bu işi o, bir müddet evvelki ihtilâfta dahi yapmaktan çekinmedi. „Pravda"-nın ihtilâfa tahsis edilmiş baş mekalesinde şunları okuyoruz: *„Sovyet hükûmeti tarafından alınmış pozisyon, bütün S. S. S. R. milletleri tarafından tasvib edilmektedir"*.

Aceba, Sovyetler İttihadı'nın rus olmıyan eyaletlerinde arası kesilmeden devam eden terror şeraitinde milletlerin şu veya bu tarzda bir tasvibinden bahs edilebilirmi? Bir terror ki, her şeyden evvel, sovyet emperatorluğunun „civar ülkeler" üzerindeki tekmil rus hakimiyet sistemine karşı mücadeleden başka bir şey olmıyan muhtelif „burjua milliyetçiliği" aleyhine çevrilmiştir. Ve biz, Moskva'nın açık harp karşısındaki korkusunu başlıca olarak millî idenin zaferi namına Moskva merkeziyetçiliği ile çarpışan „civar memleketler"in sedakatına inanmadığı ile izah edersek, pek te yanılmış olmayız. Zira, asrımızın büyük hadiseleri arasında her türlü açık harp, Sovyet emperatorluğu için bir parçalanma başlanğıcıdır ve eski Moskviya'nın malûm hudutları içerisine dönmek demektir.

Binaenaleyh, buğünlerde şahidi olduğumuz atıp tutma, böbürlenme hiç te bir kuvvet alâmeti değil, bilâkis değil sade rejimin, hatta Rusya emperatorluk idesinin zâfini kapamak için yapılmış bir oyundur.

и раньше, на уступки. Это положение подтверждено было недавними событиями у горы Чан-ку-фенг.

В своей игре, расчитанной на легковерность мирового общественного мнения, Москва охотно спекулирует волей угнетаемых ею народов. Сделала она это и в недавнем конфликте. В передовой «Правды», посвященной конфликту, читаем, что *«позиция, занятая советским правительством, находит единодушную поддержку народов СССР»*.

Но разве можно говорить о какой бы то ни было поддержке в условиях непрекращающегося террора в нерусских областях Советского союза — террора, направленного прежде всего против различных проявлений «буржуазного национализма», который означает ничто иное, как борьбу со всей системой русского господства на «окраинах» советской империи?! И мы не ошибемся, заявив, что страх в Москве перед открытой войной об'ясняется, главным образом, неуверенностью в лойяльность «окраин», борющихся с московским централизмом во имя торжества идеи национального освобождения. Ибо среди грандиозных событий нашей эпохи всякая открытая война является для советской империи началом распада на составные части и знаменует возврат в ограниченные пределы прежней Московии.

Поэтому-то безудержное бахвальство, свидетелями коего мы были на днях, отнюдь не является признаком силы, а имело целью прикрыть роковую слабость не только режима, но и самой идеи имперского бытия России.

B. Bilatti

İstiklâli için çarpışan Kafkasya

(Kafkasya Cumhuriyetleri ilâni istiklâlinin 20-ci yıl dönümü münasebetile Varşova'da tertib edilen mutantan merasimde okunmuştur)

Bundan tam 20 yıl evvel, 1918-in Mayıs'ında Kafkasya milletleri, çöken Romanof emperatorluğunun getirdiği hürriyet neticesinde istiklâllerini ilân etmişlerdi. Mayıs'ın 11-de Şimalî Kafkasya, 26-da Gürcüstan ve 28 de de Azerbaycan ve Ermenistan istiklâllerini ilân etmişlerdi.

Halk tarafından büyük bir heyecanla karşılanan istiklâl, Kafkasya'nın XVIII ci asrın bidayetinden beri geçirmiş olduğu tarihî hadiselerin tabiî bir neticesi idi.

Şark ve Garbin eşiğinde bulunan ve şimaldan cenuba ve Avrupa'dan Asya'ya götüren yolların üzerinde bir yer işgal eden Kafkasya, ötedenberi cihana hâkim olmağa can atan muhtelif kuvvetlerin bir türlü paylaşamadıkları bir lokma ola gelmiştir. Binaenaleyh, rus emperyalizmini bir metoda rabt eden yani, Moskva'nın ötedenberi işgal ve tazyik hevesini şekillendirerek bir gayeye bağlıyan I-ci Petro'nun değil yalnız yakında bulunan ve „Avrupa'ya bir pencere açmak" niyetinde bulunduğu Baltik boyuna, ayni zamanda uzak Kafkasya'ya dahi dikkat atf edişine hayret etmemek lâzımdır. İşte, Petroya göre, Türküstan tarikile Hindustan üzerine yapılan sefer ademi muvaffakiyetle neticelendikten sonra, rus emperyalistleri Kafkasya'dan „Britanya tacının incisine" ve „sıcak denizlere" dogru uzanacaklardı.

Kara deniz kıyılarını ele geçirmek emelile Türkiye ile yaptığı harplerden I-ci Petro mağlub çıkmış ve muvaffak olamamıştı. 1710-da Prut'da uğradığı rezilce mağlubiyet—ki neticede rus çarı türk baş kumandanını elde etmek suretile esir düşmekten zor kurtulmuştu — Rusya'nın, „sıcak denizlere" açılma mevkilerini müdafaa eden Türkiye ile açıkca çarpışmak için henüz zayif olduğunu saraheten ortaya koydu.

Ancak bundan sonradır ki, cenuba Kafkasya tia rikile hareket edilmesine karar verildi. Bunun içen de bir behane bulmakta zorluk çekilmedi. 1722-de İran şahı Safevî hanedanından Hüseyn vefat edinc ülkede tahti ele geçirmek için bir kavğa başladı. Hüseyn şahın oğlu şah Tehmasip muhalifleri tarafından takibe maruz kaldığı için firar etti. İşte, bunun üzerine, I-ci Petro iran tahtı valiahdinin şahlık hakkını müdafaaya karar verdi. Gerçi, Kafkasya İran değildir, fakat İrana götüren yol Kafkasya'dan geçer. Bundan Başka, I-ci Petro, bir zamanlar, 1712 yılında

Azerbaycan şehri Şemahi'da bir kaç rus tüccarının mahellî hükümdar tarafından göya bir kaç milyon rublalık malları ellerinden alınmış olduğunu hatırladı. Bu suretle, I-ci Petro değil yalnız iran şahının şahlık hakkını iade işini, ayni zamanda yol üzerinde tab'alerinin uğradığı ziyan mes'elesini de halletmeğe karar verdi.

Fakat, bu iki işden hiç birisini müsbet bir neticeye bağlıyamadı. 1722-nin ilk baharında Astrahan'dan çarın idaresi altında gemi ve kara ile yola çıkan 40 binlik rus ordusu değil İrana, Şemahi'ye bile varamadı. Rus ordusu Derbendi işgal ederek Şimalî Kafkasya ile Azerbaycan hududunda bulunan bu mahelde bir müddet kaldı, nihayet kafkasya dağlıları ve azerbaycanlıların daimî baskın ve taarrüzleri, hastalık neticesinde işgal ettikleri yerleri terk etmek mecburiyetinde bulundu.

Fakat, bu sefer neticesinde ruslar Terek boyunu işgal ederek oralarda bir sıra tahikimat yapmaga muvaffak oluyorlar. İşte, ötedenberi Gürcüstan'da çarlık, kinyazlık, Azerbaycan'da hanlık, Şimalî Kafkasya'da serbest demokratik cemaatler şeklinde filen müstakil bir hayat yaşamış Kafkasya, artık bu andan itibaren Rusya, İran ve Türkiye arasında mevcud siyasî ve askerî rekabete bir mevzu olmağa başlıyor.

Bu devletler arasında vuku bulan mütaaddit harbler neticesinde, Kafkasya'nın kendi aralarında rekabet yapan kuvvetlerden hiç birinin hakimiyeti altına girmek istemiyen ayri ayri kısımları bazen bitaraf bir ülke gibi ilân ediliyor, bazen devletlerden birinin mıntakayi nufuzu altında bırakılıyor ve bazen de harbın muayyen bir devrinde galib çıkan devletin erazisine idhal ediliyor.

Bu rakib kuvvetlerin çarpışmasından galib çıkan devlet, ekseriyetle kendi emperyalistce açılışının ilk bahar devrini yaşıyan Rusya idi. Bunun içindir ki, kafkasya milletlerinin son iki asır müddetince kendi istiklâlleri uğrunda yapmış oldukları mücadele, haddi zatında Rusya aleyhine yapılan savaştan başka bir şey değil idi.

Terek boyunda yerleşip kuvvetlenen Rusya, Kafkasya'yi sistematik bir tarzda işgal işine girişti. Kafkasya'nın I-ci Petro'nun ilk hükümdarlık zamanlarında Dnepr—Don—Edil nehirleri hattı üzerinden geçen cenub hudutları, gittikce Kafkasya dağ silsilesi eteklerine daha fazla yaklaşmağa başladı. Şimalî Kafkasya'nın düzlük yerlerinde yerleşmiş bulunan mogollar'ın, Temirlenklerin ve başkalarının akınlarını geçirmiş olan kesif yerli halk, rus ordusu tarafından amansızca imha edildi. Bu merhametsizce tedbir ile çar hükûmeti müstakbel kolonize işi için hazırlık yapmak istiyordu. Ve, hakikaten de XIX ci asrın bidayetine doğru kozak stanits ve kal'alerinin hattı Terek ve Kuban kıyılarını bir çember içerisine almakta gecikmedi.

Bundan başka, gene o sıralarda rus ordusu Cenubî Kafkasya'ya, Gürcüstan ve Azerbaycan'a sokulmağa muvaffak oluyor, bütün kafkasya milletleri ayaklanarak savaşa girişiyorlar. Şavaş bütün Kafkasya'yi ihate ediyor.

Ruslar, Şarkî Gürcüstan'da çar XII-ci Georg'in vefatından bilistifade 1801 yılının 12 Eylûlunda idareyi ellerine alıyorlar. Bu icbarî hareket bütün milletin galeyanına sebeb oluyor ve rus aleyhine bir hareket başlıyor. Rus aleyhine müteveccih bu hareketin başına XII-ci Georg'ın biraderi Aleksander geçerek, Şarkî Gürcüstanı istilâ eden ruslara karşı yıllarca süren müsellâh mukavemet işini teşkil ediyor.

Şarkî Gürcüstan'da yerleşen ruslar Azerbaycan hanlıklarını ve Gürcüstan'ın diger eksamını istilâ ve işgala başlıyorlar. Kanlı bir taarrüzden ve yerli garnizon'un kahramanca müdafaasından sonra 1804 ün Son Kânun'unda rus ordusu Gence hanlığının paytahtı Gence şehrini zabtediyor. Bu müsademede kal'ayi üstün rus kuvvetlerine teslim etmek istemiyen Gence hanı Cavat Han kal'ede kahramanca çarpıştıktan sonra şehit düşüyor. Bundan sonra ruslar tedricen diger Azerbaycan hanlıklarını da ele geçiriyorlar. Cenubî Kafkasya'da savaş bilâ fasıla 1830 yılına kadar devam ediyor ve ancak bu tarihtan sonradır ki, ruslar kendilerini buralarda nisbeten müemmen hisetmege başlıyorlar.

Buna mukabil, Şimalî Kafkasya'da yeni bir kuvvet kendisini gösteriyor ve Rusya'nın Kafkasya'yi temamen işgal altına alması işini 35 sene geri atıyor. Bu kuvvet de, Şimalî Kafkasya'da siyasî ve millî bir hareket şeklini almış bulunan Müridizm nam dinî cereyan idi. Bu çaşnıda Müridizmin başlıca ideoloğu Ruslara karşı yürüttüğü mücadele dolayisile Kafkasya'da kahramanlığı ile şöhret bulmuş maruf İmam Şamil idi.

Şamil, imamlığa inthab edildiği 1834 senesinde mücadelenin başına geçerek 1859 yılının Ağustosuna kadar 25 sene muazzam rus ordusu ile çarpışmış ve düşmanı mütaaddid defalar mağlubiyete uğratmıştır.

Rus askerî yazıcılarından general Fadeyef bu mücadele hususunda şunları yazmaktadır:

„Dağlı harbı, bizim kuvvetleri o derece meşgul etmiş bulunuyordu ki, Kafkasya'yi işgal eden 270 binlik bir ordudan Başkadıklar altına ancak 9000 ve Kürük—Dere altına da 1700 asker çıkara bilmiştik. Halbuki, tekmil Kafkasya'nın mukadderati bu cephelerde hallolunacaktı".

Başkadıklar ve Kürük—Dere 1854—55 yıllarında vuku bulan Kırım harbı zamanında türk cephesinde carpışma sahnesini teşkil ediyordu ve Kafkasya'nın mukadderatı hakikaten de bu çarpışma ile taayyün etmiş oldu.

1859 ın Ağustosunda takriben 300 binlik bir rus ordusu ile çevrilmiş ve hemen hemen her türlü maddî vesaitten mahrum bir halde bulunan Şamil, harbe nihayet vermek mecburiyetinde kalıyor. Fakat, Şimalî Kafkasya'nın garbinde, Çerkesistan'da ise Şamil'in naibi Muhammed Emin'in başçılığı altında harp daha 5 sene devam ediyor. Ve ancak 1864 ün Mayısında Karadeniz kıyılarındaki Mzımta nehri mensebinde bulunan ve son deme kadar mukavemet gösteren son dağlı aulu rus ordusu tarafından işgal edildikten sonradır ki, Kafkasya harbi nihayete ermiş bulunuyor. Harp bittikten sonra Şimalî Kafkasya yerli ehalisinden takriben 1 milyon kişi zorla sabik Osmanlı emperatorluğu hudutları dahiline sürülüyor.

Yukarıda ismi geçen general Fadeyef, Kafkasya harbinin sona ermesini Lehistan'da maruf Son Kânun isyanının tenkili ile karşılaştırarak şu şayanı dikkat (bilhassa kafkasyalılar ve lehliler için) mukayeseyi yapmaktadır:

„Geçen 1864 senesi, bin yıllık hayatımızın en

mesud senelerinden biri idi. Bu mes'ud yıl aylarında bir adam gibi birleşmiş rus milleti ayni zamanda iki mühim vak'anın şahidi oldu: leh isyanının tenkili ve uzun süren Kafkasya harbinin sona erişi".

Daha sonra:

„Lehistan ve Kafkasya isimlerinin bir araya getirilşi bir tesadüf eseri değildir. Bu iki mefhum arasında zahirî bir rabıta yoktur; bu iki memleket maddeten temamen ayrı iki hareket merkezini teşkil etmektedir. Buna rağmen, derunî bir rabıta değil ki mevcüd, hatta oldukca açık bir şekilde kendini göstermektedir. İstanbul'da bulunan maruf avrupa diplomatlarından biri bir müddet evvelisi şöyle bir fikir beyan etmişti: „Avrupa, Kafkasya'nın işgalına pekte lâkayt kalamaz. Avrupa, bir müstakil Lehistan arzu ettiği gibi, Kafkasya'yi da müstakil görmek ister. Hatta, Kafkasya'nın istiklâli sırası gelince, Lehistan istiklâlinin tahakkukuna dahi oldukca yardım ede bilir".

Ve daha sonra:

„Hakikaten de Rusya'nın güttüğü gaye gerek Kafkasya'da ve Lehistan'da ayni idi. Tarihimizin ayni zarureti emperatorluğun iki başka civarında ayni şekilde ifadesini bulmuştu. Rus milleti hemen hemen ayni bir zamanda kendi tabiî artışında iki engel ile karşılaşmıştı.

Biri avrupa digeri de asya hududunda olan yolun yarısı katedildikten sonra artık bu engel karşısında geri gidilemezdi. Her iki mahelde engelleri kaldırmak için bazen alenî, bazen el altından, fakat bilâ fasıla yüz sene süren bir mücadele yapmak icab etti. Her iki mahelde gayemiz düşmanı mağlub etmek değil, hiç şüphesiz bize aid olan kendi malımızı düşman taarrüzlerinden bir defalik korumak ve bu yerlerde kuvvetlenmek idi. Bütün yüz yıl müddetince Kafkasya, bizim için tam manasile bir „asya Lehistanı" idi".

Tabiî, Fadeyef, „hiç şüphesiz bize aid olan kendi malımız" diye tarif ettigi yerlerden bir kısmının epeyi zaman sonra asıl sahiblerine geçecegini aklından geçirmemişti. Fakat, rus generalının tahlili emperyalistce zihniyetin eyri aynasında gösterilmesine rağmen pek te yanlış bir tahlil değildir. Generalın Kafkasya ile Lehistan mukadderatının bağlılığı hakkında ileri sürmüş olduğu düşünce, promete namı altında bugün gittikce daha fazla bir intişar sahası buluyor. Bu ciheti, Adam Çartorıyski, general Zamoyski ve digerleri gibi Büyük Lehistan Muhaciretinin ileri gelenleri dahi göz önünde bulundurmuş ve bu saikle Avrupa'yi Şamile yardıma davet etmiş ve bu devletlere, müracaatlerin neticesini beklemeden kendileri ona silâh, adam ve askerî mutahassıslar göndermişlerdi.

Rusya, Kafkasya'yi işgal ettikten sonra işgal altına aldığı diger yerlerde olduğu gibi burada da kendine mahsus rus siyasetini tatbika girişti. Kafkasya şiddetle ruslaştırılıyor, her türlü millî hareket takib olunuyordu. Vatanseverler kafile kafile Sebirya ve „emperatorluğun diger uzak yerlerine" sürülüyor bunların yerlerine ise Rusya'nın kendisinde yer bulamiyan kolonistler, her türlü „maceracular" ve cemiyetin tışarı attığı unsurlar geliyordu. Mahellî idare müesseseleri hırsız memurlar ve ordudan tard edilmiş zabitanın elinde bulunuyordu.

Kolonize siyaseti bilhassa Şimalî Kafkasya'da daha fazla ve şiddetli idi. İyi ve münbit erazi gelme kazaklara, hizmetten çıkmış zabitan, memurlara veriliyor yahud da bilahere Rusya'dan gelecek olanlara dağıtmak için devlet fonduna alınıyordu. Yerli ehali ise dağ geçitlerinde yerleşmek yahut her türlü sefalete mahkûm bir vaziyette gayri münbit toprak üzerinde oturmak mecburiyetinde bırakılmıştı.

Hatta rus mekteblerine — millî mekteb mevzuu bahs bile olamazdı—çok müşkülatla giriliyordu. Millî kültür ise, açık bir şekilde inkişaf etmekten mahrum bir halde ancak gizliden gizliye kendine bir inkişaf yolu buluyordu. Gayet mahdut ve ara sıra çıkan matbuat ise çok ağır bir sansora tâbi tutuluyordu.

Bütün bu takibat ve tazyıka rağmen Kafkasyada millî ruh hiç te ölmiyor, Azerbaycan, Gürcüstan, Ermenistan ve Şimalî Kafkasyada müstevliler tarafından amansızca bastırılan isyanlar çıkıyor. Kafkasya'nın bir çok yerlerini ihate eden ayaklanma, bilhassa 1877—76 yıllarında rus—türk harbı sırasında vuku buluyor. 1905—6 yıllarında ise, Kafkasya sabik emperatorlugun en fazla ihtilâl ruhu ile taşan bir yeri halini alıyor. Daha evelce kendi programlarında millî mes'elelere yer veren gizli ihtilalci—siyasî teşekküler vücude gelerek Kafkasya'da hareket ve faaliyete geçiyor. XX-ci asrın bidayetinde ise Kafkasya milletlerinin millî kuvvetleri artık müteşekkil bir hale gelerek müttehiden kurtuluş hareketini devam ettiriyorlar.

Cihan harbi ve bunu müteakip Rusya çarlığının çöküşü neticesinde artık Kafkasya'nın istiklâli mes'elesi açıkca ortaya vaz'ediliyor ve 1918 in Mayıs'ında Kafkasya milletleri kendi istiklâllerini ilân ediyorlar. Kafkasya milletlerinin bir araya gelerek bir devlet halinde birleşmeleri zarureti, o zamanki Kafkasya ricalının bir coğu tarafından takdir edilmekle beraber, objektif şerait ve her şeyden evvel hadiselerin süratle inkişafi bu birleşme işini akım bırakıyor. Bu cihet ve Avrupa'nın Kafkasya istiklâli mes'elesine biğâne kalarak Kafkasya cumhuriyetlerini kendi başlarına bırakması, daha kuvvet bulmamış genc Kafkasya hürriyetinin mukadderatı üzerinde feci bir âmil olmaktan geri kalmıyor ve bütün Kafkasya cumhuriyetleri merkezi devletler koalisyonu, Azerbaycan, Gürcüstan ve Ermenistan ise galib Antanta (Azerbaycan ve Ermenistan filen Gürcüstan ise hem filen hem de hukukan) tarafından filen ve hukukan tanınmasına rağmen müstakil bir hayat yaşamaktan mahrum oluyor.

İlk olarak, daha 1919 da general Denikin'in bayaz ordusunun tazyikına karşı çıkmış Şimalî Kafkasya düşüyor. Cumhuriyetin hükûmeti komşu ve kardeş Gürcüstan'a taşınıyor, halk kütlesi ise Denikinle savaşında devam ediyor.

1929 ın ilk baharında kızıl ordu Denikini hezimete uğratarak Azerbaycan hudutlarına yaklaşıyor. Ayni yılın Nisan ayında kızıl ordu harp ilân etmeden Azerbaycan hududunu geçiyor ve ihanetle ülkeye sokularak Baku'yu işgal ediyor. Bunu müteakip müstevli kuvvet derhal memleketin diger yerlerini zabta girişiyor. Buna karşı Azerbaycan Berde, Ter-Ter ve Gence'de kızıl ordu fırkalarını imha etmekle cevap veriyor ve ehali umumî bir isyan bayrağı açıyor. Buna karşı Sovyet hükûmeti Azerbaycan'a Denikin ve Kolçak ordusunun hezimetinden sonra serbest kalmış yeni ihtiyat kuvvetleri göndermek mecburiyetinde ka-

lıyor. En sonda memleket düşmanın faik kuvveti önünde boyun egiyer.

1920-nin son baharında ayni hiyleli metotla Ermenistan işgal edildi. Kafkasya'da müstakil olarak yalnız Gürcüstan kalmıştı. Bu memleketle de Moskva yenice ademi tecavüz muahedesi bağlamıştı. Buna rağmen, Moskva Gürcüstana da sokuldu. Şubatın 12 de kızıl ordu Gürcüstan hudutlarını geçerek Martın 18-de az mıktarlı gürcü ordusunun mukavemetinden sonra bütün Gürcüstanı işgal etti. Kafkasya yeniden esarete düştü.

Kısa süren istiklâl devri, Kafkasya milletlerinin hayati kabiliyetlerini pek alâ ortaya koydu. Bu milletler oldukca ağır, her taraftan düşmanla muhat bir vaz'iyette bir devlet hayatı kurmak ve bu devlete asrî bir şekil vermek istidadını gösterdiler. Kafkasya cumhuriyetlerinde sayısız millî mektebler açıldı, Azerbaycan'ın paytahtı Bakû'da, Gürcüstan'ın paytahtı Tiflis'te yüksek mektebler, o cümleden darülfunun tesis edildi. (Şunu da kayd edelim ki ihtilâla kadar, çar hükûmeti Kafkasya'da yüksek mektep açmak işini atlatıyordu). Büyük bir emek sarfile, hemen hemen maddî vesaitten mahrum bir vaziyette millî ordu teşkil edildi. Bu iş bilhassa Azerbaycan ve Şimalî Kafkasya'da çok zordu, çünkü çarlık zamanında devletin emniyeti bakımından yerli ehaliden asker alınmıyordu. Sıkı sansor tazyikından kurtulan millî edebiyat ve matbuat div adımlarile ilerileyerek esaret zamanında hüsule gelen boşluğu doldurmağa çalışıyordu. Bir sözle, her sahada millî hayat inkişaf ediyor ve uzun esaret yıllarından sonra hürriyetine kavuşan milletlerin ruhunda silinmez izler bırakıyordu.

Kafkasya'yi istilâ eden bolşevikler, derhal takriben üç senelik bir hürriyet ve istiklâl müddetince yapılan ne varsa hepsini imha etmege başladılar. Millî kültür, çar zamanında olduğundan daha fazla bir şiddetle takib edildi. Solovka ve diger sürgün yerleri Kafkasya vatanseverlerile doldu. Binlerçe Kafkasya'nın en iyi evlâtları, ülkenin ümidi gençler amansızca „Çeka" bodrumlarında boğazlandı.

Kafkasya, bu yeni esaret şeraitinde bile tazyik karşısında boyun egmedi. Müstevlî kuvvetle mücadele Kafkasya'da bilâ fasila devam etmektedir. Dağlar ve ormanlar bügün bile, gayesi ancak müstevli kuvvetle müeadele olan vatanseverlerle doludur. Sovyet gazeteleri sık sık millî terror teşkilâtı tarafından mahküm edilerek öldürülen mesul komünistlerin isimlerini bildirmektedir. Bundan başka Kafkasya'da bir çok büyük isyanlar dahi vuku bulmuştur. 1924 de Gürcüstan'da umumî bir isyan çıkıyor ve diger Kafkasya milletlerinden dahi yardım ve müzaheret görüyor. 1929, 1930 ve 1931-de hemen hemen bütün Kafkasya ayaklanıyor. Bolşevik komisarı Eliyava'nın söyledigine göre isyan eden müslümanların başında papaslar, âsî hırıstiyanların başında da mollalar duruyor. Diger bir bolşevik muharriri L. Klimoviç'in yazdığına göre (İ. Goldtsiyer'in „Islamda mukaddesler kültü„nam kitabın tercümesine yazılan mukaddimde) o sıralarda isyan eden kütleler millî bayrak kaldırıyor ve merkezleri muhacirette bulunan millî—siyasî teşkilatların şiarlarile hareket ediyorlardı.

Mücadele yalnız, müstevlî hükûmetin mümessil ve müesseseleri aleyhine alenî çıkışlarda bulunmak tarzile iktifa etmiyor. Mücadele, Sovyet hayatının kanuni şekil çerçivesi dahilinde dahi devam etmektedir. Mekteplerde rus diline karşı boykotaj yapılıyor, ilmî ve harsî müesseselerde Moskva'dan gelen ruslaştırma tazyikına karşı koyuluyor, sanayi müesseselerine rus amelelerinin akını aleyhine çalışılıyor. Hatta, komünist teşkilatlarında bile, ekalliyette bulunan yerli anasir, bilhassa son zamanlarda şiddet kesp eden Moskva merkeziyetçiligine karşı bütün mevcudiyetile mücadele ediyor.

Binaenaleyh, Kafkasya'nın her tarafında daimî surette bir „temizlik" yapıldığına, ilim sahasında, sanayide çalışan mütahassıslar arasında yapılan tevkiflere ve ülkenin, komşu Türkiye ve İranla dostluk bağı ile bağlanmasına rağmen, sayısız G.P.U. müfrezelerile dolu olmasına hiç te hayret etmemelidir.

Memlekette cereyan eden hadiseler ve bugün tahaddüs etmiş vaz'iyet, muhacirette bulunan Kafkasya millî hükûmetleri ve millî merkezleri tarafından bütün teferrüatile takib ediliyor ve milletin mukavemeti, siyasî muhaciretin faaliyeti için bir iman kaynağı teşkil ediyor. Bu hükûmet ve millî merkezler 1934 Kafkasya Konfederasyon Misakını imzalamış ve Kafkasya'nın halâsını müteakib tekmil kafkasya cumhuriyetlerini birleştiren konfederatif bir Kafkasya devleti teşkilini göze almıştır. Bu suretle, Şark ve Garbin hudutlarında bulunarak oldukca elverişli bir stratejik vaziyete malik 12 milyonluk müstakil Kafkakasya, Yakın Şarkta mühim bir siyasî âmil olacak ve bu sayede Rusya'nın Yakın Şarktaki pozisyonu zayıfliyacak ve Kafkasya bir defalık rus müstevlilerinin tehdidi altında bulunmaktan kurtulacaktır.

Vaktile, geçen asrın 40-ci yıllarında Kafkasya hayrihahlarından ingiliz Cems Bell, Kafkasya'ya tahsis etmiş olduğu bir kitabında şu satırları yazmıştı:

„İngiltere yahud Rusya'nın ilerilemesi ve açılması aleyhinde bulunan her hangi bir devlet, burada (Kafkasya'da) rus aleyhine en iyi bir siper yapmağa karar verirse, bu işi pek fazla gayret sarfına ihtiyac hisetmeden kolayca yapa bilir. Bunun için, sade Kafkasya milletlerini kendi himayesi altında bir araya getirip birleştirmek kâfidir. Bu birlik işi de aralarında bulunan ahlâk, an'ane ve menafi birliği dolayisile pek kolay bir tarzda tahakkuk ettirile bilir."

Bugün, yani Kafkasya cumhuriyetleri ilâni istiklâlinin 20 ci yıl dönümünde memnuniyetle diye bilirizki, kafkasya milletleri artık birleşmiş ve onları üçüncü bir kuvvet değil, kendi iradeleri ve kendi arzuları bir araya getirmiştir. Bu suretle, Bell'in arzusu bir parça başka şekilde olsa dahi, kısmen yerini bulmuştur. Fakat, biz kuvvetle eminiz ki, bu arzunun diger kısmı da tahakkuk edecektir. Yani, müstakil Kafkasya, Rusya'nın „sıcak denizlere" çıkan yolu üzerinde granitten bir siper olacak ve her türlü işgal yollarını kesecektir.

Bu suretle, Lehistan'ın yolbaşcısı Juzef Pilsudski'nin daha 1904 senesinde Nippon hükûmetine verdiği muhtırada ileri sürdüğü „rus devletini başlıca parçalarına ayırmak ve emperatorluğa dahil birleşmiş ülkeleri kuvvetle halâs etmek zarureti „yolundaki derin ve uzak gören fikri dahi tahakkuk etmiş bulunacaktır. Pilsudski'nin bu tarzda bir fikir beyan edişi, sade Lehistan'ın istiklâla kavuşmasını değil, ayni zamanda onun mevcudiyetini de emniyet altına almağı düşünmesinden ileri gelmiştir. Zira, işgal etmiş olduğu

Terk-Kala'da bolşevikler tarafından „dinaleyhtarı" müzeye çevrilmiş mescit.

Мечеть в Терк-Кала -- ныне большевиками превращена в „антирелигиозный" музей.

Abu-Bekir Hacı

„HÜR KAZAKLAR" HAKKINDA

İDAREDEN

Bay Muhammed Çukua'nın mecmuamızın Son Kânun nushasında intişar etmiş mekalesini sayın okurlarımız her halde hatırlıyorlardır. Mekale sahibi, mezkûr mekalesinde Paris'te rusca olarak „Kafkaz" nam bir mecmua çıkaran Bammata ve onun mahdut mikdardaki iş arkadaşlarına cevap vermişti. Bammat ve iş arkadaşları uzun bin yıllar bize aid ola gelmiş ve her tarafı ecdadımızın ve istiklâlimiz uğrunda çarpışmış şanlı mücahitlerimizin mezarlarile örtülmüş. Garbî Adige erazisinden vaz geçiyor ve bu yerleri muhacirette bir devlet teşkiline ve kazaklardan rus milletinden farklı bir millet vücude getirmege karar veren „hür kazaklar" adını alan mahdud bir grupa terk ediyorlar. Bamatın bu işde almış olduğu vaz'iyet gösteriyor ki, şimalî kafkasya milliyetçiliği onun için bir gaye değil, ancak kendisince belli olan emelleri için bir vasıtadır. İşte bu emeller için o, değil yalnız erazimizin mühim bir kısmından, hatta on yıllardan beri dedelerinin yurduna dönmek fırsatını bekliyip duran yüz binlerce kardeşlerimizden bile vaz geçmekten çekinmiyor.

Bammat'ın almış olduğu ihanetkâr vaz'iyet, Avrupa'daki propaganda işimize çok zarar veriyor. Zira, milletimizin haklı olarak kendisine aid bulunan eraziden vaz geçmeğe âmade bulunduğu tesirini uyatıyor. Milletlerin kurtuluşu işinde beynelmilel efkâri umumiyenin ehemmiyetini göze alırsak, Bammat'ın sırf şahsına aid vaz'iyetinin millî işimize ne büyük bir zarar getirdiğini anlamış oluruz.

Ekseriyeti itibarile, hiç bir hakka dayanmıyaraktan Bammat ve iş arkadaşları tarafından düşmanlarımıza peşkeş çekilen topraklardan gelmiş bulunan eski muhaciretimiz Bammatın işini takbih etmeli ve ona karşı mücadele etmelidir. Efkâri umumiye, Bammat'ın düşündüklerinin kat'iyen milletimizin düşüncesi olmadığını bilmelidir.

Eski muhaciretimizi, kazak mes'elesi ve bu mes'eleye karşı aldığımız vaz'iyet ile âşina etmek maksadile, işbu nushadan itibaren son yıllar zarfında bu mes'eleye aid mecmuamızda rusca olarak intişar etmiş mekalelerin türkce tercümesini vereceğizdir. Abu-Bekir-Hacı'nın aşagıya aldığımız mekalesi, 1932-nin sonlarında çıkan „Kafkasya Dağlıları" mecmuası nushalarından birinde rusca olarak derc edilmişti.

İdare

Bu makalenin maksadı münakaşa veyahud ahlak dersi vermek değildir. Biz yalnız okuyucunun objektiv tenvirine ve, hürriyet uğrundaki savaş tarihimiz için büyük ehemmiyeti olan hakikatı meydana koymaga çalışıyoruz.

Hür—kazak hareketi beş yıl var, ki devam ediyor, şimdiye kadar ondan bahsetmediğimizin sebebi şiar ve gayesinin tebellür etmesini beklediğimizden ileri geliyordu. Şimdi ise bu hareket artık bir kadar muayyen ve sabit bir şekil almış bulunuyor.

Bu hususta okuyucumuz umumî şekilde bile olsa bir fikir edinmelidir.

Kaydettiğimiz gibi, hür kazaklar hareketi beş yıl evvel Prag'da başlamıştır. Hür kazaklar kendilerini sabik Rusya imperiumuna dahil bulunan beş islav milletinden biri adederler (velikorus, leh, belorus, ukraynalılar ve kazaklar). Bu iddialerini hususî bir tarihî nazariye üzerine kuruyorlardı. Bu nazariyeye göre SSSRin şimdiki cenub isteplerinde („Don, Kuban, Terek" ve cenubî Ukrayna) bir zamanlar Kazakiya namında bir Türk devleti mevcud idi. Bu devletin ahalisi zamanla ortodoksluğu, rus dilini ve rus kültürünü kabul etmiştir. (Bu hususta hür kazaklardan bazıleri kısmen rus kültürü tesirine düştüklerini ve kazak kültürünün başlıca unsurlarını ise muhafaza etmekte olduklarını iddia ederler). Bundan başka hür kazaklar iddia ediyorlar, ki Rusya (yalnız kızıl Rusya değil çar Rusyası dahi) ve rus milleti kazakları daima ezmiş ve ezmektedir; Rusya ta eskiden beri kazakları mânen ve maddeten zaif salmak suretile imhaya çalışmış, kazaklar bütün haklarını (topragın üstüne ve altına olan mülkiyet haklarını, kendi kendilerini idare etmek haklarını v s. v. s) Rusyaya karşı savaşta veyahud onun yardımını görmeden elde etmişlerdir. Bir sözle hür kazaklar Rusyayı kazaklığın düşmanı ilan ediyor ve onunla mücadeleyi kazaklara teklif ediyorlar.

Hür kazaklar ideolojisinin başlıca esasları bunlardır. Lakin hür kazaklar bu umumî esaslarla iktifa etmiyorlar. Fikirlerini yayan iki haftalık „Volne kazatstvo" („Hür kazaklık") her sayısında hür kazaklar hareketinin mahiyetini konkretize ve detalize ediyor. Hür kazaklar ideolojisi temamile tebellür ve teşekkül etmemiş ise de ortaya atılan bazı siyasî mahiyetteki taleblerden kazakların kendilerine mahsus bir Kazakiya devleti yaratmak istedikleri anlaşılıyor. (Bir şey karanlık kalıyor: bu devletin „Kazakiya" adlanması şim-

erazilerden mahrum bir Rusya, oldukca zayif düşecek ve tehlikeli bir komşu olmak sıfatını kaybedecektir.

diki kazakların çıktıkları iddia olunan devletin hatırasına izafetenmi, yoksa bu yeni devlet müteşebbıslerinin bizzat kazakların kendileri olduğundanmi ileri gelmiştir?).

Bu Kazakiya ne gibi manzara arzetmış olurdu? Buna hür kazakların cevabları böyledir: altı Avrupa kazak ordularının erazisi Kalmık erazişile bir yerde 11.000.000 nüfuslu 870.000 kilometro murab, bir sahayı ihtiva eder. Hür kazaklar organının her sayısında kapakta basılan harıtaya ve sahifelerindeki açık mülahazalere dayanmak suretile Kazakiya devletinin cografî vaz'iyeti hakkında dahi bir fikir edine biliriz. Kazakiya Kafkasya daglarından Ural dağlarına kadar uzanacak ve cenubi — şark kısmında Türküstanın da bir parçasını içine alacaktır.

Bu sathî ve noksan icmalden bile Şimalî Kafkasyalı okuyucu, rus imperyalizmi ile mücadele halinde bulunan mahkûm milletler sırasında durmak istiyen hür kazaklar hareketinde işlerin hiçte yolunda olmadığını anlamış olur. Bu hususta Kazakiya konsepsionu kendisi her şeyi izaha kâfidir.

Fakat, hür kazaklar propagandalarını yalnız şimalîkafkasyalılar ve kazak muhacireti arasında yapmıyorlar. Mecmualerinde fransızca, ingilizce ve bütün islav dillerinde makaleler basıyorlar. Onlar muhtelif memleketlerin efkâri umumiyesine kendi ideolojilerini telkin etmeğe ve oralarda Kazakiya konsepsionlari için müzaheret ve yardım elde etmeğe çalışıyorlar. Ve bunu yaparken de gerek yaşadığımız zamanın hakikatleri ve amilleri hakkında, gerekse yakın, veyahud uzak, geçmişteki hadiseler için kendi hususî iddialerini tatbik ediyorlar.

Bugünkü kazaklıktan bahsederken dolayisile de olsa şimalîkafkasyalılardan ve onların kadim ve çarlık devri kazakları ile olan münasebetlerinden bahsetmemek olmaz.

Kazaklığın teşekkülü ve cenube yayılış tarihleri, Şimalî Kafkasyanın Rusya ile uzun yıllar süren kahramanca muharebe tarihlerile, Rusyanın şimalîkafkasyalıları katliam ve imha etme tarihile sıkı surette bağlıdır.

Kendi Kazakiya'ları için tarihî mesned yaratırken hür kazaklar bundan bahsetmemeği tercih ediyorlar. Onların iddialerine göre kazaklık Rusyanın iştirakı olmadan, hatta onun iradesine hilaf olarak inkişaf etmiş müstakil bir kuvvettir. Şimalî Kafkasya — Kazak münasebetleri tarihini ise hakikate hiç te muvafik olmıyan bir tarzda tasvir ediyorlar.

Bu hususta „Vilne kazatstvo"nun 117 nci sayısında mecmua idaresinin (imzasız). „Kazakların kendi topraklarına olan hakları„ndan bahseden makale çok şayanı dikkatır. Misal için makalenin résum'esi diye kaydedilen karakteristik parçayı aşağıya alıyoruz:

„Bu suretle, kısa da olsa, kazak topraklarının tarihî mülkiyetini tetkik ettikten sonra neticede diye biliriz, ki:

1. Donda olduğu gibi, avtokton temellük hakkile (başlangıçtan sahibi bulunmak);

2. İlk yerleşme ve Yayık, Volga, Terek ve Kuban'a sulh yolu ile kolonize ederek memleketi medenî yükselişe kavuşturmak hakkile;

3. Terek arkasında, Orenburg isteplerinde, Önkafkasyada ve Kubanda olduğu gibi—feth hakkile;

4. Umumiyetle bütün kazaklığın tarihî hayatı uzunu daima ceryan ettiği gibi, kendi memleketin asırlar boyu inadla, büyük fedakârlıklarla müdafaada bulunmuş olmak hakkile bütün kazak toprakları kazaklarındır.

Kazaklar kimseden kendi toprakları üzerinde hiç bir imtiyaz almış değillerdir, ve buna muhtaç dahi bulunmıyorlardı, çünkü kendi toprakları üzerinde ta iptidaden b ü t ü n h a k l a r a (seyrekleştirme metne aiddir) mâlik idiler..." ve ilh.

Şeyani dikkat bir mantık ve tarihin, ondan geri kalmıyan bir tefsiri. Bütün bunlar yalnız bugünkü „liberal" „Vozrojdeniye„nin değil merhum peterburg „Novoye Vremya„si ile rus zoolojik imperyalizminin diğer mümessillerinin dahi ideolojik arsenalinde şerefle yer tuta bilirler.

„Başlangıçtan sahib", „ilk yerleşme", „kültür mümessiliğı„, „Feth hakkı"—bütün bunlar İlovayskilerin, Platonovların ve başkalarının „rus tarihi" derslikleri vasıtasile sabik imperium vatandaşlarının kafasına zorla telkin edilen eski motivlerdir.

„Kazak hakikatı arayanlar".

„Feth hakkını" ortaya sürmeselerdi biz „V. K." mecmuasının bu „keşfiyatını" dahi (bir çoklarını olduğu gibi) sükütle geçerdik.

Okuyucu, etrafına vahşet, ölüm ve tahribat yayan rus imparyalizminin kanlı yollarını açanların ağzından kan ve silah hakki sözlerini eşitmegin bizi hayrete düşürdüğünü zannetmesin. Asırlar neticesinde teşekkül etmiş olan bir psikolojiyi beş yılda değiştirmek olmaz. Bizim nefretimiz başka nevidendir. Biz rus imperyalizmile mücadelede (kazaklarla değil — hayır) şehit düşen yüz binlerle kahramanlarımızın, ana yurddan kovulan yüz binlerin ve gurbette mahvolan onbinlerin hatırası namına protesto ediyoruz. Bütün dünyaya iradesini dikte eden bir devletle uzun on yıllar boyunca harbi devam ettirmeğe muvaffak olan bir millet namına protesto ediyoruz.

Kafkasya kazakların fethi yüzünden düşmedi. Kafkasyayı olan Rusya ve rus ordusu idi, ki bunun için de iki yuz yıl harbetmek ve tükenmez bir kuvvet sarfetmek mecburiyetinde kaldı. Kazaklar bu ordunun çok ehemmiyetsiz—hatta iptidada hesaba katılmıyacak kadar ehemmiyetsiz—bir kısmını teşkil etmekte idiler. Bizim ecdadımız hürriyetlerini şerefle müdafaa ede bilmişlerdir, ve hür kazakların ortaya attıkları Kafkasyanın fethi ve kolonize iddialari ecdadımızın hatıralarına karşı bir hakarettir.

Şimalî Kafkasya asil „hür kazaklarla" hiç bir zaman harbetmemiştir. Bu kazaklar şimalîkafkasyalılar nezdinde (kırım hanlarile Türkiye sultanlarında değil) daima melce ve tam Kafkasya misafirperverliği buluyorlardı. Terek (greben kazakları) ve Kuban (nekrasovçiler) mıntakalarında kazaklar asil Şimalî Kafkasya yerli ahalisi arasında kardeş gibi yaşamışlardı. Rusya tarafından takib olunan kazaklar Şimalî Kafkasyaya iltica ediyor ve himaye görüyorlardı. Bir kaç yüz, hatta bir kaç bin süvarinin cenğaver ve kesif şimalîkafkasyalılar arasında fatih ve kolonizator gibi yaşamaları imkân haricinde idi. Onlar iltica etmiş ve himaye arayan misafirler idiler ve Şimalî Kafkasyalılar anları daima öyle telakki etmişlerdi.

Kazaklara karşı böyle alâka, rusluk mahiyetleri üstün gelib kendilerini rus milletinin organik bir kısmı hissetmeğe başlayıncaya kadar devam etmiştir,

İvan Vasilyeviç Grozni (Müthiş İvan) 1561 de çerkes knyazlarından Temrük'ün kızı Meryem ile evlendi. 1567 de Moskva hükûmeti Temrükün müsaadesile Terek nehrinin nihayetinde Terki kasabasını tesis eyledi. Burada rus tüccarları Şark ile ticaret yapmaya başladılar. İptidade Terki, dost bir hükûmetin dost bir memlekette yapmış olduğu bir kervan-saray (han) idi. Zaman geçtikce ve Moskva kuvvetlenmeğe başlayınca bu „kervan – saray" da degişerek toplu-tüfekli müstahkem bir kal'aya çevrildi. Fakat dostluk tradisyonu daha kuvvetli olduğu ve Moskva'nın istilâ emelleri açık meydana çıkmadığı için, bu degişiklik bir gerginlik vücuda getirmiyordu. Greben kazakları yavaş—yavaş, doğmakta olan Moskva imperyalizminin tesîrine kapılmağa başlıyorlardı.

1604 de iki bin asker ve bir kaç bin don kazakları ile Buturlin ve Pleşçeyef, Şamhal Tarkovskinin erazisine sefer açtılar. Bu seferde greben kazakları dahi iştirak ettiler. Sefer ademi muvaffakieyete uğradı.*)

Bu andan itibaren Şimalî Kafkasya ve Moskva birbirile düşman haline geldiler. Fakat greben kazakları, Zarutski ve Marina hadisesinden sonra 1614 de ikinci defa olarak şimalîkafkasyalıların himayesine iltica ettiler. Bunun üzerine voyvoda Golovin Kabarda topraklarına taarruz etti. Şimalîkafkasyalılar mültecileri vermekten imtina ederek harbe giriştiler ve rus müfrezesini maglub ettiler.

1711 senesinde, birinci Petro zamanı Terek nehrinin mensabına asker çıkararak eski Terkinin yakınında tahkimat yapıyorlar. Şimalîkafkasyalıların himayesine sığınan greben kazakları kendilerinde uyanan ortak rus millî duyğusunun tesirile bu müfreze ile temasa geliyor, onun himayesi altında Terekin sol sahiline geçerek Şedrinskaya, Kurdükovskaya, Novogladkovskaya, Starogladkovskaya ve Çervlennaya gibi stanitsalar (köyler) tesis ediyorlar. Bu suretle hür kazaklar alelâde kazak haline gelerek Kafkasyada rus hakimiyetini yerleştiren aletlerden birine çevriliyorlar. Birinci Petro devrinde rus imperyalizmi muayyen bir sistem şeklini alıyor. Bu sistem Kafkasyanın istilâsında dahi kendisini göstermeğe başlıyor.

1722 de birinci Petro 22 bin dragun ve bir kaç bin kazakla birlikte maruf İran seferine çıkıyor. Bu seferde ruslar muvakkat bir zaman için Dağıstanın deniz sahilini tutmağa muvaffak oluyorlar. Fakat 1733 de eski vaz'iyet ihya olunuyor ve ruslar Terekin sonlarına atılıyorlar. Birinci Petronun emrile tahrib edilmiş kumuk köyü Kızıl—Yar'ın yerinde Kızlyar namında bir rus şehri tesis olunub buraya İrandan hicret etmiş ermeniler iskân ediliyor. Ayni zamanda Kargalinskaya, Dubovskaya ve Borozdinskaya gibi yeni kazak köyleri salınıyor, ki ailevî Terek ordusunun temeli bu suretle atılmış oluyor.

Rusyanın cenuba doğru ilerilemesinden telaşe düşen Türkiye 1739 de Şimalî Kafkasyanın iki devlet arasında müstakil tanınmasını taleb etti. Ayni yılda Türkiye ile Rusya arasında icab eden muahede aktedildi. Bu hadise Kafkasyada Rusyanın istilâ hareketini bir müddet için durdurmuş oldu. Fakat çok geçmeden rus ordusu Kumadan şimalde, Kuma boyunda, sonrada Kuma, Terek ve Malka nehirleri arasında olan adıge kabilelerini sıklştırmaga, köy, kasaba ve mamurelerini tahribe koyulmuştu.

1762 de Mozdok kal'asi inşa olundu, 1769 de ise e m p e r a t o r i ç e i k i n c i K a t e r i n i n e m r i l e Terek havzasına 517 Volga ve 100 don kazak ailesi iskân edilerek Kalinskaya, Mekenskaya, Naurskaya, İşerskaya ve Galüyayevskaya stanıtsaları meydana geldi.

1774 de maglub Türkiye, Küçük Kaynarca muahedesile, hiç bir zaman kendisinin olmamış Kafkasyanın Kırım hanına aid olduğuna razi oldu. Rusya o zamanlar Kırımda kendisini kendi evinde imiş gibi hissediyor ve Kırımı yutmağa hazırlanıyordu. Bu muahede Rusyaya Şimalî Kafkasya topraklarını zabtetmek için hukukî bir sebeb teşkil edecekti. Filhakika, sonralar milletlerarası münasebatlerinde Şimalî Kafkasya mes'elesi vaz'olunurken Rusya daima Küçük Kaynarca muahedesini ileri sürdü. İkinci Katerinin maruf favoriti Potemkin Yekaterınograd, Georgiyevsk, Aleksandrovsk ve Stavropol k a l ' e l e r i n i n i n ş a s i n i e m r e t t i. Onların himayesi altında Volga kazak alayı iskân edilerek Kuma ile Kalaus arasındaki topraklara rus küylüleri yerleştirilmeğe başlamıştır.

1785 de, Praga katliamını tertib eden Suvorov, Kubanın Şimalinde yaşayan adiğelilerle türk (nogay) ahalisini kılıctan geçirmek suretile imha etmiştir. Hatta rus menbalerinin şehedetine göre bile Kuban nehrinin şimalinde yaşayan Nogaylar o zaman 80.000 çadırdan ibaret idi, yâni bir kaç yüz bin insandan ibaret idiler. Bu yüzbinlerden ancak bir kaç bin adam kurtula bilmiş ve Kuban adigelılerinin arasında yerleşmişlerdi.*)

1792 de i k i n c i K a t e r i n h u s u s i b i r f e r m a n i l e (daha doğrusu resmen tastik etmesile) Kafkasya askerî hattı tesis olunmuştur. Bu fermana göre rus ordu kumandanlıgı bir sıra yeni istihkâmlar inşa ediyor ve onların himayesinde yeni kazak stanitsaları (köyleri) meydana geliyor (Kafkazskaya, Temişbekskaya. Potemkin şerefine—Grigoriopolskaya ve başkaları): ayni zamanda Stavropol etrafında ve Kuma boyunda yeni rus muhacirleri iskân ediliyor. Ayni yılda (1792) y e n i b i r f e r m a n i l e Suvorovun imha ettiği nogayların ve adıgelilerin (bu sonuncular ekseriyetle Kubanın sol sahiline geçmeğe nasıl olsa da muvaffak olmuşlardı) topraklarına Bug arkasından, ikinci Katerinin darmadağın ettiği, Zaporoj kazaklarının bakiyesi nakil ve iskân edilmiştir. K o l o n i s t l e r, S u v o r o v u n f e t h e t t i ğ i t o p r a k l a r ü z e r i n d e h u s u s î b i r m ü l k i y e t v e s i k a s i l e t e c h i z e d i l m i ş l e r d i.

Bu suretle 18 nci asrın sonuna doğru ç a r f e r m a n l a r ı v e r u s a s k e r î k u m a n d a n l a r ı n ı n e m i r l e r i l e, m u n t a z a m r u s a s k e r î k u v v e t l e r i n i n h i m a y e s i a l t ı n d a. „Önkafkasya„ da ve "Kubanda" kal'eler ve askerî iskân mıntakaleri tesis olunuyor. Terek ile Kubanın şimalinde olan

*) Böyle bir sefere 1594 de. çar Fedorun emrile astrahan valisi knyaz Hvorostin dahi açmıştı. Bu seferde rus müfrezesi temamile imha edildiği gibi Şimalî Kafkasyalılar Terki kasabasını da tahrib etmişlerdi.—İdare.

*) Kuban nehrinin şimalinde Nogaylar şu suretle yerleşmişlerdi; Kubanla Azak denizi arasında—burlaklar; onlardan şarka, şimdiki Krasnodar havalisinde—Katalinler, onlardan şimale, Azak ve Yene nehri havalisinde—sembuluklar, şimdiki Yeyskiden Dona kadar—bucaklar, onlarla cembuluklar arasında garbî Maniça kadar Yedisanlar.—İdare.

geniş istep—Stavropol düzü Şimalî Kafkasya ve nogay ahalisinden tamamile denilecek derecede temizleniyor. Memleket „rus memleketi" haline geliyor, kazaklar ise, rus köylüleri ile birlikte, rus hakimiyetini tahkim için „medenî yükseliş" kahramanı kesiliyorlar.

Kafkasya askerî hattının tesisinden sonra kolonize hareketi kuvvetleniyor. Kazakların Kafkasya „hattına" muhaciretleri ve grup halinde iskânları devam ediyor Ayni zamanda içeri Rusyadan devlet köylülerinin ve onların arkasınca da mülkedar köylülülerinin külliyetli muhacireti müşahede olunuyor. Buna, rus istilâsına karşı Şimalî Kafkasya ahalisinin reaksyonları da şiddetleniyor. 19 ncu asrın başı şimalî kafkasyanın rus istilasına karşı mukavemetinde bir dönüm noktasıdır. Mürüdizm teessüs ediyor, Kazı Mehmet, Hamzad Bey ve nihayet büyük Şamil gibi şanlı imamlar meydana geliyor. Garbî Kafkasyada Şamilin en değerli naiblerinden Mehmed Emin harekete geçiyor. Şimalî Kafkasyanın istep kısmını nisbeten kolaylıkla geçen ve Cenubî Kafkasyaya inen Rusya 19 ncu asırda dağ etekleri ve dağlık kısmı mıntakasında altımış yıl durduruluyor. Kafkasyanın dağ aşağıları ve daglık kısmında bir avuc şimalî Kafkasyalılar rus istilâ ordusu ile 64 yıl geceli gündüzlü, bir an için bile ara vermeden, harbetmişlerdir. Bu muharebelerde kazakların rolu gene ehemmiyetsiz idi.

Rus hükûmetinin Kafkasyada kazak kolonizesi hitam bulmak üzre olan ve rus köylülerile iskân edilmiş rus askerlerinin de kazak zümresi addedilmeğe başladığı 1853-e doğru Kafkasyadaki rus hareket ordusunun sayısı böyle idi:

125 piyade taburu, 4 topçu livası, 16 topçu bölüğü (müstahkem mevkilerde) ve 2 muntazam süvarî alayı.

Bu ordu içerisinde kazak kuvvetleri 41 süvarî alayından ibaret olmuştur (21 Don kazak alayları, mütebakisi de Karadeniz ve Lineyni alayları), 10 piyade taburu ve 2 topçu taburu — vardı. Her taburda 1000 süngü hesabile (sayıları 47 olan hat taburlarında süngüler 1300-ü buluyordu), piyade rus ordusunun 125.000 süngüden ibaret olduğunu tereddütsüz iddia ede biliriz. Kazak alayları ise o zaman 500 kılıcı geçmiyordu. Bu suretle mevzuubahis devirde kazak kıtaatının sayısı hiç bir zaman 30 bin neferden fazla olmamıştır. Unutmamalı, ki rus ordusu ile bir sırada yerli ahaliden milis kuvvetleri harbe iştirak etmekte idiler ve bu milislerin sayısı kazaklardan çok olmasada, her halde az değildi. Bundan başka dağlık, ormanlık ve kayalık olan harb sahnesi süvarinin hareketini imkânsız ediyordu. Kafkasya harbleri tarihinden biliyoruz, ki kazaklar ancak irtibat gibi vazifelerle meşgul olmuşlardır.

Bütün bu tarihî hakikatler kazakların Kafkasyayı fethettikleri iddiasını çürütmeğe kâfidir.

1854 de askerî hatte iki yeni piyade fırkası sevkolundu (rezerv ve ihtiyat fırkaları) ve hareket ordusu kumandanının emrine verildiler. Bu suretle kazak kuvvetlerile müntazam rus kuvvetleri arasındaki nisbet daha ziyade değişti. Muntazam rus piyade kuvvetleri 165 bin süngüyü buldu. (Rus piyade alayları Kafkasyada 5-er taburdan ibaret idiler). Nisbet bununla da kalmadı. Çünkü harbin sonuna doğru Rusyadan Kafkasyaya yeni kuvvetler sevkolundu, ki içerisinde piyadeden başka muntazam süvarî alaylarını dahi ihtiva ediyorlardı.

1859 de, İmam Şamil cesurane mukavemetten sonra, Gunib dağında 400 müridrile birlikte rus imperatorunun general-adütantı knyaz Baryatinski ile müzakereye girişiyor ve mukavemette devamın ümitsizliğini nazara alarak silâhini bırakıyor. 1864 de Yevdokimof Kuban adıgelilerinin mukavemetini kırmağa muvaffak oluyor. Ayni yılın Mayısında 30 binli rus müfrezesi Şimalî Kafkasya istiklâlinin son kal'esi—Ahçıpso'yu işğal ediyor.

Kafkasya artık „alınmıştır". Galiblerin hiç bir hudud tanımıyan vahşetleri başlıyor. Rusya hükûmeti tarafından tanzim edilmiş bir plan üzerine milyona yakın Şimalî Kafkasyalı cebren Türkiyeye sevkolunuyor. Bu muhaciret tüyler ürperten sahnelerle teşyi olunuyor. Galib fethetmiş olduğu memleketi „huzur ve sükûn içinde idareye" başlıyor. Yerli Şimalî Kafkasya ahalisinin stratejik ihatesi devam ediyor. Yerli ahali ile meskûn mıntakaler rus muhacirlerile muhasıraya alınıyorlar. Ahalinin mühim bir kısmı, rus istilâsı üzerine çekilen ahali tarafından işgal edilmiş ve onsuz da yaşamak imkânsız olan kuru, kayalık dağlara çekiliyor. Düzlerde kalan şimalîkafkasyalıların en güzel ve münbit yerleri ellerinden alınarak kendilerine ziraate yaramıyan yerler bırakılıyor.*)

Rus hükûmetinin muavenet ve müzaheretile Kafkasyaya yeni kolonist kafileleri akmağa başlıyordu.

Kafkasyada rus imperyalizmile olan bu uzun ve kanlı mucadeleyi Praga hür kazakları „ilk yerleşme ve medenî yükseltme hakları" adlandırıyor ve onu „feth hakkile" takviyeye çalışıyorlar. Ve „hakki" benimsemekle tarihi keyfî surette tahrif ediyorlar.

Rusya esiri diger milletlerle birlikte „Promete" gibi sembolik bir birliğe dahil bulunan Şimalî Kafkasyalılar, mezkûr milletlerle el-ele işbu „feth hakki" ile „medeniyet rehberliği" iddiasile ve tarih sahtakârlığile mücadele yürütüyorlar. Bu yollarla düşmanlarımız kurtuluş saatımızı uzatmak fikrindedirler.

Biz hür kazakları düşmanlarımız sırasında görmek istemiyoruz. Fakat buğüne kadar olan bütün faaliyetleri Şimalî Kafkasyalıların yüreğine itimatsızlık ve şüphe tohumları serpmekten ibaret olmuştur.

*) Ekseren 20—30 başı bulunan her şimalîkafkasyalı aileye rus hükûmeti 5—6 dönüm yer veriyor, her kazaka (aileye değil, tek başa) ise 30—50 dönüm ayırıyordu—idare.

D İ K K A T!

İDAREHANEMİZİN YENİ ADRESİ ŞUDUR:

В Н И М А Н И Е!

НОВЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Belwederska 44 m. 1—Warszawa (12), Pologne.

Yeni ruslaştırılmış alfabeler

Dağıtstan muhtar sovyet sosyalist cumhuriyetinin merkezî icraiye komitesi riyaset divanı bu yılki 4 Şubat tarihli toplantısında aşağıki kararı ittihaz etmiştir:

„1 — Hükûmet komisyonu tarafından avar, dargi, lezgi, kumuk, lâk, tabasaran, nogay ve tat milletleri için rus harfleri esası üzerine tanzim edilmiş alfabeler projesi tastik edilsin.

2 — Adları 1-nci maddede zikrolunan milletlerin dillerinde çıkan bütün gazeteler ve, türklerin yaşadığı yerler müstesna olmak üzre, bütün aşağı devlet organlarındaki yazı işleri 1 Temmuz 1938 den itibaren latin esasından rus alfabesine geçirilsin.

3 — Dağıstan muhtar sovyet sosyalist cumhuriyetinin halk komiserleri heyeti yakın toplantısında, 1938—1939 oku yılının başına kadar, yaşlılara mahsus mektebler için ise 1 Mart 1938 e kadar, gerek matbaa işlerinin tanzimi, gerekse Dağıstan milletlerine aid bütün mekteblerde tedrisatın latin esasinden yeni alfabeye geçilmesi sahasında amelî tedbirler alsın.

4 — Bütün rayon icraiye komiteleri, 1 Mart 1938 den gec olmamak üzre, yeni alfabeyi ögrenmek için rayon ve köy memurlarına mahsus mekteb, kurs ve seminarlar tesis etsinler".

Merkezî icraiye komitesi reisi avezine A. Tahtarof ve kâtib E. Matatof tarafından imza edilmiş olan bu karar 5-II-1938 tarihli „Dağıstanskaya pravda" gazetesinde çıkmıştır. Mezkûr gazetenin ayni sayısında Dağıstan komünist fırkası bürosunun da 4 Şubatta ittihaz olunan kararı derc-olunmuştur. Bu karar daha maraklıdır. Birinci kararda mes'elenin „amelî" tarafı tenvir olunuyor ve „islahatın" ne zaman ve ne şekilde yapılması tayin ediliyor; ikinci kararda ise russifikatorlar hareketlerini haklı çıkarmak için „manevî" esaslar, „ideoloji" vaz'ediyorlar.

İkinci kararda deniliyor, ki:

Sovyetler komünist fırkasının Dağıstan vilayet komitesi bürosu, Dağıstan milletleri tahriratının yeni alfabeye geçirilmesinin büyük siyasî ve kültürel ehemmiyetini, lenin-stalin milliyet siyasetinin zaferle devam etmesi neticesi ve vatanımız milletlerinin emekdaşlığı gibi telakki eder.

Rus esası üzerine yeni alfabenin tatbiki Dağıstan emekçi kitlesinin siyasî ve kültürel yükselişde devam etmesine ve Sovyetler birliği milletlerinin sosyalist kültürü ganimetlerini daha sür'atle ve tamamile benimsemesine yardım edecek en kuvvetli silahdır. Bu alfabe Dağıstan emekçilerile sovyet milletlerinin kardeş ailesine giren rus ve başka milletlerin sarsılmaz birliğini daha ziyade takviyeye yarıyacak ve Sovyetler birliğinin kudretini bir kat daha artıracaktır.

Sosyalizm ölkesinin amansız düşmanları olan burjua-milliyetçiler, trotskist-zinovyevçilerle ve buharın-rıkovçilerle birlikte yazı ve dil cephesinde dahi bozgunçu işlerini devam ettirmişlerdir. Onlar büyük kardeş rus milletinin dilini mekteblerden çıkarmışlardı. Dağıstan emekçilerinin menfaatlerine muhalif olan bu işlerinde onlar sosyalizm ölkesine derin kine kadar geldiler. Onlar Dağıstan emekçilerini büyük sosyalist vatanından koparmak ve sosyalizmin fütuhatini onun elinden almak, onu feodalite esaretine, hukuksuzluğa ve sefalete mahkûm etmek istediler.

Rus esasında yeni alfabenin kabulu, faşist burjua milliyetçi banditlerin dil ve yazı sahasındaki al çakca ziyançılıklarının bütün neticelerini çapuk likvide etmek işinde Dağıstan emekçilerine büyük yardım edecektir ve onları SSSR milletlerinin büyük kültürü ile daha ziyade yaklaştıracaktır.

Sovyetler komünist fırkasının Dağıstan vilayet komitesi bürosu bütün fırka teşkilatlarına, yeni alfabeyi yaymak ve hayata geçirilmesini kolaylaştırmak için geniş izahî ve siyasî faaliyete geçilmesini emreder". Yalnız resmî kararların ilanından sonra Dağıstanın „geniş sovyet ictimailiği" yeni alfabelerle tanış ola bildi; fırka ve hükûmet organlarının resmî kararından sonradır, ki sovyet gazetelerinin sahifelerinde ruslaştırılmış alfabe projeleri „geniş emekçi kitlesine" takdim olundu.

Sovyet idare metodunun maruz kaldığı evolusyon bakımından bu çok karakteristiktir. Bu hallerde eskide (arab alfabesinden latinceye geçerken, kabileerarası ve idare dili müzakere edilirken) kat'î karar vermeden uzun münakaşalar yapılıyordu. Ve bu münakaşalarda geniş halk kitlesi dahi iştirak ederdi.*) Şimdi ise islahat, sessiz, administrativ yollarla, yalnız „emekçi kitlesinin" değil, mahallî komünistlerin bile iştiraki olmadan icra ediliyor.

Doğrudur, o zamanlar dahi merkezî hükûmet kat'î karar üzerinde müessir olmaya çalışıyordu, bununla birlikte, bolşevizmin ilk yıllarında mahkûm milletlerin mâlik bulundukları nisbî münakaşa hürriyeti ve muhtariyetin bazı alametleri, Mosvkanın arzularına bir kadar mukavemet etmek imkânları yaratıyordu. Hali hazırda ise esir milletler bu „hürriyet" ten dahi mahrum edilmiş ve sovyet hükûmetinin merkeziyetçi ve ruslaştırıcı kararlarını bilâitiraz kabule mecburdur.

Geçen yazılarımızdan birinde russifikatorların reklam ettikleri bu nevbetî ruslaştırma aktlerinde dayandıkları delilleri tetkik etmiş ve bu delillerin esassız olduklarını isbat etmiştik. Fakat o zaman yeni alfabeler daha elimizde değildi. Bu alfabelerle tanıştıktan sonra islahatın yalnız ruslaştırma gayesini güttüğüne bir kat daha kanaat getirdik.

Yeni alfabeler, doğrudur, eski zamanlarda Kafkasyada yapılan missioner alfabelerinden farklıdırlar. Onlar diakritik işaretlerden azade olub, yalnız rus harflerile iktifa ediyorlar. Fakat bu hal alfabe sahiblerinin asil gayelerini daha ziyade kabartıyor. Bu projelerde millî denilen alfabeler rus alfabesile tamamile birleşmektedir.

Bir fikir edine bilmek için „Dagıstanskaya Pravda" dan aldığımız ve kumuk, avar ve tabasaranlılara mahsus üç alfabe cetvelini takdim ediyoruz.**)

*) Arslan'ın „Dil mes'elesi hususunda 1928 de Dağıstanda neler söylenmişti?" makalesine bakılsın (Ş. K. NN 1, 2, 3. 4, 5—6).

**) B cetveller mecmuamızın Nisan nushasında bu makalenin ruscasile birlikte neşredilmiştir — idare.

Kumuk alfabesine olan izahatında „Dag. Pravda" yazıyor, ki:

„Latinleştirilmiş kumuk alfabesinde 29 harf ve ilave olarak (je, ju, ja ve şş) harflerinin birleşmesinden vücuda gelen 4 işaret vardı. Yeni alfabede ise 34 harf vardır ve koşa harflerden kaçmağa, esas itibarile, muvaffak olunmuştur. Evvelce koşa yazılan harfler — e, ю, я — şeklinde yazılacaktır". („Dag. Pravda" 9 II-1938).

Cedvelden ise öğreniyoruz, ki Sovyet russifikatorları koşa harflardan asla kaçmağa muvaffak olmamışlardır. Geçen kumuk alfabesindeki „je", „ju" ve „ja" yerine yeni üç harf koymuşlardır — „r 1", „гъ", „къ" dan ibarettir. Şu kadarcık farkla, ki eski alfabedeki koşa harflerden muvaffakiyetle kaçına bilinirdi ve bunun için de Garbda yapıldığı gibi yapılması kâfi idi, yâni „j" veya „y" harfleri vasıtasile münasib sesler vücude getirile bilirdi, („e", „a", „u" gibi.).*)

Latinleştirilmiş alfabe yapılırken koşa harf sistemi Sovyet mütehassisleri tarafından şiddetle reddedilmişti. Takdim ettiğimiz cedveller bunun canlı delilidir. Ne kumukcada, ne avarcada ve ne de tabasarancada esas itibarile koşalık yoktur (Sovyet alfabelerindeki „ju", „ju", „ja" müstesna olmak üzre). Sovyetlerdeki başka latin alfabelerinde dahi böyle bir şey mevcud değildir. Yalnız osetin ve çeçeno-inguşlarda „k", „p", „t" ve „c" gibi Kafkasyaya mahsus harfler „kh", „ph", „th", „ch" şeklinde yazılmaktadır. Latin alfabesini tanzim edenler koşa harf sistemine itiraz ederken bir sesin çok harflerle ifadesi matbaa işlerini zorlaştırdığını ileri sürüyorlardı. Yeni alfabe komitesinin 1933 de vuku bulan umumî toplantısında bu münasebetle denilmişti, ki: „poligraf sanayii iki ve alman „sch" usulunda çok harfli işaretler kullanmaktan men'eder. Böyle harfler kullnmanın doğru olmadığı çok harfli işaretlerin çok geniş saha işgal ettiğinden ve poligraf sanayiinde tasarruf yapmak bakımından kat'iyen münasib olmadığı meydandadır."**) Latinleştirilmiş alfabeler yaşadıkları müddetce bu prensipe ciddiyetle riayet edimiştir.

Halbuki şimdi ruslaştırılmış alfabelerde ikili değil, hatta üçlü harflar görüyoruz (tabasarancanın „Джz" i gibi). Bu suretle alfabenin ruslaştırılması aleyhinde olan motivlerden biri, „poligraf istihsalinde tasarruf" tamamile meydandan kalkıyor.

Şimalî Kafkasya alfabeleri için, ayrı—ayrı harflerin teknografik şekilleştirilmesinin iptidailiğinden ibaret olan ikinci motiv dahi meydandan kalkmış oluyor.

Yukarıda bahsi geçen umumî toplantıda sovyetlerin latinleştirilmiş alfabesine dahil 96 harfdan 48-ci „kolay ve çapuk yazma prensiplerine mugayır" ad dedilmişti.***) Fakat Şimalî Kafkasya alfabeleri için bu ittiham yersizdir, çünkü bu alfebeler latin alfabesinden çok az uzaklaşıyorlar, Yeni alfabe komitesinin birinci umumî toplantısında Şimalî Kyfkasya alfabelerinde esas latin harflerine artırılan işaretlerin „teknografik şekilleştirme bakımından temamile muvafık oldukları" kabul edilmişti. Bu suretle russifikatorların Şimalî Kafkasyada latinleştirilmiş alfabe hakkında ileri sürdükleri „teknoğrafik müşkülat" delilleri de esassızdır, Bu delil, koşa harflardan kaçındığı hakkındaki iddiadan hiç te kuvvetlı değildir.

Bundan sonra gelen motiv islahatın asil gayesini açık meydana koymaktadır. „Dag. Pravda" (11-II-1938) bu motiv hakkında (lâk alfabesi münasebetile) şunlari yazıyor:

„Rus esası üzerine olan alfabe, lâk dilinin çok zenginleşmiş olduğu ve zenginleşmekte devam ettiği internasyonal ve sovyet istilahlarının doğru yazılmasını temin ediyor".

Bu maksatle, kaydetmiş olduğumuz gibi, ruslaştırılmış alfabelere, Kafkasya dillerinin asla muhtac bulunmadığı „b", „ъ", „щ" gibi harflar ilave edilmiştir. Bu harflar, rus olmıyan dillerin hali hazırda zorla aldıkları yeni sözleri kendi kanunlarına tâbi etmesini imkânsız kılacaktır. Bunun da mânası ruslaştırma yolunda ileriye dogru mühim adımdır. Çünkü bu vasıta ile rus olmıyan dillerde organik değişikler yapılıyor ve bu dillerin fonetikini değişmek istiyorlar.

Umumiyetle bu ruslaştırma mantıkının hiç bir tenkide tehammülü yoktur. Bir defa, latinleştirilmiş alfabe dünyada hakim bir alfabedir. En salahiyettar mütehassisler (sovyet mütehassisleri değil) latinleştirilmiş alfabeyi dünyanın en kolay alfabesi diye kabul ediyorlar. Moskvada bir müddet evvelisine kadar rus alfabesinin latinleştirilmesi lüzumundan ciddiyetle bahsetmekte idiler.

Latinleştirilmiş sovyet alfabesinın cihandaki emsaline yaklaştırmak suretile hakikî unifikasyonu ve rasyonalizasyonu takdirinde herkeste, herkesten evvel bolşeviklerin kendilerinde her türlü şek ve şüphenin meydandan kalkması icabederdi. Çünkü bolşevikler nazariyatta, her sahada internasyonal umumîleştirme taraftarıdırlar. Fakat bolşevizm bu yol ile gitmedi. O açık russifikasyon yolunu tercih eyledi ve onu merhalelerle geçmeğe muvaffak oldu: ilk önce ananevî arab alfabesini lagvederek yerine latin alfabesini koydu, bu latin alfabesini de sistemsiz olarak yaptı, sonra bu alfabeleri birleştirmeğe başladı, fakat onu da her yerde yapmadı ve evvelki alfabelerin bütün noksanlarını olduğu gibi muhafaza eyledi, ve nihayet, açık ruslaştırmaya girişti. Şimalî Kafkasya ve, bilhassa, Dağistan bütün bu merhaleleri geçmişlerdir.

Sovyet hükûmetinin ruslaştırma siyasetini, alfabelerin ruslaştırılmasına dair dekretin neşrinden sonra Dağıstan merkez îicraiye komitesinin ittihaz ettiği karar daha çok tasrih etmektedir. Bu karar rus dilinin mekteblerde okutulmasına aid olub hali hazırda bütün SSSR de devam eden seferin bir kısmıdır Bu seferin şiarı: „büyük rus milletinin dilini bilmek lâzımdır," cümlesinden ibarettir. Gerek Şimalî Kafkasyanın başka mıntakalerinde, gerekse alellumum SSSRin rus olmıyan kısımlarında dahi ayni mahiyette kararlar kabul edilmiştir.

Dağıstan merkezî icraiye komitesinin kararını aynile aşağıya alıyoruz.

Dağıstan muhtar sosyalist sovyet cumhuriyetinin

---

*) ŞŞ. harfini hesaba katmıyoruz, çünkü kumukcada rus sesine benzer „щ", ses yoktur. Kumuk alfabesine o ruslaştıranların israrile salınmıştı. Ayni sebeble „ecnebi sözlerinin doğru telaffuzu" için „ъ" ile birlikte rus „щ" ve „ь" harfleri de alınmıştır.

**) „SSSR milletlerinin dil ve yazıları — latinleştirilmiş alfabe komitesinin birinci bütün sovyetler plenumu stengrafisi" — Moskva 1933. Prof. Artemofun maruzası.

***) Anlaşılan bu noksan alfabeler mahsus yapılmıştır, gelecekte bu noksanlar ileri sürülüb kolaylıkla rus alfabesine geçile bilsin.

merkezî icraiye komitesi riyaset divanı kaydediyor, ki Dağıstan millî mekteblerinde rus dili tedrisinin fena vaz'iyette bulunmasına sebeb olan amillerden en mühimmi trotskist—buharinçi kapitalizm ihyaçilerile birlikte yürüyen kontrrevolusyon burjua milliyetçilerin bozucu faaliyetidir. Onlar sovyet apparatının ayrı—ayrı dairesine ve maarif organlarına sokularak Lenin—Stalin millî siyasetini ve Dağıstan milletlerinin büyük sovyetler birliği milletlerile kardeşlik vahdetini bozmağa çalışmışlardır.

Sosyalist kültürünün zirvelerini elde etmek, SSSRin bütün milletlerile alakada olmak ve rus amelesinin en eyi an'anelerini benimsemek için rus dilinin fevkalâde müsbet ehemmiyetini takdir eden Dağıstan emekçileri rus dilini öğrenmeğe hududsuz bir heves gösteriyor.

Dağıstan milletlerinin emekçilerine rus dili, SSSRin başka milletlerile irtibat ve alakayı kuvvetlendirmek için kuvvetli bir vasıta olacak, iktisadî ve kültür sahasında sür'atle yükselmeğe ve ilim ve fen sahasında millî kadro (mühendis, tabib, muallim, agronom, teknik v. s.) ikmaline devama yardım edecektir.

Dağıstan merkezi icraiye komitesinin riyaset divanı karara alıyor, ki:

1 — İkinci sınıftan başlıyarak bütün ilk ve üçüncü sınıftan başlıyarak bütün yarım orta ve orta millî mekteblerde 1 Eylûl 1938 tarihinden itibaren rus dili bir ders olarak mecburen okutulsun.

2 — Yarım orta ve tam orta mektebler için ana dilinde derslikler, mekteb levazımatı ve ana diline vakif tecrübeli muallimlerin mevcud olmadığı nazara alınarak, beşinci sınıftan başlıyarak yarım orta ve tam orta mekteblerde ve birinci sınıftan itibaren muallim mekteblerinde bütün derslerin rusca tedrisi temin edilsin.

3 — Dağıstan halk komiserler heyeti:

a) Millî mektebleri bitirenlerin rus dili bilğilerinin ölçüşünü tayin, 1-nci ve 2-nci maddeleri tatbikan rus dilinin okutulmasına aid plan ve proğramların yeniden gözden geçirilmesi, derslikler, luğat v. s. tanzim ve neşredilmesi, rus dili muallimleri ihzarı ve mektebler arasında taksimi gibi mes'elelerin hallile meşgul olmalıdır.

b) Mütehassis muallim kadrosu hazırlamak ve millî mekteblerde derslerin ana dilinde okutulmasını temin etmek için yarım orta ve tam orta millî mekteblerin ana dilinde dersliklerle temini için amelî tedbirler ittihaz etmelidir, çünkü rus dilinin okutulması mecburî olmakla beraber bütün millî mekteblerde ana dili tedrisatın esasını teşkil ediyor.

c) Rus dili sahasında millî kadrolardan ilmî işçiler hazırlamak için Dağıstan pedagoji enstitüsü yanında aspirantur teşkilile meşgul olmalıdır.

4 — Bütün nahiye icraiye komitelerine ve şehir sovyetlerine rus dilinin tedrisine dair gündelik kontrolunu artırması ve muallimlerin çalışmalarını temin edecek kültür—hayat şeraiti vücuda getirmesi teklif edilsin.

Dagıstan muhtar SSC merkezî icraiye komitesinin reisi A. Tahtarof.

Merkezî icraiye komitesi kâtibi: E. Matatof.

4 Nisan 1938. Mahaçkala.

Bu karar, artık alfabelerin değil, şimdiye kadar sovyet hükûmetinin „yerlileştirdiği“ ile iftihar ettiği mekteblerin ruslaştırılması demektir. Fakat bu „islahat” dahi „Dağıstan emekçilerinin” arzularını ifade etmez. Bilâkis 21 Mart tarihli „Dag. Pravda“ yazıyor, ki: „Dağıstanın 36 nahiyesinde 950 ilk mektebden yalnız 230-nda rusca tedris edilmektedir. Ve bu hadise „emekçilerden” kimseyi hiddetlendirmedi. Yalnız bolşevik uslubunda „bölünmez ve parçalanmaz Rusya”yı ihya etmek istiyen sovyet hükûmeti hiddet etti.

Alfabelerin ruslaştırılması artık tatbikat sahasına geçmiştir. Ve bu da akli selime mugayır, yalnız ruslaştırma maksadile yapılmaktadır. Şimdi, gene ayni maksatla mekteblerin ruslaştırmasına girişilmiştir. En yakın zamanda „inkılâbın” mahud millî siyaset sahasındaki „kazançları” hakkında yalnız acı hatıraları kalacaktır.

MATBUAT ARASINDA

Lehistan preventiv bir harbe doğru gitmelidir

Onbeş günde bir çıkan „Mysl Polska“ gazetesinin 1937, 7 nomaralı sayısında münderiç başmekalede, Lehistan'da prometeizm propagandacılığı yapan ve karilerimizce malûm bir şahsiyet olan Bonçkovski, bu noktayi nazari ileri sürmektedir. Bu şayani dikkat mekale hakkında karilerimize bir fikir vermek maksadile, mekalenin bazı parçalarını aşagıya alıyoruz:

Bonçkovski diyorki:

„Aşikârdırki, Lehistan'ın barışa davet eden ve harp tehlikesile mücadele eden sesi, sahrada yükselen bir ses olarak kalacaktır.

Aşikârdır ki, içtinabi gayri kabil olan şeyi muayyen bir hazırlıktan gelen sükûnetle, binaenaleyh zafere imanla kabul etmek çok daha müreccehtir.

Gene aşikârdırki, şu ve ya bu suretle yaklaştığımız harbi kendimize bir gaye edinmek. bizi gittikce artan dahilî inhilâldan kurtara bileceği gibi, bizi irademiz hilafına, pek elverişli olmıyan bir zamanda ve münasib olmıyan bir istikamette harbe karışmaktan da muhafaza ede bilir. Gayri kabili içtinab ve zorla sürüklendiğimiz bir harpte alman ön harp cephesi vazifesini yapmak yahut daha az felâketli olmıyan sovyet harp meydanı ve siperi rolunda bulunmaktansa, kendi tarafımızdan çıkarılan bir harbin teşkilatcısı olmamız daha iyidir.“

Mekale sahibi bundan sonra, Lehistan için zarurî olan bu harbin istikametini tayin ediyor. Esas itibarile istikmet ikidir: Almanya ve Moskva aleyhine.

Lâkin, müellif amelî bakımdan iki cepheye karşı harp açmak fikrini redediyor. Ve şimdiki halde Almanya aleyhinde harb açmayi imkânsız buluyor ve diyorki:

„Fakat biz Almanya ve Rusya aleyhine ayni zamanda harp açamayız. Balhassa, Almanya ya karşi harp açacak vaz'iyette değiliz. Zira bu, bizi değil sade rus devleti ile ayni zamanda bolşevizm ve dünya mafiyalarile tehlikeli bir uzlaşmaya icbar ede bilir. Almanya ile harp edemiyeceğimizin başka bir sebebi de şu ki, Almanya bugün çok süratli ve kat'i bir millî uyanış devrini yaşamaktadır. Her bir akıl ve keyaset sahibi siyasîce malûm bir şeydir ki, kuvvetli yahud kuvvetli olmağa çalışan devlet ve milletlerle harp, ancak müstesna hallerde yapıla bilir. Kendi teçebbüsümüzle Almanya ile biz ancak, Almanya gerek dahilen ve gerekse haricen bugünkü Sovyetlerin vaz'iyetine geldikten sonradırki, harb ede biliriz. Sovyetler ise bugün inhilâle doğru gitmektedir. Tarihî ve kuvvet itibarile yenilemiyecek düşmanları ise, zayif düştükleri ve düşmanla muhat oldukları zamanda vurmak lâzımdır. Komşu devletlerin harbiye nezaretlerinin gizli tahsisatile tutunan barışçılık „yaçeykalar„-ına mensup safdil enistitu kızları ve ihtiyarlarının tasavvur ettikleri barışı değil, hakikî barışı idare eden hayatın kanunu işte budur."

Makale sahibi, Rusya ile çapuk hesab görmeği ve „muazzam rus kuvvetinin yeniden ihyasını eli koyunda sükûnetle beklememeği" tavsiye etmektedir. Müellife göre, Rusya leh aleyhtarı planlarından hiç te vaz geçmiş değildir. Muzaffer çıkılacak harbın getireceği kazançları, müellif şu şekilde formüle etmektedir:

„1 — Rusya'yi millî devletlere parçalamak. Bu parçalanma ameliyesinden sonra bugün kuvvetli ve düşman taazzuvlarla muhat bulunan Lehistan, hiç olmazsa şark tarafında iki nisbeten zayif bir komşuyu ve daha şarka gittikce müstakil Ukrayna ve Belorusya arkasında bir çok tabıî dostlara malik bulunacaktır.

2 — Şimdiki halde ne Rusya ve ne de Romanya tarafından istifade edilmiyen Dnestr hattı, Ukrayna, Romanya ve Lehistan için bir nakliyat vasıtasi olmalı ve bu suretle Lehistan için Kara denize yol açılmalı, hür Kafkasya ve bütün Yakin Şarkla teşriki mesaide bulunmak işi temin edilmelidir. Lehistan'ın Kara denizde bulunması (erazi bakımından değil iktisadî bakımdan) leh büyük devletçiliğinin ilk şartıdır.

3 — Lehistan kendi şark eyaletlerinde emniyet ve istikrar elde edecektir. Zira, bu eyaletleri 160 milyonluk Rusya'ya değil de nisbeten zayif olan Ukrayna ve Belorusya'ya karşı müdafaa etmek kalay olacaktır. Eyaletleri, tek ve bölünmez Rusya'ya karşı müdafaa ise amelî bakımdan tahakkuku imkânsız bir şeydir.

4 — Lehistan'ın müdafaa mes'elelerini her şeyden evvel bir istakamette temerküz ettirmenin kabil olacağı imkânı. Bu istikamet de Almanya'nın taarrüzü anında yeni bir Grünvald'ın hareket noktasi olması icab eden garb istikametidir."

Bundan sonra, müellif ileri sürdügü bu planın karşılaştığı engellerin tahlili ile meşgul olmakta ve ez cümle şunları kaydetmektedir:

„Moskva ile mücadele işine engel olan zümre geçmişte sağ mehafil idi. Şimdi ise leh cemiyeti içerisinde rusdostluğu yapan anasır hep sol mehafildir.

Mübalağa yapmadan diyebiliriz ki, leh sol gruplarının ekseriyeti bizim şark harbına hazırlığımız işi için büyük bir manıadır. Bu hususta onlar, kendi millî gayeleri bakımından hareket eden yahudilik ve başta 1932 senesinden itibaren kendi harici siyasetile komintern ile tam bir teşrikî mesaide bulunan masonluk olmak üzre dünya mafiyalarından yardım ve müzaheret görmektedirler.

Şunu da ilave etmek lâzımdırki, tekmil solları sulhtaraftarlığı ile itham etmek haksızlık olur. Zira, Almanya ile harp, Avustrya Saksonya yahut Bavarya'nın „kuruluşu" mevzuu bahs olunca, yukarıda ismi geçen gruplar derhal birer militarist kasileceklerdir. Bu kabil bir „promete planı" onların işine gelir bir plan olurdu. İste bunun içindir ki, harbın şark isikametine müteveccih bulunması zarurî ve mühimdir. Bu, sade Lehistan'ın tarihî düşmanına karşı bir harp istikameti değil. ayni zamanda dahilde mevcud ecnebi ajanlığına ve inhilâla karşı çevrilmiş bir harp istikametidir de,

Bütün bunlarla alâkadar olarak, mekale sahibi Lehistan'da bir askerî partinin vücude getirilmesini zarurî buluyor.*) Fakat, bu parti „askerler hükûmeti" manasında anlaşılmamalıdır. Bu parti milletin mütaarriz ruhlu askerît eşkilatının bir merkezinden başka bir şey değildir. Bunun en bariz vasfı, carî ve ikinci dereceden mes'elelere değil, prensip mes'elelerine en fazla ehemiyet atf etmekten ibarettir.

Mekale sahibi, en sonda şunlari kaydetmektedir: „Lehistan'da askerî parti demek, yagellcn an'anesinin partisi, Grunvald ve III-ci Zigmunt, IV-ci Vladislav, Batori ve Zamoyskinin büyük şark planlarının varisi, J. Pilsudski'nin gizli planlarının ve Kiyef seferinin bir partisi demektir. Garb tarafından korunmak mes'elesine dönüşle beraber Promete mes'elesi. İşte, Lehistan'da muasir askerî partinin temeli!"

„Kurtuluş" mecmuasının Mayıs nushası

Azerbaycan Millî Kurtuluş hareketinin organı „Kurtuluş" mecmuasının Mayıs nushası temamen Azerbaycan ilâni istiklâlinin 20-ci yıl dönümüne tahsis edilmiştir.

Mecmuanın ilk sayfasında, 28 Mayıs 1918 de Azerb. Şurayi Millîsi tarafından ilân edilen tarihî İstiklâl Beyannamesi metninden alınmış parçalar derc edilmiştir. Bunu, Millî Azerb. „Müsavat halk fırkası Divan'ının Azerbaycan vatanseverlerine hitab eden

*) Yeri gelmişken şunu da kaydedelim ki, bu cihete mekalenin başlığında da işaret edilmiştir. Mekale şu başlığı taşımaktadır: „Lehistan'da askerî parti uğrunda."

beyannamesi ve daha sonra millî hareket lideri M. Emin Resul-zade'nin mekalesi takib etmektedir.

Mehmet Emin Bey, mezkûr mekalesinde yaşadığımız siyasî ânın hususiyetini bilhassa kabartmaktadır Mekale sahibi diyor ki:

„Bundan 20 yıl evvel, çarlığın çöküşüne bais olan harbsonu hadiselerindeki ruhun hususiyeti, milliyet fikrine kıymet vermekle beraber, internasyonalist ideolojilerin daha ziyade lehinde idi. Harbönü diyebileceğimiz şimdiki devirde ise, sosyal mes'elelerin halli kafaları meşgul etmekle beraber, başlıca hakim fikir, milliyet fikridir".

Mekale sahibi, bolşevizmin, çarlığın çöküşü hilafına başlıca olarak millî mes'ele bayrağı altında çökeceğine şüphe etmiyor. Ve azerbaycanlıları hadiselere hazır bulunmağa çağırıyor. Buna götüren yol da malumdur: Kafkasya'lıların, Kafkasya Konfederasyonu şiari altında birleşmesi ve kendi istiklâlleri uğrunda çarpışan Rusya mahkûmu milletlerle teşriki mesai.

„Beynelmilel münasebette Azerbaycan" unvanlı mekalesinde, Mirza Bala Mehmet-zade Azerbaycan Millî hükûmetinin diplomatik tarihini hülâsa etmektedir.

Mirza-Bala Mehmet-zade, bir müddet evvel Türkiyede neşredilen materyallara dayanarak, türk zabitlerinin Azerbaycan hizmetinde bırakılmasına dair proje hakkında şayani dikkat malumat vermektedir. Bu malumattan anlaşıldığına göre ingiliz ve alelumum müttefikler kumandanlığı böyle bir projenin şiddetle aleyhinde bulunmuşlardır. Projeye göre, azerbaycan askerî kıtalarında talimatcı vazifesini yapmak için türk zabitlerile kontrato yapmak düşünülmüş ve bu iş için Istanbul kabinesi kendi muvafakatını bildirmiştir. Mekale sahibi, tanzim edilmiş kontratonun suretini de mekalesine ilâve etmiştir.

Bundan başka mecmua bir çok mekale ve azerbaycan millî şairlerinin şiirlerini ihtiva etmektedir.

Mecmuada ecnebi muharrirlerin, alman profesor-türkoloğlarının yazılarına dahi bolca yer ayrılmıştır.

Berlin universitesi profesorlarından, „Die Welt des Islams" nam şarkiyat mecmuasının baş muharriri dr. Gothart Jeşke „28 Mayısın manası" başlığını taşıyan uzun bir yazısında azerbaycan millî hareketinin inkişafını tahlil ederek bu inkişafın, ifadesini 28 Mayıs aktında bulan muntazam bir seyir takib ettiğini kaydemekte ve bilhassa Kafkasya Konfederasyonu mes'elesi üzerinde durmaktadır. Profesor bu hususta şunları kaydetmektedir:

28 Mayıs bize başka bir hakikati dahi öğretmektedir: Konfederasyon mefkûresi bütün Maverayi Kafkasyalı milletlerle Dağlılar için artık tabiî bir zarûret halini almıştır. Evet, Kafkasya Konfederasyonu! Fakat, şüpheli ve millî işin ihanetkârı politikacılarla realiteleri göremiyen „âlimler" in sıslı kafasında tahayyül edilen fiktiv Konfederasyon değil, Kafkasyanın mevcud real kuvvetlerini hesaba katan hakiki Kafkasya Birliği! Böyle bir Konfederasyon teşkilâtı, Azerbaycan siyasî hakikatı ile karşılaşınca, „Müsavat" tan başkasını önünde bulmıyacaktır, çünkü, Azerbaycan Türkünün siyasî hayatındaki realitenin ne olduğu arandığı zaman daima „Müsavat"a tesadüf, edilmektedir ve edilecektir de! Garib bir tesadüf eseri değilmidir ki, Moskva, Sovyetler Azerbaycanında arayıp bulduğu herhangi millî bir teşkilât ve ya en küçük millî bir özeği mütemadiyen „Müsavatizm" cürmü ile itham ediyor? Evet, Moskva kendi düşmanını mükemmel surette tanımıştır ve onun ismine „Müsavat" diyorsa — yanılmıyor; çünkü Azerbaycanda kızıl rus imperyalizmi aleyhinde açılan İstiklâl bayrağı „Müsavat"ın elindedir Ümid edelim ki, Moskva „Müsavatizm" mefhumunun ne olduğunu anladığı gibi, Avrupada da, bu mefhumun ne olduğu ve neyi ifade ettiği tamamile idrak edilmiş olsun ve „Müsavat" fırkasına sadakatle bağlı olarak temiz millî duygularla meşbu bulunan Azeriler „Kafkasya patriotizmi" perdesi altında yalancı nasyonalizm hokkabazlığı yapan bulanık zümrelerden tefrik edilsin. Bir zümre ki, realitelere sün'i konstruksyonlar vasıtasile tecavüz etmek niyetindedir! Programsız, renksiz, destruktiv zümreler ise. Kafkasyalı milletlerin halâsından ziyade, daima bolşeviklerin değirmenine su veren bir güruhtur!...

Bunu müteakip mekale sahibi, bütün Kafkasyalılar için büyük ehemmiyeti olan Mayısın ifade ettiği manadan bahsediyor ve nihayet ermenilerin de Kafkasya Konfederarasyonu bayrağı altında birleşmiş komşularına iltihak etmesini arzu ediyor ve diyor ki:

„Kafkasyalı milletlerin saadet ve istikbali kar deşçesine birleşmiş Kafkasyalıların Konfederasyon İttihadındadır. Tahakkümü altında inlettiği müteaddit milletlere hiç bir millî hakimiyet hakkı vermiyen Rusya, ona güvenmek ve dayanmak isteyen Kafkasyalı bir millete saadet temin etmemiştir. Kafkasyalı milletler — tarihin bize gösterdiği vechile — ruslara inandıkları zaman, daima Rusya tarafından aldanmışlardır. Rusya'nın bu aldatmaları Gürcüstanın 1801-de vukubulan ilhaki ile başlamıştır. Profesor Ernest Nys (Brüksel) 1906-da Rusya'nın şu aldatma oyununu böyle tarif ediyor: „Hiyle, aldatma ve ihanet — işte Gürcüstan'daki rus hakimiyetinin dayandığı esaslar". Rusya, ayni rezil aldatmalarla 27 Nisan 1920-de Bakûyu ve 2 İlk Kânun 1920-de Erivanı istilâ etti. Moskva'nın Gürcüstan'la bağladığı 7 Mayıs 1920 tarihli „sulh muahedesi" ayni sebeble çiynendi."

Mekale şu cümlelerle nihayet bulmaktadır:

„Kafkasyalı milletler bir taraftan 11, 26 ve 28 Mayıs günlerini ve diger taraftan ak ve kızıl rusların yalan ve ihanetlerini unutmazlarsa, hiç şüphesiz gaybettikleri istiklâllerini yeniden elde ede bilirler".

Bundan sonra, Berlin „Ausland-Hochschule" si yanındaki Rusya'yi öğrenme enistitusu müdürü Prof. Dr. fon-Mende'nin mekalesi gelmektedir. Mekale sahibi, M. Emin bey Resul-zadenin yakın geçmişteki rolunu şayani dikkat bir şekilde karakterize etmekte ve şu işaretlerde bulunmaktadır:

„Gayrirus milletlerle rus devleti arasındaki münasebeti, Şubat inkilâbı üzerine, tetkik ve reviziyon yapmak imkanı geldiği zamanı duyan

Millî Azerb. „Müsavat" fırkası lideri Resul-zade Mehmed Emin Bey, Azerbaycanla Rusya arasındaki bağların çözülmesini ve Azerbaycana federativ Rusya cumhuriyeti dahilinde territorial muhtariyet verilmesini taleb etti. Emin Bey, Azerbaycan için istediği territorial muhtariyetin fevkinde de bütün Türklerin kültür vahdeti tezini vaz'ediyordu. Bu talebin vaz'i ile Azerbaycana, „rus devletinin ayrılmaz bir kısmı değilsin!", diye aydın bir duygu aşılandı ve bundan sonradır ki, Azerbaycanın, ilk fırsat ele geçince, temamile Rusyadan ayrılacağı hedef ittihaz edildi".

Mecmuada diger alman türkolog-şarkiyatçılarının dahi yazıları vardır. Yer azlığından dolayı ancak mekalelerin başlığını ve muharrirlerinin isimlerini vermekle iktifa edeceğizdir. Breslav universitesi şark seminariyumu müdürü dr. Herbert V. Duda'nın „Azerbaycanlı dostlarıma" mekalesi, Viyana İlimler Akademisi Şark şubesi âzalerinden Prof. Dr. Herbert Yanski'nin: „Azerbaycan İstiklâli" mekalesi; Gettingen universitesi Şark seminaryumu profesoru dr. Bertold Şpuler'in: „Almanya ve Azerbaycan" mekalesi; genç türkologlardan İohan Bensing'in: „Azerbaycan'ın İstiklâl günü münasebetile".

Bu yazılardan başka mecmuanın bu nushası da her zaman olduğu gibi günün havadislerine aid bolca haberleri ihtiva etmektedir.

В. Бончковский

Японско-русский конфликт*)

Постепенное усиление японско-русского конфликта есть явлением постоянным и углубляющим свое значение в течении многих лет. В 1783 г. Россия и Япония были отделены не имевшим тогда хозяина Сахалином, морем и китайской Манджурией. Наиболее близкий к Токио русский город — Иркутск — находился в 3 тысячах километрах. Между 1784—1876 г.г. сферы влияний и интересов обоих государств значительно сблизились. И в этом случае скорее Москва придвинулась к материковому хинтерлянду Японии. В 1858 г. Россия овладела приамурским краем, в 1860 г. — владивостокским округом, в 1875 г. — всем Сахалином. Постройка Владивостока — это новый признак надвигающейся к Японии русской империальной бури. 1877—1904 г.г. углубляют смысл предшествовавших событий. Россия оседает в Порт-Артуре, Дальнем, на территории Северного Китая. Следует отметить, что Порт-Артур расположен почти на одной параллели с Токио. Но, хотя и с опозданием, Япония перестает быть пассивным наблюдателем грядущих событий. Корея в это время принадлежит уже Японии (1894—95). Период до 1904 г. — это состязание в взаимном охватывании со стороны юга. Первенство принадлежит России. Япония есть дефенсивна и опаздывает. 1904 и 1905 годы превратились в первую большую пробу сил, фундаментированную всеми этапами политического развития обоих государств. В результате победной для Японии войны 1905 г. половина Сахалина попадает в руки Японии, Россия теряет свое влияние на тылах Кореи (Дальний, Порт-Артур). Япония приближается к Манджурии.

Поражение России в 1905 г. заставляет Москву изменить тактику на Дальнем Востоке. Перемену облегчает революция и ее лозунги. Стремящаяся к теплым берегам китайского Пацифика, Россия не обращала внимания на проблему Китая, уверенная в свою силу. После поражения и революции она уже стремится сыграть благодарную роль покровителя и организатора Китая, как равно превратить его в неистощимый резервуар людской силы для целей антияпонских и общемировых. Усилие Советов, вложенное в советизация (политическую руссификацию!) Китая, есть огромно. Два китайских университета в Москве, посвящающих большое внимание военным вопросам; образование китайской коммунистической партии; десятки тысяч обученных в России китайцев, корейцев, монгол, бурятов и т. п., непрерывным потоком направляемых из Москвы на советский Дальний Восток и в Китай. Одновременно, акт большой политической куртуазии и „китаефильства": отказ от прав экстерриториальности в отношении собственных граждан. Результатом этих усилий была частичная советизация центрального Китая, где образовалась коммунистическая республика, насчитывающая в 1929—30 г. 100 миллионов населения и более чем 500-тысячную армию! Прежний маленький Порт-Артур был заменен большим комплексом политических влияний, которые трудно будет быстро ликвидировать.

Но также, как и в период, предшествовавший 1905 г., Япония не является только свидетелем консолидации коммунизма в Китае и этим самым китайско-советского союза, направленного острием против Японии Занятие Манджурии Японией, с военной точки зрения, является повторением корейской операции в 1894—95 г.г. Манджу-Го становится клином, разделяющим Китай и Россию, как равно и ответом на советский рейд в глубокий китайский тыл Японии. Оно превращается в мероприятие, берущее под угрозу Владивостокский округ. Таким образом, общий китайско-советский фронт, тянущийся от Охотска до Кантона, становится вещью мало реальной.

Этот успех Японии встречает контр-акцию Советов в виде постройки новой империальной дороги, соединяющей центральный Китай и теплое китайское побережье с Россией через Туркестан и Внешнюю Монголию. Это — древняя китайско-туркестанская магистраль, более короткая, чем путь

*) Настоящая статья печаталась и в двухнедельнике „Myśl Polska". Автор рисует в ней в пластическом сокращении историюниппоно-русских взаимоотношений и соперничества. Особенно интересна заключительная часть статьи, в которой разбирается значение для Польши конфликта на Д. Востоке. — Р-ция.

via Владивосток, более близкая русским центрам, не находящаяся под непосредственной угрозой Японии. Полная политическая оккупация китайского Туркестана и Внешней Монголии, довершенная в 1923—32 г.г. Советами, подчеркивает серьезность и значение советских намерений в вопросе сближения с Китаем. Планы советско-китайского condominimum в Туркестане свидетельствуют о большой политической изобретательности красной Москвы.

Все определяющие линии развития событий 1904—05 г.г. были повторены в 1929—37 г.г. в гораздо большем масштабе, вводя в игру Китай и его провинции. Однако, официальная и открытая или, иначе, классическая война пока что не вспыхнула — не вспыхнула ни в год оккупации Манджурии, ни в связи с китайско-японской войной, ни, наконец, во время последних событий в августе т.г. в связи с конфликтом в заливе Посьет. Война не вспыхнула потому, что отчасти она уже ведется — правда, конспиративно — в Китае, и с меньшим риском, так как дает возможность выхода из нее. Но главная причина отказа от официальной войны кроется в убеждении, что и для одной и для другой стороны результаты этой войны могут быть катастрофическими и решающими судьбу ряда грядущих поколений. Кроме того, трудно решиться на полное военное выступление, имея перед собой „неизвестное" в виде гигантского и слабого Китая. Япония методом принуждения—войной, Москва путем привлечения симпатий и коммунистической пропаганды силятся установить будущие позиции Китая в русско-японской войне.

Это, пожалуй, является наиболее важным актом, подготавливающим завтрашний розыгрыш долголетней русско-японской игры на Дальнем Востоке.

* * *

События на Д. Востоке имеют для Польши огромное значение. 1905 год в большой степени способствовал возрождению польской независимости. Год этот был для Пилсудского тем годом обилия политических событий, в который его благословение сопутствовало японскому оружию. Сегодня мы имеем второй этап — этап во много раз более значительный. Поражение России или сосредоточение ее внимания всецело на Дальнем Востоке есть одновременно значительным облегчением нашего положения на протяжении 1400 километров восточной границы. Поражение или только исключительная заинтересованность делами Д. Востока? Мы судим, что второе — это слишком мало. Оно может быть лишь весьма кратковременным явлением, ввиду возможного выступления на арену возрожденного Китая, который в первом этапе своего активизма будет союзником России, беспримерно ее усиливая. Подумать только: 150 миллионов в России и 400 миллионов в Китае, отделенных не источниками конфликтов, но пустым резервуаром Туркестана и Монголии.[1]) Помимо этого, Япония есть страной стихийных бедствий, являясь одновременно — территориально и демографически — наислабшим из интересующих нас факторов на Дальнем Востоке.

Одно только прикрепление России к проблемам Дальнего Востока не удовлетворяет интересы Польши. Польшу по настоящему может удовлетворить лишь поражение России — так, как это было в 1905 г. или в 1914—17 г.г. Но поражение более глубокое, ибо это диктуется бесплодным характером экспедиций на Москву и интервенций, имевших место до сих пор. Оно должно выразиться в разделе России на ее составные части, способные к самостоятельному существованию, следовательно, на части национальные. Только таким образом может исчезнуть на восточных подступах к Польше огромная, потенциально непобедимая „красно-желтая", имперско-российская или даже китайско-русская опасность.

[1]) Современная советская идея китайско-русского союза имеет своих многих предшественников. Один из наибольших русских умов, известный химик и мыслитель друг В. Соловьева — Д. Менделеев — неоднократно проводил в своих трудах идею китайско-русского сближения. Между прочим, в „Дополнении к познанию России" (С.-Петербург, 1907 г.) на стр. 52 читаем: „Моя цель: познать Китай, сегодня явно возрождающийся для новой жизни и близкий нам не только географически и своим отношением к Японии, но и с точки зрения многих иных резонов. После осознания нами Китая, по моему мнению, следует с ним сейчас же вступить в политическое и экономическое соглашение". (Слова Менделеева, за неимением под рукой оригинала, переведены нами с польского перевода, сделанного автором статьи — Ред-ция).

М. Ч.

НЕЗДОРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Источником такого рода тенденции является религиозная диференциация Кавказа. Проявляется же она в настоящее время на страницах эмигрантской печати и в пропагандных выступлениях представителей различных эмигрантских кругов.

Сущность тенденции заключается в однобокой интерпретации значения религиозного признака в происходивших на Кавказе исторических событиях. В христианской части кавказской эмиграции в этом отношении почти полностью торжествуют тезисы официальной русской историографии, доказывающей, что на Кавказе происходила извечная борьба между мусульманством и христианством, что христианские народы претерпевали неслыханный гнет со стороны своих мусульманских соседей, что вся история Кавказа последних столетий прошла под знаменем борьбы этих двух начал. Исламу приписывается в этой интерпретации никогда не принадлежавшая ему нетерпимость в отношении иных религий, признающих начало единобожия.

Такой интерпретации не удалось избегнуть даже Вано Кавтарадзе, автору недавно вышедшей из печати книги „На путях к Конфедерации Кавказа", который, как мы судим, с полной искренно-

стью стремится найти равнодействующую для нейтрализации искуственных, в конце концов, кавказских противоречий.

Так например, на стр. 71 своей книги он пишет: „Войны приняли религиозный характер и велись между грузинами-христианами и мусульманами. Европа только раз переживала Варфоломеевскую ночь, а Грузия неоднократно. Тридцатилетняя религиозная война в Европе была национальной войной против космополитизма Рима, Грузия же весь этот период воевала для сохранения своего национального лица".

Затем на стр. 72: „Персия, Турция и мусульмане Кавказа не хотели понять того, что если они в течении более 300 лет, когда не было еще на политической арене могущественной России, выказали свою полную несостоятельность и не могли уничтожить христианскую Грузию, то тем менее они в состоянии были сделать это теперь, когда с севера начала сближаться сильная христианская Россия, ожидающая случая для покорения Кавказа".

Эта концепция превалирования в кавказской истории религиозных моментов над политическими, ограничиваемая цитируемым автором периодом в 300 лет, обычно распространяется на все время существования Ислама на Кавказе. Особенно популярен взгляд, согласно которого христиане Кавказа представляются в виде непреодолимого „барьера христианства перед натиском воинствующего Ислама". Этот тезис является лейт-мотивом национальной пропаганды даже в устах тех кругов, которые, уже в силу своих политических убеждений, весьма далеки от религии и, тем более, от религиозной нетерпимости и фанатизма.

Едва ли следует доказывать, сколь недальновидна и вредна, с точки зрения идеи общекавказской солидарности, эта сугубо-однобокая тенденциозность, не имеющая под собой никаких реальных основ. Едва ли следует говорить и о том, что преходящий эфект близорукой пропаганды, вместо об'единяющего конструктивизма, содержит в себе микробы раз'единения, а следовательно, грозит ввергнуть Кавказ в новые бедствия.

Целью нашей в данном случае является, елико это возможно в пределах журнальной статьи, рассеять тот туман иловайщины, который грозит захлестнуть выступления не только больших и малых „чемпионов" пропаганды, но даже и тех, кто при интерпретации кавказской истории пытается быть об'ективным. Этим, с одной стороны, мы отдадим должную дань исторической правде, а с другой — окажем, быть может, известное влияние на еще большее взаимное понимание кавказских национальных сил.

Итак, действительно ли мусульманство на Кавказе было воинствующим и действительно ли „Персия, Турция и мусульмане Кавказа" стремились „уничтожить христианскую Грузию" и вообще христиан Кавказа?

Ясно, конечно, что ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Религиозные противоречия на Кавказе никогда не играли той роли, какую, например, они играли, хотя бы, в истории Европы. Кавказ, по существу, не знает религиозных войн.

Один из армянских исследователей следующим образом характеризует определяющий момент древней истории Армении: „Благодаря соперничеству Персии и Рима и в силу об'ективных условий той эпохи Армении (феодализм), Армения сделалась вассалом этих стран".[1])

Эти слова с полным успехом можно распространить на весь Кавказ и на все исторические эпохи, заменив слово „феодализм" словом „партикуляризм", а вместо Персии и Рима поставив вообще все внешние силы, соперничающие в течении веков на подступах к Кавказу. И, именно, в этом надо искать — если не исключительно, то преимущественно — двигательные силы кавказской истории.

В продолжении столетий история Кавказа определялась борьбой между Востоком и Западом, соприкасавшимися с собой в бассейне Средиземного и Черного морей. Древняя Эллада, Рим, Византия и, наконец, Турция были теми силами, которые в этой борьбе репрезентировали Запад. Восток-же почти все время представляем был Ираном и иранизированными элементами передней Азии, и только сравнительно короткий период первых веков Ислама Иран должен был уступить место молодому мусульманскому государству арабов. В последние два столетия место Запада занял Север: Москва.

В этой борьбе Запада и Востока Кавказу суждено было играть подсобную роль. Роль эта диктовалась географическим положением Кавказа и его внутренним состоянием: раздробленностью на множество племен и миниатюрных государств. Конденсированной воле своих могущественных соседей Кавказ не мог противопоставить такую же свою волю и, в результате, втягиваем был в орбиту борьбы между соперничающими соседями.

Таким образом, кавказская история определялась по преимуществу, с одной стороны, об'ективным фактором внешних влияний, а с другой — суб'ективным фактором внутренней неустроенности.

Религиозный момент играл во всем этом ничтожную роль. Маздеистский Иран имел своих союзников как среди христиан, так и язычников Кавказа. Христианская Византия неоднократно громила христианские же Армению и Грузию, искавшие помощи в языческом Иране. Напомним, хотя бы, разгром Тифлиса в 626 году византийским императором Ираклием, который не постеснялся воспользоваться для этого войсками своего хазарского союзника.

Ислам не внес изменений в определяющие моменты кавказской истории. Так например, цитируемый уже нами Борьян пишет: „Арабы в 30-х годах VII века сделались господами положения в Персии и персидской части Армении, а через нокоторое время вторглись и в пределы Византийской Армении. До занятия арабами этой части Армении положение армян под властью Византии было тяжелое, так как византийские цари ставили своей целью насиль-

---

[1]) Б. А. Борьян — „Армения, международная дипломатия и СССР". Москва — 1928.

ственно ассимилировать армян или же подчинить их в религиозном отношении византийской церкви. Господство арабов в Армении и их отношение к армянам были более сносными, чем господство Персии и Византии. Арабы поддерживали торговлю армянских купцов и покровительствовали им. Этим, очевидно, и об'ясняется то, что, когда Юстиниан II старался склонить армянские привиллегированные слои на сторону Греции, последние писали ему: «сколько раз, оставаясь верными грекам, мы не могли от них добиться в своих бедствиях основательной помощи. Нередко за верность нам платили оскорблениями. Дать вам (грекам) присягу верности значит обречь себя на гибель и смерть. Лучше предоставьте нас нашим современным господам (арабам), которые защищают нас»."

Если отбросить марксистскую „диалектику", при помощи которой Борьян, как советский автор, пытается затемнить сущность излагаемого, то мы увидим, что господство арабов предпочиталось не только „привиллегированными слоями", но вообще всем армянским народом, выразителем воли которого были в то время эти слои.

Догматика Ислама, в сравнении с догматикой иных религий, отличается наибольшей веротерпимостью. И именно в этом заключается источник цитируемого нами, вслед за Борьяном, ответа армянских нахараров. Не надо забывать, что и в Грузии эпоха господства арабских эмиров в Тифлисе ознаменовалась культурным и экономическим под'емом, подготовив наступление еще более блестящей эпохи царицы Тамары и Шота Руставели. Характерным дополнением сказанного могут быть следующие слова известного исламоведа, покойного ныне проф. Бартольда, определяющие сущность Ислама: „Предсказать, какова будет роль религии в будущей жизни человечества, едва ли возможно; во всяком случее Ислам, как мировая религия, веками доказавшая свою жизнеспособность, осуществившая если не идеал свободы, то *идеалы братства и равенства в большей степени, чем христианство* (курсив наш — М. Ч.), не будет вытеснен никакой другой."[2])

Мусульманский империализм эпохи Омейядов и Аббасидов двигаем был в своем развитии не столько религиозной нетерпимостью и фанатизмом, сколько стремлением к расширению политического влияния и границ государства Халифов. Поэтому, именно, исламизация завоеванных стран никогда не сопровождалась такой жестокостью, какая, например, имела место при христианизации литовских племен Прибалтики или индейцев Америки.

Положение христиан не ухудшилось и тогда, когда арабский халифат распался на шиитский Иран и суннитскую Турцию. Борьян, говоря о положении армян в Турции, замечает, что до 1877—78 г.г., т.е. пока Европа не „заинтересовалась" судьбою армян, последние были довольны своим положением в Турции, предпочитая его положению своих сородичей в христианской России. Благодаря этому, армяне массами перебегали из пределов России в Турцию. Он же говорит, что во многих случаях в Турции положение мусульман было хуже, чем их соседей христиан.

Если бы „Персия, Турция и мусульмане Кавказа" стремились, как это думает г. Кавтарадзе и многие другие, к искоренению христианской Грузии и вообще христианства в своих пределах и на Кавказе, они этого, несомненно, достигнули бы. Ведь, не надо забывать, что вплоть до 17 столетия Турция была мугущественнейшим государством мира, а шах Аббас Великий был в состоянии вести с этим государством успешную борьбу. Ислам был достаточно силен, чтобы искоренить на Кавказе христианство задолго до появления здесь России, если бы к этому он, конечно, стремился. Но, как раз, этого то и не было. Ни Турция, ни Иран, как перед этим арабы, не ставили своей целью уничтожение на Кавказе христиан и христианства. Они довольствовались включением Кавказа в орбиту своих политических влияний.

Заняв место Византии, Оттоманская империя вела с Ираном борьбу с той же целью, с какой вела борьбу ее предшественница, а перед этим древний Рим. Кавказ же—как и тогда, так и теперь—играл в этом соперничестве подсобную роль, лишь временами способствуя победе то одной, то другой стороны. Но, повторяем, религиозный момент не играл при сем никакой роли. Кавказские правители и их подданные, без различия религиозной принадлежности, в одинаковой степени втягивались в орбиту этой борьбы и одинаково от нее страдали. Надир-шах, идя громить Дагестан, имел среди своих войск грузинские отряды, предводительствуемые будущим предпоследним грузинским царем Ираклием. Шах Магомет-Али прошел огнем и мечем не только восточную Грузию, но и южный Азербайджан. Еще в 1805 г. русский главнокомандующий на Кавказе кн. Цицианов писал тогдашнему министру иностранных дел кн. Чарторыскому: „Персия, кроме ханств и беглербегств, составляющих ее и зависящих непосредственно от самовластия шахов, имеет четыре наместничества, коих наместники назывались по-персидски вали, а именно: вали арабистанский, вали гурджистанский (грузинский царь), вали луристанский и вали курдистанский... Вышеуказанные четыре вали имели при шахском дворе звания и должности, кои ими исправляемы были при коронации шаха в Ардабиле; должности эти следующие: арабистанский должен был держать джигу или перо из шапки; гурджистанский—меч; луристанский — порфиру, а курдистанский — украшение из двух алмазных перевязей, и потому, без признания одним из сих сановников шаха в его достоинстве, шах не может короноваться. Прерогативы вали состоят в том, что когда шаха нет, то они могут раздавать ханское достоинство и сажать на ханство. Сим правом пользуются по старшинству своему, т. е. первый арабистанский, за ним второй—гурджистанский, третий — луристанский и четвертый — курдистанский, а потому младшие при жизни старшего оным правом не пользуются."[3])

Как видим, прерогативы правителя христианской

[2]) В. В. Бартольд — *Ислам*; изд-во „Огни". Петроград — 1918.

[3]) Акты Кавказской археографической комиссии, т. I, стр. 823.

страны превышали прерогативы правителей многих мусульманских провинций Ирана. Таким образом, эти страны на Кавказе не только не представляли собой „непреодолимого барьера" против мусульманства, но и принимали деятельное участие во внутренней жизни соседних мусульманских государств, имея на нее значительное влияние.

Но ничто не свидетельствует в такой степени о полной необоснованности мусульмано-христианских распрей в прошлом, как наличие во многих местах Кавказа и у его границ общих как мусульманам, так и христианам святынь. Целый ряд таких святынь, расположенных на незначительном пространстве в районе Конгуро-Алангясского хребта, перечисляет армяно-советский этнограф Ст. Лисициан в одном из номеров журнала „Советская этнография."[4]) Вот некоторые выдержки из этой статьи: „С Охчичайской стороны, у самого начала под'ема, стоит мусульманская святыня Пир-Довдан, или „св. Довдан", почитавшаяся как тюрками-магометанами, так и армянами-христианами."

Затем: „За перевалом, на Мегринской стороне, спуск заканчивается под деревней Лишком. Тут на правом берегу одного из главных истоков р. Мегринки, берущего начало из озерков со склонов вершин Айи-Чинчил, на мысе возвышается христианский храм простого базиличного типа Это—Звар, одна из главных святынь Мегринской долины, чтившаяся также как христианами, так и мусульманами, куда в день Вардавара (арм. „Преображения") собирались богомольцы со всех мегринских деревень."

Относительно церкви у верховьев Мокус-су читаем следующее: „В нем находилась могила Георгия, служившая предметом почитания как армян, так и курдов и турок на большом окружении. Предание приписывает возведение церкви совместно христианину и мусульманину (пастуху и местному курдскому бею). В строениях при церкви находили ночлег и готовое пропитание все передвигавшиеся через перевал, независимо от религиозной принадлежности."

Об этой же церкви немного далее: „На богомолье являлись и осенью, в день св. Георгия по церковному календарю, но в значительно меньшем количестве. Курды и турки редко являлись в престольные дни. Они отдельными семьями приходили с жертвами в неурочные дни. Путкийский „сурб-Геворк" (св. Георгий) призывался „на помощь" не только теми, кто поднимался на Егеровский перевал. К нему обращались армяне, курды, турки вообще во время непогоды и другой беды везде, чаще на озере Ване (иногда и на Черном море), обещая возблагодарить приношением денег, продуктов, изделий, животных и других видов имущества."

Религиозные распри внедряла русская политика, но ей, как видим из только что сказанного, несмотря на многолетние усилия, не удалось проникнуть в гущу народа. Там, где это ей удавалось, события кончались трагической развязкой. Трагедия армянского народа является в значительнейшей степени делом рук русской дипломатии.

Тенденция, которой мы посвящаем настоящую статью, идет следами этой дипломатии. Характерное явление: ни один из кавказских Иловайских, воспевающих подвиги царевича Александра, национального героя Грузии, не считает нужным пояснить, что вся его патриотическая работа велась в тесной связи с правительствами соседей на юге, прежде всего иранским, и опиралась в значительнейшей части на поддержку кавказских мусульман. Тоже самое можно сказать и о брате его — царевича Юлоне, как равно и о последнем имеретинском царе Соломоне. Не боясь преувеличений, мы смело можем сказать, что эти люди сохранили честь Грузии в трагические для нее годы при помощи тех сил, которым ура-патриоты склонны приписывать все несчастия, постигшие Грузию.

Мы понимаем, что такого рода пропаганда дает известный эфект, часто весьма значительный, среди слушателей - христиан в Европе. Здесь, несмотря на прогрессирующее безбожие, все еще сильны традиции крестовых походов. Но увлекающиеся пропагандисты не должны забывать, что этих традиций не было и нет на Кавказе. Не должны забывать также и того, что значительная часть кавказцев—мусульмане и что все мы собираемся строить свои национальные дома под общей кавказской крышей. В этих условиях тем более должны быть исключены из нашей среды вредные тенденции, нарушающие не только об'ективную историческую правду, но и гармонию, царящую среди нас.

Историческая правда гласит: кавказские народы, без различия религий и национальной принадлежности, на протяжении всего своего многовекового соседства в одинаковой мере подвергались ударам судьбы и в одинаковой мере способствовали, если вообще способствовали, пришествию на Кавказ исторических катаклизмов. Все мы в равной мере претерпели и в одинаковой степени несем ответственность за постигшие нас несчастия. Во имя нашего общего и счастливого будущего необходимо в своей пропаганде отрешиться от нездоровых тенденций, дающих преходящий эфект, но зато разрушающих основы нашей единой воли.

[4]) „Святыни у перевалов"— „С. Э." № 4–5, 1936 г.

Жанбек Хавжоко

Магомет-Эмин

В августе 1845 года, после возвращения из Западной Адыгеи Сельмена Эфенди,*) на его место туда назначается Магомет-Эмин. Надо полагать эта персональная перемена сделана была Имамом Шамилем в связи с проектируемой активизацией действий против русских на всем Северном Кавказе. В такой ответственный момент в Западной Адыгее

*) См. нашу статью: Посольство Имама на Западный Кавказ в 1844 году (журнал „Горцы Кавказа" N 31, 1932 г.).

должен был быть человек исключительно даровитый, надежный и твердый. Этими свойствами в полной мере обладал Магомет-Эмин.

Дату приезда наиба на место нового назначения трудно точно определить. Разные источники показывают ее по разному. Несомненно лишь одно, что летом 1848 года он уже действовал в Западной Адыгее. Несомненно также и то, что по приезде он был торжественно принят абадзехами, которые оставались ему верными до последних дней его пребывания в Западной Адыгее.

Но не так легко было приобрести власть над остальными адыгейскими племенами. Большое сопротивление наибу оказывали адыгейские князья и дворяне—прежде всего потому, что демократические реформы наместника Шамиля им приходились не по вкусу. Очень утрудняла его положение и политика Турции, которая субсидиями и нравственным влиянием поддерживала представителей адыгейской аристократии. В числе последних были Сефер Зан-ико, его сын Карабатыр, Гирандуко Берзег и многие другие.

Население Адыгеи имело в то время превратное представление о Турции. Во времена султанов не только многие выдающиеся паши, но и сами султаны были женаты на адыгейках. Благодаря этому родству с турками, многие адыгейцы, главным образом представители аристократии, получали большие посты при султанском дворе и в разных министерствах. Оставшиеся на родине родственники часто навещали их в Стамбуле, а затем, возвращаясь с богатыми подарками, распространяли по всей Адыгее всякие небылицы о могуществе султанов и о желании их помочь адыгейцам в борьбе с русскими. Это ложное представление о намерениях и возможностях султанской Турции ослабляло понимание необходимости централизации освободительных усилий Северного Кавказа, отражаясь в такой же мере отрицательно и на мысли о необходимости преимущественной ориентации в борьбе с Россией на свои собственные северокавкасские силы. В таком же направлении велась работа и прямых турецких агентов, поддерживаемая сановниками из северокавказцев при султанском дворе. Воодушевляемые этой работой адыгейцы проявляли в борьбе безумную храбрость, но зато так необходимое об'единение усилий встречало на своем пути множество затруднений.

Совершенно иные позиции занимало большинство адыгейского духовенства. Оно всюду и везде оказывало наибу Шамиля надлежащую помощь. К сожалению, влияние его, в сравнении с влиянием аристократии, было далеко меньшим.

Однако, твердость и такт Магомет-Эмина дали в конце концов необходимые результаты. Глубоко веря в правоту и святость своего дела, он изучает положение на месте и, придерживаясь инструкций Имама, приступает в январе 1849 года к действию, преодолевая стоящие на пути препятствия. Твердо установив свою власть у абадзехов к лету 1849 года, он затем распространяет свое влияние среди убыхов. В 1851 году силой подчиняет себе натухайцев и шапсугов, а непокорных князей выселяет из страны.

Утвердив свое влияние, он проводит в стране ряд реформ по образцу тех, которые проведены были уже на востоке Имамом. Вся территория Западной Адыгеи делится на участки. В каждом участке создается мехкеме (орган управления), состоящее из пяти выборных лиц, под председательством эфенди (духовного лица), который назначается Магомет-Эмином лично. Решению этого совета подлежали все дела — как светские, так и духовные.

Каждый участок обязан был выставлять по 100 всадников, составляющих постоянное войско наиба и в случае всеобщей мобилизации являющихся кадрами, вокруг которых формировались новые части. Содержались эти кадры на свой счет и только личное влияние и авторитет Магомет-Эмина могли в таких условиях сохранять в войсках необходимую дисциплину и порядок. Таким образом, реформы внесли в страну здоровый государственный дух.

С крупными военными действиями против русских Магомет-Эмин не спешил. Сначала необходимо было укрепить внутреннее положение в стране. Поэтому война ограничивалась пока что мелкими операциями. Во второй половине 1849 года таких операций насчитывалось более ста.

Чрезвычайно важное значение имело урегулирование проблемы перебежчиков из русской армии, в большинстве поляков, которые собраны были в специальном поселении и использовывались в военном деле. Также поступлено было и со специалистами из военнопленных.

Наряду с внутренним устройством, Магомет-Эмин предпринял обширную дипломатическую акцию.

Устанавливается связь с Турцией, Англией, Францией и польскими эмигрантами. С этой целью в Стамбул отправляется представитель наиба Юсуф-бей. В Стамбуле Юсуф-бей вскоре встречается с представителями кн. Адама Чарторыского, главы польской эмиграции, осведомляя его о положении Шамиля, как равно и его наиба в Западной Адыгее. Через Юсуф-бея Магомет-Эмин обращается к полякам с просьбой прислать на Северный Кавказ несколько способных офицеров, специалистов горного дела и ремесленников. Магомет-Эмин предполагал эксплоатировать имеющиеся в Западной Адыгее горные богатства, в первую очередь золото и серебро.

Руководители польской эмиграции проявили к обращению Магомет-Эмина должное внимание. Кн. А. Чарторыский немедленно принимает меры к тому, чтобы изыскать от Пальмерстона материальные средства для посылки польской экспедиции в Адыгею.

Решено было выслать около 50 человек. Главой экспедиции назначается молодой поляк, офицер венгерской службы и большой энтузиаст независимости Северного Кавказа—Зыгмунт Иордан. В качестве руководителя предполагаемыми золотыми и серебряными приисками должен был ехать англичанин Macdonald, а вместе с ним один из горячих друзей северокавказцев, француз E. Guilling.

К сожалению, это благое дело борьбы с общим врагом провалилось. Кроме недостатка материаль-

ных средств, делу повредили разногласия, возникшие между участниками проектируемой экспедиции.

К появлению в Западной Адыгее представителя Имама Шамиля русское военное командование не могло отнестись безразлично. С первого же дня появления там Магомет-Эмина, оно начинает зорко следить за каждым его шагом. Зная его, как одного из талантливейших полководцев в армии Шамиля, и видя проявления его организаторских способностей на новом поприще, результатом коих было об'единение дотоле разрозненных адыгейских племен, русское командование видит в его лице грозного и мощного врага. И это тем более, что становятся известными и те связи, которые устанавливаются наибом с Турцией, Англией и с польской эмиграцией.

Чтобы не дать возможности окончательно усилиться опасному врагу, русское командование стягивает на Западный фронт военных действий многочисленные военные части и весной 1851 года переходит к активных операциям в широком размере. 26 мая этого года бой с превосходящими русскими силами у горы Умпа оканчивается для наиба неудачей. Спустя некоторое время неудачей заканчивается и сражение с отрядом Эристова. Короткий срок не позволил наибу надлежащим образом реорганизовать живые силы Западной Адыгеи и улучшить технику борьбы так, чтобы успешно выдерживать сражения с крупными войсковыми соединениями противника, превосходящими наши войска обычно и численностью и вооружением.

Русское командование частично достигло своей цели. В связи с неудачами 1851 года, среди адыгейских племен наступило колебание. Безоговорочно верными наибу остались абадзехи — наиболее многочисленное из адыгейских племен. Правда, потеря влияния была лишь временной, так как к концу 1852 года большинство адыгейских племен опять подчинились наибу. Но, все же, военные операции его ограничились в этом году лишь двумя крупными экспедициями на форты Гостагаевский и Тенгинский, внесшими большое смятение у противника.

Между тем на политическом горизонте обозначились тучи близкой русско-турецкой войны, преобразившейся в войну между мощной коалицией держав и Россией. Предвидя грядущие события, могущие в корне изменить судьбы осажденного со всех сторон Северного Кавказа, Магомет-Эмин начинает к ним готовиться.

Уже тогда для него было ясно, что большую роль в событиях суждено сыграть Англии, и взоры его обращаются к этой стране. В августе 1853 года он посылает специальное письмо на имя королевы Виктории с просьбой оказать помощь Северному Кавказу. Магомет-Эмин верил, что Англия, воспользовавшись героической борьбой Северного Кавказа с могущественной Россией, задержит русскую экспансию на Ближний Восток, оказывая поддержку Северному Кавказу.

Наряду с усилением дипломатической акции вовне, Магомет-Эмин внутри страны укрепляет еще более свое влияние, устанавливая одновременно тесную и регулярную связь с Имамом, с которым разрабатывает план совместной операции с целью уничтожения русского клина, разделяющего восток Северного Кавказа от запада.

Обеспокоенное русское командование опять сосредотачивает свое внимание на наибе. Чтобы нанести ему решительный удар, на западный фронт в 1853 году перебрасывается из центральной России 13-ая пехотная дивизия. Крымская война принуждает русских отложить свой план до более благоприятного времени.

С об'явлением войны Англия, Франция и Турция начинают проявлять к Северному Кавказу небывалый до сих пор интерес. В Западной Адыгее вскоре появляются многочисленные дипломатические и военные миссии воюющих против России держав. Все они имеют одно общее желание, все они стремятся использовать милитарные силы Северного Кавказа в проводимой войне.

Весной 1854 года к северокавкасским берегам прибывает адмирал английского флота Lyons и сам лично ищет наиба. Магомет-Эмин был в это время в Абадзехии. Не имея возможности встретиться с ним, Lyons поручает сделать это капитану Brook'у, а сам отправляется в Стамбул, куда был срочно вызван. Brook должен был связаться не только с Магомет-Эмином, но через него и с Шамилем.

Вскоре Магомет-Эмин прибывает в прибрежный Вардан. Отсюда на английском фрегате „Sampson" он едет в Сухум, где встречается с капитаном d'Herbingen, представителем маршала St. Arnaud. Как английский, так и французский представители мало ориентировались в военной обстановке на Северном Кавказе. Они желали, чтобы наиб со своими войсками двинулся сухим путем в Крым, предварительно пройдя Грузию. В конце концов Магомет-Эмин соглашается с этим планом, но с своей стороны заявляет, что, прежде чем приступить к его реализации, он просит высадить в Адыгее десант союзных англо-французских войск в количестве 2000 – 3000 человек. Наши войска, говорил он английскому представителю кап. Jones, не могут надлежащим образом бороться с регулярными русскими войсками, но это может измениться, если они будут совместно действовать, хотя бы, с незначительным количеством регулярных войск. В общей сложности наиб обещался выставить 60000 человек, преимущественно кавалерии.

Союзники предложили тогда наибу действовать против Анапы и Суджук-Кале, но к этому плану он отнесся критически, так как считал, что гарнизоны этих крепостей, видя безнадежность обороны, могли прорваться в Грузию и усилить действующие там русские войска.

Значительным препятствием все это время были те партикуляристы, которые, обосновавшись при султанском дворе, боролись уже издавна против об'единительных усилий Шамиля и его наместников в Западной Адыгее. Война открыла перед ними новые возможности. Оттоманское правительство, рассчитывая на удачный исход войны, стремилось при их помощи утвердить в Западной Адыгее протекторат султана.

В июле 1854 года главное командование союзных войск приглашает Магомет-Эмина в Варну, в свою штаб-квартиру. Приняв приглашение, наиб просит,

чтобы одновременно с ним были приглашены и некоторые иные влиятельные лица, бывшие к нему в оппозиции. Он надеялся, что в столь ответственный момент разногласия отойдут на второй план и восторжествует так необходимая для успешного ведения борьбы идея единства.

Но наиб ошибся. Союзники увидели, что в Западной Адыгее нет единомыслия, что влиятельные лица отдельных племен действуют самостоятельно. Наряду с этим они увидели и то, что султанское правительство стремится использовать эти разногласия в свою пользу. В этих условиях Магомет-Эмину удалось достичь при помощи англичан лишь того, что турецкие части, действовавшие в Грузии, были усилены регулярной турецкой пехотой, а не адыгейскими частями, как этого хотело оттоманское правительство и некоторые влиятельные адыгейцы. Одновременно с этим, английский представитель в Стамбуле Stratford потребовал выяснений относительно политики Высокой Порты в Западной Адыгее. Ответ был, что Турция желает независимости, а не захвата Адыгеи.

Летом 1854 года Имам Шамиль вторгается в Кахетию с целью связаться с турецкой армией и далее с Магомет-Эмином. Операция эта не удается в виду пассивности, которую проявляют турецкие войска, действующие на побережье Черного моря. Под натиском превосходящих сил противника войска Шамиля вынуждаются отойти обратно в Дагестан.

В конце 1855 года султан назначает генерал-губернатором Черноморского побережья Мустафа-пашу, с правом назначать по собственному выбору губернаторов отдельных провинций. В результате, гражданским и военным губернатором Анапы назначается Сефер бей Зан-ико. Таким образом, опираясь на внешнюю поддержку, в одной из важнейших провинций Западной Адыгее власть берет старый натухайский князь, один из деятельнейших представителей северокавкасского партикуляризма. Условия работы Магомет-Эмина опять осложняются. Сефер бей совершает поездку по Шапсугии и Натухаю, где, используя мандат Порты, старается оторвать население от Магомет-Эмина. Это ему в значительной степени удается. Вскоре он возвращает выселенных наибом натухайских князей. Говоря об этом периоде деятельности Сефер бея, нельзя не упомянуть о полковнике Бангия, по национальности венгра, который исполнял при Сефер бее роль ад'ютанта и советника. Впоследствии выявилось, что полковник Бангия был русским агентом. Обнаружил это Тевфик-бей — Теофил Лапиньский, начальник отряда польских волонтеров, действовавших в Западной Адыгее, который в 1857 году арестовал и выслал его связанным в Стамбул.

В феврале 1856 года оканчивается Крымская война. На Парижском конгрессе торжествующие победители совершенно забывают о Северном Кавказе. Близорукая политика Европы и на этот раз не учла значения Кавказа.

В июне 1857 года Магомет-Эмин во главе абадзехской делегации едет в Стамбул, дабы лично приложить старания к получению иностранной помощи, в первую очередь от Англии. Но по требованию русского правительства турецкие власти задерживают его и высылают в Дамаск. В декабре ему удается освободиться и вернуться обратно в Адыгею.

К концу 1857 года, т. е. к моменту возвращения Магомет-Эмина, турки под давлением Англии и Франции покидают западный Кавказ. Сефер бей Зан-ико предоставляется собственным силам. Вскоре он делает предложение генералу Филиппсону создать натухайское княжество под протекторатом России. На предложение ответа не последовало. Дело в том, что для русского командования Сефер бей не представлял опасности. Наоборот, оно с удовлетворением наблюдало раз'единительную работу Зан-ико, препятствующую усилиям Магомет-Эмина, который при минимуме благоприятных условий об'единил и упорядочил внутренно Западную Адыгею. Сефер бей был более выгоден для русского командования в роли раз'единителя, чем в роли изменника, и поэтому оно предпочло оставить его в Западной Адыгее в качестве своего врага.

Потеряв всякую надежду на получении помощи от иностранных держав, Магомет-Эмин усиливает сотрудничество с представителями польской эмиграции в Стамбуле. В результате, в 1857 году в Западную Адыгею прибывает польский отряд во главе с полковником Теофилом Лапиньским.

С уходом турецких войск Сефер бей опять теряет свое влияние и, наоборот, усиливается влияние Магомет-Эмина. В то время, как на востоке под ударами превосходящих сил противника наступают сумерки борьбы за независимость, в это время Магомет-Эмину опять удается об'единить все адыгейские племена и нанести русским войскам несколько сокрушительных ударов. Желая использовать свои военные успехи, он еще раз обращается к Stratford'у, английскому представителю в Стамбуле, с просьбой признать независимость Адыгеи, подчеркивая, что его слова являются желанием и словами Имама Шамиля.

Однако, успехи Магомет-Эмина не могли уже спасти положения. Сосредоточив на востоке огромные силы, русское командование заканчивает здесь войну гунибской трагедией. Получив известие о сдаче Имама, верный наиб 2 декабря 1859 года сообщает с своей стороны русскому командованию о прекращении им борьбы. Вскоре русское командование изолирует его, но перед этим он успевает дать адыгейцам совет закончить борьбу и подчиниться, ввиду безнадежности сопротивления, требованиям русского правительства.

Между тем последнее, упоенное успехом, решило вообще избавиться от населения Западной Адыгеи, принудив его выселиться в Турцию.

Для этого решено было всем покорившимся предложить на выбор два выхода: или переселиться в район Ставрополья и Сальских степей или выселиться в Турцию. При этом русские агенты распространяли слух, что всех переселившихся на север от Кубани будут крестить, отдавать на 25 лет в солдаты и т. п. Этим правительство стремилось достичь того, чтобы возможно большее количество адыгейцев предпочло исход в Турцию. На деле же было достигнуто то, что Западная Адыгея вновь взялась

за оружие. Наступил последний акт трагедии Западной Адыгеи. Перебросив освободившиеся после окончания войны на востоке войска, русское командование шаг за шагом оттесняло адыгейцев к морю, предоставляя им на этот раз один выход: в Турцию.

В этот трагический момент Магомет-Эмину удается усыпить подозрительность русского правительства, которое позволяет ему выехать в Турцию. Таким образом, в 1860 году он появляется в Стамбуле и сейчас же приступает к изысканию возможностей для продолжения борьбы. В том же году он подписывает с кн. А. Чарторыским договор, согласно которого руководство польской эмиграцией получает право организовывать на территории Западной Адыгеи польские легионы. Причем каждому легионеру предоставляется 5 гектаров пахатной земли и устроенная усадьба. Взамен за это кн. Чарторыский обязуется оказать помощь Магомет-Эмину своим влиянием и связями в государствах Европы.

Благодаря недостатку материальных средств польско - северокавкасское сотрудничество и в этот период не достигло желанных размеров.

В начале 1862 года к Магомет-Эмину, находящемуся все еще в Стамбуле, прибывает делегация шапсугов, натухайцев, убыхов и абадзехов с просьбой вернуться обратно и опять возглавить борьбу. Но мудрый наиб видел, что сама Западная Адыгея уже не в состоянии противодействовать русскому нашествию. Поэтому он советует делегации вернуться обратно и, войдя как-нибудь с русским командованием во временное соглашение, всеми силами препятствовать массовому переселению адыгейцев в Турцию. К этому же он призывал в воззваниях, которые неоднократно пересылал из Стамбула в Адыгею.

Muhammed-Emin — Магомет-Эмин

Но еще и в 1863 году мысль о продолжении борьбы не оставляет наиба. В этом году он заявляет Владиславу Иордану, польскому представителю в Стамбуле, что, если бы он имел материальные средства на содержание 500 всадников, хотя бы, в продолжении нескольких месяцев, он снова поднял бы на борьбу весь Северный Кавказ.

Замечательную характеристику дает Магомет-Эмину майор турецкой службы Осман-бей, находящийся во время Крымской войны в штабе Мустафа-паши, турецкого командующего на Черноморском побережье. Осман-бей имел возможность видеть Магомет-Эмина на палубе турецкого корабля „Фези Бахри“, на котором находился одновременно и маршал Мустафа-паша. Вот что пишет Осман-бей:

„После маршала взоры остановились на весьма замечательной личности—Магомет-Эмине, наибе и посланном Шамиля. Он не имел другого платья, кроме белой шерстяной одежды, покроя принятого горцами и мусульманами духовного звания; голова прикрывалась обыкновенною черкесскою шапкой, обмотанною белым кисейным платком. Но под таким простым костюмом обрисовывались формы человека, необыкновенно одаренного природою. В описываемое время Магомет-Эмин был в полной силе возраста; казалось, что ему едва только сорок восемь лет. При высоком его росте и геркулесовом телосложении, черты лица его напоминали некоторое сходство с классическими чертами Юлия Цезаря, хотя в форме более грубой, чем нежной. Глаза и рот служили лучшими признаками его характера. Первые сверкали, на подобие орлиных, пронзительным свирепым взглядом; между тем как сжатые губы доказывали непоколебимую волю и смелость, не отступающие ни перед каким припятствием, ни перед самой большой опасностью. Для полноты этого портрета приходится прибавить что этот необыкновенный человек был крайне молчалив и стоило большого труда добиться от него хотя бы одного слова. Взгляды его отличались подобною же скупостью: около него кричали и шумели, он не отрывал взоров от книги, которую читал; владея четырьмя или пятью языками, для разговора всегда употреблял переводчика.

Но все изменялось во время действия. Тогда Магомет-Эмин мгновенно сбрасывал свое покрывало,—приходила пора узнавать и понимать его; оставался только один исход, беспрекословно повиноваться и подчиниться или же погибнуть.

Рисуя этот портрет, я имел в виду познакомить читателя с выдающейся оригинальною личностью Магомет-Эмина, в среде исторических людей нашего времени. Очень немногие слыхали о нем, хотя, по своей знаменитости, он имел более чем кто

либо права на внимание и удивление. Карьера этого наиба Шамиля, посланного в землю черкесов, замечательная; предприятие, выпавшее на его долю, имело что то чудесное и даже баснословное.

Смелость этого фанатика на многое превышает действия Кошута, Гарибальди, Джеферсона-Девиса и других, которые шли только тогда, когда имели под рукою большие суммы, массу материала или тысячи партизанов. Если последние сделались знаменитыми, то потому, что им суждено было играть на сцене, акустика которой, как эхо, повторяла каждую безделицу до безконечности; между тем как бедный наиб Шамиля, замкнутый в кавказских горах, только с трудом успевал быть услышанным зрителями, находившимися у самой сцены. Недоставало только доброй воли некоторых корреспондентов или продавцов фотографий — и он бы скоро сделался знаменитым, бессмертным человеком. Но этого не было: Магомет-Эмин забыт.

А между тем он предпринял покорение черкесов, имея только посох, и несмотря на это, в короткое время создал себе сильную партию, раздавил всех, имевших дерзость ему препятствовать, царствуя в продолжении нескольких лет неограниченным повелителем. Подобные успехи может иметь только человек, гений которого одарен непреодолимою храбростью."

Подводя итоги почти 12-летней деятельности Магомет-Эмина в Западной Адыгеи, мы видим — в каких исключительно тяжелых условиях она протекала. Деструктивные тенденции местной аристократии, соперничество из-за влияния между Англией, Францией и Турцией, почти полное отсутствие материальных средств и т. д. — все эти обстоятельства чрезвычайно затрудняли работу. И все же, даже в таких тяжелых условиях, Магомет-Эмин смог об'единить разрозненные адыгейские племена и, включив их в политическую систему имамата, установил в Западной Адыгее государственные формы правления. Не надо забывать, что наряду с этим он вел и успешную борьбу с превосходящими силами врага, нанося ему неоднократно тяжкие поражения.

Скончался Магомет - Эмин в Бурсе (Бруссе), анатолийском городке недалеко от Стамбула, где и похоронен. Потомки его и сейчас живут в этом городке.

Мирза-бек Кулатти

Условия обороны Северного Кавказа

Стратегия, или умение побеждать, является наукой, поскольку она занимается изучением материальных и моральных средств борьбы во времени и в пространстве, и есть искусство, когда предстоит решить, как эти средства использовать для достижения максимального эффекта с минимальными потерями. Следовательно, для правильного ведения войны необходима не только соответствующая теоретическая и практическая подготовка, в особенности знание современных технических возможностей и их надлежащего использования, но и специфические, индивидуальные свойства воли и фантазии, дающие возможность правильно представлять обстановку и принимать решения, единственно отвечающие данным условиям. Кроме того, план военных действий должен уже заранее учитывать определенные маневры противника, которые могут быть только предугаданы особенной интуицией, присущей всем великим полководцам. В силу этого, успех стратегических акций всегда теряет свою эффективность, если они не проводятся своими интеллектуальными творцами. Поэтому-то мы совершенно не будем касаться элементов упомянутого суб'ективизма в стратегии, так как это составляет уже чисто военную проблему.

Наша задача упрощается еще более тем фактом, что в настоящее время у нас нет ни реальных возможностей, ни детального знания обстановки на местах для того, чтобы было можно определить моменты начала отдельных или общей акции во времени.

Наконец, было бы преждевременным, а в некоторых случаях даже бесполезным, изучение материальных и моральных средств борьбы, не имея ни армии, ни своего государства.

Исключив, таким образом, те элементы, которые в рассматриваемом вопросе в данное время играют второстепенную роль, попробуем дать опыт исследования обороны Северного Кавказа, а тем самым всего Кавказа и его южных соседей, в плоскости об'ективных данных пространства, как возможного театра военных действий. Иначе говоря, мы должны на конкретных примерах наглядно показать, что то или иное очертание кавказских границ дает совершенно отличные перспективы не только для обороноспособности Северного Кавказа, но и для возможности консолидации и стабилизации Кавказа, вообще, как независимой политической единицы.

Поэтому, оставляя в стороне чисто политические последствия, связанные с определением того или иного разграничения Северного Кавказа, будем исходить исключительно из соображений военной необходимости.

Само собою разумеется, что для того, чтобы настоящее освещение поставленного вопроса не страдало односторонностью, необходимо всем остальным его категориям, кроме нами разбираемых, присудить значение некоторых константных эквивалентов.

При ближайшем рассмотрении территории Северного Кавказа, мы увидим, что в силу особого характера теренных и ситуационных местных условий, определение его северных рубежей тесно связано со стратегическими возможностями обороны.

Выявление с такой точки зрения этого характера поверхности и пространства Сев. Кавказа и составляет предмет настоящей статьи.

Создав в центральном положении Кавказа неприступные горы, эту естественную линию Мажино,

природа открыла к ним свободный, без более или менее серьезных препятствий доступ с севера, ограниченный с востока и запада морями.

Таким образом, получился своеобразный мешок, с открытым в него входом, который всегда служил проводником сил, коль скоро их накопление обладало достаточной энергией.

Вся наша история состоит из безконечной череды нашествий, следующих одно за другим, почти всегда, этой широкой дорогой, завершенных последним русским, тяжесть коего остро приходится переживать уже нам. Все они имели одно и тоже развитие действия: завоеватель, если мог, разгромив население равнин и предгорий и оттеснив его в горы, сам занимал освобожденнные места, где будь был сметен новой волной нашествия или же был поглощен стихией гор.

На первый взгляд можно в таком географическом положении видеть только эти неблагоприятные последствия, несущие народам Кавказа неустанные бедствия.

Однако, последнее заключение будет совершенно иным, если представить себе течение этих событий в исторической перспективе. Тут оказывается, что кажущиеся, столь отрицательные последствия опустошений, в конце концов, способствовали утверждению в Горах традиции Свободы, как наивысшего идеала, где в горниле тягчайших страданий могли закалиться воля и характер народа, обеспечившие начало возникновения Нации. Только в Горах мог народ сохранить память о Свободе и ждать часа избавления, не теряя своего лица. Только в результате такой исторической процедуры мог выработаться тот непреклонный дух наших предков, о который, в конце концов, разбивались все удары внешних нашествий, и только поэтому они смогли удержать в течении стольких тысяч лет Кавказ в своих руках.

Кроме того, надо помнить, что и еще одно благоприятное последствие имели постоянные нашествия: это биологическое обновление, посредством прилива новой крови, и обогащение культурными и цивилизационными ценностями от пришельцев, остатки которых, обыкновенно, поглощались аборигенами края. Хотя этим отчасти и культивировалась племенная деривация, тем не менее, образование нации из различных антропологически элементов дает гарантию, что биологический ритм возрастания и убывания популяции не может у всех частей нации иметь одно и то же напряжение. В результате, в горах популяционный процесс приобрел чрезвычайную устойчивость, способную, в конце концов, восстановить все исходные пространственные позиции.

Частичным отклонением от первоначальной темы в сторону оценки нашей истории с точки зрения психологии и биологии, мы хотели показать нашим врагам и всякого рода скептикам, что с этой стороны наша позиция весьма благоприятна и лишь только отдельные генерации могут опасаться за свое благополучие.

Таким образом, веря в историческую устойчивость нашей нации, мы должны изучать способы защиты ее безопасности и в настоящем, учитывая, что эта безопасность схематично сводится к тому, что необходимо, надлежащим образом, закрепить за собой свободный проход в наши земли. Вопрос, в общем, заключается в изыскании природных стратегических линий обороны, которые бы отвечали и политическим условиям на местах и реальным возможностям.

Такой идеальнои линией могла бы быть, как это отчетливо видно на карте, северная граница Кавказа, идущая по Волге от Астрахани до Царицына, потом по суше до Дона и далее по Дону до Азовского моря. При упомянутом разграничении образуется о б щ а я г р а н и ц а с дружественным Идел-Уралом на протяжении 400—450 км. и лишь от Царицына до Ростова на протяжении 450 км. граница остается активизированной, что составляет как раз половину длинны межи по Куме, Манычу и Кубани. При том, граница бы шла почти сплошь по рекам — Волге и Дону, естественным рубежам, представляющим значительные коммуникационные припятствия. Само собою разумеется, что этим одновременно оборонная линия отводится в среднем на 200 км. на север от наших главных стратегических баз и путей сообщений.

К сожалению, это решение, представляющее исключительные выгоды для всего населения Кавказа и Калмыкии, практически трудно проводимо в жизнь, так как связано с федерацией Кубани и Калмыкии с Кавказом, что в настоящее время представляет собой лишь теоретическое предположение. Причины последнего суть чисто политические. Они тесно связаны с казачьей проблемой в целом и в частности с решением донского вопроса. В данное время трудно намечать в этом вопросе те или иные комбинации, ибо казачья политическая мысль до сих пор не выкристализировалась, но, безконечно диференцируясь, проявляет подчас тенденции, которые способны вызвать лишь недоумение.

Нужно, однако, полагать, что выставленное выше гипотетическое решение очертания Кавказа, еще не раз будет предметом исследований, т. к. в бассейне реки Дона, как в фокусе, перекрещиваются самые разнообразные геополитические силы, на уравновешивание коих потребуется много энергии, политического такта и конструктивного реализма. Варианты этого решения возникнут при федерации, в отдельности, или Кубани, или Калмыкии с Кавказом. Стратегические выгоды и невыгоды их легко себе уяснить, сравнив варианты с основным решением.

Первый из вариантов представляет собой знаменитую мансуровскую границу Кавказа, считающуюся его исторической границей, открытая часть коей, без каких бы-то ни было естественных припятствий, равняется всего лишь 250 км., представляя собой minimum из всех возможных вариантов.

Следующим естественным рубежом Кавказа, который может служить очень выгодной природной базой обороны, является Кумо-Манычская впадина, с переходом по Егорлыку и Кубани к Таманскому перешейку. Остановимся на нем более подробно потому, что это очертание Кавказа на севере отвечает современной политической обстановке на ме-

стах и нашему историческому праву. Общее протяжение этой границы равняется приблизительно 900 км, при чем нужно предполагать, что она по всей длинне может находиться под угрозой противника.

Глубина тылов, считая и горы, простирается от 50 км. до 200 км. Отсюда явствует, что наши главныя порты: Цемез (Новороссийск), отчасти, и Туапсе не могут служить во время войны пунктами снабжения, так как их линии сообщения с главными военными центрами будут находиться в зоне первых активных действий. Отвечающими требованиям обороны с суши можно считать более южные порты Кавказа и в особенности, Сухум-Кале, не принимая во внимание их навигационную пригодность, так как Клухорский перевал и выгодные теренные условия на запад от линии Сухум-Кале — Клухор — Батал-Паша дают возможность их прикрытия и гарантии достаточной безопасности снабжения не только в направлении Ставрополя, но и на восток — к Кабарде. Кроме этих морских баз снабжения указанная оборонная линия, назовем ее „первой", имеет еще к диспозиции порты Каспийского моря, которые, нужно полагать, будут находиться всегда в руках Кавказа и его союзников.

Внутренние кавказские коммуникационные линии, как-то: Кутаис — Мамисонский перевал — Дарг-Кох, Тифлис—Терк-Кала, жел. дорога Баку—Шамиль-Кала и другие менее важные, естественно, тоже должны быть приняты во внимание и, соответствующим образом, технически оборудованы, ибо снабжение с моря, в особенности, с Черного, в известных случаях будет всецело зависить от их грузопод'емности.

При самых скромных военных познаниях ясно видно, что центральным пунктом опоры нашей первой оборонительной линии является Ставропольское плато. Оно может послужить наивыгоднейшим пространством для дислокации системы крепостей, предназначенных отразить наступательные акции самого опасного для нас направления—на Ставрополь. Вероятность последних предопределяется, с одной стороны, характером пересеченности Кавкасских гор, дающих возможность изолировать отдельные части Северного Кавказа друг от друга, а с другой стороны, коммуникационными и ситуационными условиями тыла противника, представляюшими ему в этом направлении большие возможности для соответствующей концентрации войск.

Наконец, этот укрепленный район будет служить прикрытием для наших главных сил, которые могли бы использовать преимущества своего центрального положения для действий по внутренним операционным линиям. Фланговые удары и дессанты противника с Черного и Каспийского морей в упомянутой ситуации могут быть парализованы per partes, тогда как с потерей Ставропольского плацдарма эта возможность переходит в руки неприятеля.

Кроме того, упомянутая оборонительная линия дает достаточно глубокие тылы, вполне обеспечивающие возможность переброски в них войск и грузов и в наиболее уязвимую часть Северного Кавказа — Западную Адыгею.

Мы имеем в виду коммуникационные линии вдоль фронта, отсунутые, елико возможно, далеко вглубь гор, так как одним из следующих, наиболее подверженных ударам противника направлений, нужно считать Майкоп, положение которого тесно связано с общей ситуацией у Ставрополя.

Что касается Астраханского фронта, то здесь, вследствии отсутствия удобных дорог и воды, следует ожидать скорее короткие удары моторизованными единицами, чем планомерные фронтовые акции, связанные с концентрацией больших сил и имеющие перед собой колоссальные трудности снабжения в Астраханских песках. Это оперативное направление противника имело бы целью отрезать всю Адыгею от Чечено-Дагестанского района, используя долину реки Терека, который, размыв предгорья и обнажив главный хребет, создал Ахилесову пяту нашей обороны. Очевидно, что и в данном случае, этот маневр неприятеля может быть с успехом парализован контр-акциями из Дагестана и Ставропольского укрепленнсго района, дающего возможность провести необходимые перегруппировки без угрозы ослабления устойчивости главного фронта. Само собою разумеется, что главной базой всей обороны должны быть неприступные части Дагестана, где следует централизовать важнейшие военные учреждения и военную индустрию, кроме заводов местного назначения.

Таково общее положение на нашей первой оборонительной линии, которое ясно показывает, что без обладания Ставропольским плато нельзя ручаться за безопасность и политическую стабилизацию Кавказа, представляющего и с этой точки зрения геополитическое единство.

Конкретные последствия иного решения легко себе представить, если предположить, что противнику удалось занять ставропольскую укрепленную систему. В таком случае, в силу об'ективных условий, наиболее пригодной позицией, отвечающей характеру терена была бы, скажем, наша „вторая оборонительна линия"—от Каспийского моря вверх по Куме с упором в горы.

Конечно, возможны и промежуточныя фазы борьбы между первой и второй линиями, даже с временным удержанием Западной Адыгеи.

Однако, вероятность продолжительного успеха в таких условиях весьма мала.

Крайняя невыгодность такого исхода—вне всякого сомнения. Таким образом, императивной задачей нашей политики является утверждение за нами „первой оборонительной линии".

Наконец, последний этап защиты Северного Кавказа определяется бассейном реки Терека и связанной с ним орографической системой. Это была бы наша „третья оборонительная линия", с непосредственным упором на Чечню и Дагестан, что привело бы нас к положению, существовавшему 100 лет тому назад. Вот, в самых общих чертах, наше крайне обобщенное представление процесса защиты Кавказа.

Положение не может изменится от интенсивности помощи с юга, которая никогда не может быть так значительной, чтобы могла компенсировать стратегические затруднения, вытекающие из того или иного демаркационного решения.

Допустимы, конечно, вариации отдельных эпи-

зодов борьбы и ее напряжения, тем не менее, главные перипетии войны останутся, в общем, без изменения, ибо они вытекают из об'ективных условий пространства, определяющего известную динамику борющихся масс, схематично изображенную нами. Фазы борьбы между красными и белыми русскими силами на Северном Кавказе протекали, как раз, по естественным этапам, о которых мы говорили выше.

Красная армия, потеряв Ставрополье (1-ая об. л.) отступила на Святой Крест и Пятигорье (2-ая об. л.); будучи разбита и здесь — откатилась к Тереку (3-ья об. лин.). Отступление бел. армии, имевшее главное направление на Новороссийск, тоже определило на своем пути эти естественные рубежи сопротивления задержками у Дона, Маныча, Кубани и в Ставрополье.

Кавказская война началась с того, что русские, не встретив большого сопротивления на севере, вскоре заняли нашу „третью обор. линию", разбив во второй половине 18 столетия Кабарду, и, таким образом, укрепились в бассейне р. Терека, где и протекла главная часть войны.

Сознавая большую важность Пятигорья, русские, изгнав оттуда автохтонное население, соорудили там целый ряд крепостей, отделивши Прикубанье от Дагестана.

Имея в руках эти позиции, было легко воспрепятствовать об'единительным тенденциям северокавказских Имамов.

Все это, повторяем, нужно иметь в виду, дабы правильно себе представлять военную обстановку на наших северных рубежах и иметь возможность учесть последствия, вытекающие из тех или иных демаркационных проектов.

Мы умышленно изображали пассивную оборону Кавказа, так как только тогда можно правильно оценить влияние пространства и конфигурации терена на стратегические условия войны.

Это, конечно, не значит, что наша безопасность должна будет базироваться исключительно на пассивном принципе обороны.

Нужно, однако, считать более чем вероятным, что наш северный противник будет всегда во много раз нас превосходить численностью и техническими возможностями. И в этих условиях нецелесообразно вести активную войну, сопряженную, в наше время, с большими потерями людьми, ввиду чрезвычайной насыщенности модерных армий огневой техникой. Следовательно и с этой точки зрения более рационально исходить из нами принятого в настоящем очерке принципа.

Попытка дать в самых общих чертах критическую оценку исходных положений обороноспособности Северного Кавказа в аспекте об'ективных пространственных условий имела целью показать, что географические отношения на местах со всей очевидностью дают только одно решение для обеспечения нашей безопасности.

То, что легко допустимы известные отклонения в отдельных этапах рассматриваемого явления, нисколько не опровергает нашу постановку вопроса по существу, так как заключительные фазы защиты, которых мы касались выше, в определенных участках неизбежны.

Исходя из упомянутого убеждения, считаем нужным обратить наше особое внимание на это кардинальное по своей важности обстоятельство, ибо, иногда, удержать труднее, чем добыть.

31.VII.38.

НОВЫЕ КНИГИ

Вано Кавтарадзе: На путях к конфедерации Кавказа. Варшава. 1937 год.

С большим удовлетворением следует отметить издание этой книги, заслуживающей особого внимания, как по своему актуальному содержанию, так и по форме, отличающейся подкупающей искренностью и ярко ощутительным чувством общекавказского патриотизма. Искренность побуждений автора дает ему моральную силу—там, где это необходимо для понимания смысла совершающегося,—вскрывать правду, подчас больно касающуюся всех нас.

„Нужно раз навсегда уяснить себе и понять, что всякие недоконченные мысли, не выясненные положения и умышленное сокрытие правды вредят нашему национальному делу...

Народ не может в своих действиях руководствоваться фальшивой гордостью. Для народа нужна не спекулятивная диалектика или же софистика, но простая и ясная постановка дела" — говорится в вступлении на стр. XIII. И действительно, в дальнейшем автор настойчиво стремится к выявлению причин нашего общего поражения.

Общее впечатление, оставляемое книгой, лучше всего можно охарактеризовать грузинской пословицей: „если тебе плохо, то ты сам виноват".

Книга разделена на две части. Первая представляет собой историко-этнографический очерк Кавказа информативного характера, служащий, как бы, введением во вторую часть, посвященную основной теме: Кавказу на путях к конфедерации.

Мы коснемся, главным образом, второй части, дающей обзор развития политических отношений Кавказа, где наглядно, на исторических примерах и об'ективных данных, автор демонстрирует единство кавказских политических возможностей и велений в будущем. Уделяя главное внимание этой части, мы, тем не менее, считаем нужным подчеркнуть, что в части исторической не всегда наш взгляд совпадает со взглядом автора не только в освещении тех или иных фактов, но, в особенности, в некоторых обобщениях и проявляемых в связи с ними тенденциях.

Разбирая причины общей неудачи в об'ективно благоприятные Кавказу 1917-20 г.г., автор больше всего останавливается на Грузии, что об'ясняется не столько его грузинским происхождением, сколько

тем, что основная ответственность за сегоднешние судьбы Кавказа возлагается им на тогдашних руководителей грузинской политики.

Парадоксальный, в конце концов, факт утверждения в крестьянской Грузии социализма в его марксистско-меньшевистском толковании автор на стр. 77 об'ясняет так:

„Об'ясняется это тем, что маленький грузинский народ в неустанных войнах за свою независимость, окруженный со всех сторон недружелюбно к нему относящимся мусульманским миром, угнетаемый жестоким образом христианской Россией, обедневший и ослабевший, лишился всякой надежды на освобождение и на самостоятельное государственное существование. И в этот тяжелый, почти трагический, для него момент появилось, как чудесный, спасительный „нектар", социалистическое учение, ставшее модным и обещающее отстранить всякие недомогания, как материального, так и духовного характера".

Автор, как видим, приписывает все влиянию внешних факторов, обходя молчанием из'яны социальных взаимоотношений в самой Грузии: многочисленный и малопродуктивный помещичий класс, наличие во многих частях страны пережитков крепостничества (еще в нашем столетии в Грузии существовал класс т. н. временно-обязанных крестьян), почти полное отсутствие национальной буржуазии и т. д. Почва для радикальных лозунгов была, по нашему, вполне благоприятна уже в силу социальных отношений в самой Грузии. Интересно лишь то: почему радикализация Грузии не проходила под знаменем национально-крестьянской революции — ну, хотя бы — в стиле болгарской крестьянской революции Стамболийского? Нам кажется, главное об'яснение этому надо искать не в перспективе исторического прошлого, как это делает автор, а в „настоящем" того периода: в доминирующем влиянии на кавказскую интеллигенцию русской интеллигентской мысли, в психологической руссификации большей части тогдашней кавказской интеллигенции. Ведь, по существу, различные течения в дореволюционном русском обществе обычно живьем переносились на кавказскую почву и прививались здесь, с тем или иных успехом, без всяких изменений.

„Социалистическая теория была заимствована из Западной Европы и развивалась в Грузии с нигилистической окраской"—говорит автор на стр. 80. Но к словам „из Западной Европы" следует добавить: via Москва. И именно этот момент является определяющим при рассмотрении многих проявлений общественной мысли не только в Грузии, но и вообще на Кавказе, как равно и в иных странах „Прометея".

Результатом внутренне-грузинских отношений, описываемых автором, было то, что (стр. 87) „Грузия, долженствующая играть роль руководящего фактора в общекавказском национальном движении, очутилась на распутьи и не знала, куда итти и к чему стремиться."

Но ленинский переворот „подсказал новую мысль" и направил „на путь национального возрождения" (стр. 89). Однако, только „под давлением Турции Закавкасский Сейм, наконец, решился на такую смелость, что произнес во всеуслышании желанное слово „независимость" и огласил Закавказье независимой федеративной республикой." И дальше, на стр. 92: „Постоянное подчеркивание принадлежности Кавказа к России и ожидание созыва Учредительного Собрания, долженствовавшего, якобы, разрежить взаимоотношения между Кавказом и Россией, следует, пожалуй, отнести к самым непростительным ошибкам, допущенным Закавкасским Комиссариатом."

Автор многократно на протяжении своих выводов подчеркивает общность судеб народов Кавказа, диктуемую географией, историей и т. д., отмечая одновременно, что это кардинальное веление в большинстве случаев не учитывалось в достаточной степени руководителями кавказской политики.

Хотя в книге больше всего говорится о Грузии и грузинах, однако, было бы ошибочным приписывать всю вину из'янам только грузинской политики того времени. В данном случае автору удалось избежать односторонности. Так, например, о Северном Кавказе автор на стр. 96 пишет: „Удивительную психологию имели некоторые наиболее ответственные северо-кавказские государственные деятели, которые в критические и опасные для народа моменты предпочитали, вместо того, чтобы руководить его борьбой с врагом, спасаться бегством заграницу, чаще всего в Грузию, и оттуда пытались влиять на ход событий, разыгрывавшихся без их участия на Северном Кавказе." И дальше: „Неизвестно, какой оборот приняли бы события для всего Кавказа, если бы во главе национальной борьбы на Сев. Кавказе стояли люди энергичные, смелые и решительные, которые использовали бы продуктивно и целесообразно могучий и жертвенный порыв народа, проявленный им с таким геройством и отвагой в неравной борьбе на два фронта—с большевиками и белыми".

Основное направление автора—критицизм, переоценка ценностей. Иногда при этом он излишне резок — безжалостен, что ли, в своих обвинениях, не склонен искать „смягчающих вину обстоятельств" и недостаточно равномерно раскладывает эту вину на все плечи. Это с одной стороны.

С другой стороны, он не всегда об'ективен в своих историографических выводах (например, утверждение на ст. 71 о том, что „войны приняли религиозный характер и велись между грузинами-христианами и мусульманами", тогда как в действительности, вплоть до появления России на Кавказе, момент религиозный всегда уступал место моменту sui generis политическому и народы Кавказа, как мусульмане, так и христиане, в одинаковой степени страдали от этих войн: пример — поход на Кавказ Надир-Шаха и даже Ага-Магомет-Шаха, которые прошли огнем и мечем как мусульманские, так и христианские провинции Кавказа, не исключая и некоторые шиитские), как равно допускает и фактические ошибки в изложении исторических событий и явлений (например, Имам Хамзат-бек назван автором почему-то внуком своего предшественника Кази-Магомета — стр. 41).

Но достоинством книги, подчеркиваем это еще раз, является искреннее чувство, с которым автор пытается найти выход из того тупика взаимного непонимания и разлада, опасность коего не отстранена еще народами Кавказа. Не меньшим достоинством

является твердая вера в спасительную ценность идеи общекавкасского единства, проявляемая автором на протяжении всей книги и завершенная заключительным возгласом:

И ТАК ВПЕРЕД!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНЫЙ ЕДИНЫЙ И НЕЗАВИСИМЫЙ КАВКАЗ!

На фоне этих достоинств должны, по нашему мнению, побледнеть те обвинения, которые выдвигались против автора после выхода книги некоторыми кавкасскими, и прежде всего, грузинскими кругами

М. К.

*
* *

Mehmet-Zade Mirza-Bala: Millî Azerbaycan Hareketi — Millî Az. „Müsavat" Halk Fırkası Tarihi; Fırka Divanı tarafından neşrolunmuştur. 1938.

Большой том в 336 страниц, на тюркском языке, пера известного азербайджанского журналиста Мехмед-Заде Мирза-Бала, издание Центрального Комитета Азерб. Нац. партии „Мусават".

Книга эта является историей Азербайджанской Национальной партии „Мусават", что отмечено на обложке в виде подзаголовка.

Будучи обзором политической и идеологической деятельности партии, труд в заглавии назван был автором—„Азерб. национ. движением". И это не без основания, ибо история партии „Мусават"—как говорится и в предисловии редакционной коллегии — неразрывно связана с развитием новейшего этапа азербайджанского национального движения.

Умело составленная, богато документированная и хорошо разработанная книга талантливого журналиста читается легко. Она разделена на 15 основных глав.*) Охватывает все стороны общественно-политической и культурно-идеологической жизни нового азербайджанского общества за последнее столетие.

Автор в первых двух вступительных главах ярко и выпукло обрисовывает все главнейшие этапы развития общественно-политической мысли Азербайджана.

Первая учредительная тройка партии „Мусават" возникла в октябре 1911-го года в Баку. Члены этой группы выходят из среды той революционной молодежи, которая вместе с Мехмед-Эмин беем Расул-Заде еще с 1903-го года работала в контакте с революционными партиями общеимперского подполья. Группа эта, однако, с самого начала старалась сохранять свое национальное лицо и добивалась организационной автономии.

В дальнейшем, после столыпинской реакции, во время балканской войны, более националистическая часть этой группы образует самостоятельную партию „Мусават."

„Мусават"—это равенство. Имелось в виду не социальное, а политическое значение этого слова. Мусульмане, находящиеся в пределах Российской империи, должны были быть во всех правах равны русскому населению империи. Свобода людям—равенство народам—гласит лозунг партии.

Сперва скорее панисламистическая, после пантюркистическая, по своим политическим настроениям, партия „Мусават", соответственно развитию событий, становится реально-национальной партией. И в 1917 году, об'единившись с Ганджинской группой децентралистов (Адами Меркезает Фиркаси) возглавляемой премьером Азерб. Республики, ныне покойным Насиб-беком Юсуфбейли, добивается национально-территориальной автономии Азербайджана.

В об'единении этом М. Эмин бей Расул-Заде, в качестве редактора популярной газеты „Ачик Сöз", тоже защищающей идею азербайджанской обособленности, играет решающую роль; собственно после этого факта, на состоявшемся первом учредительном С'езде, он единогласно выбирается в председатели Цен. К-та партии и по сей день остается ее неизменным лидером.

Партия „Мусават" защищает идею национально-территориальной автономии, как на Кавкасском С'езде Мусульман, состоявшемся в апреле 1917 года в Баку, так и на Всероссийском Мусульманском С'езде, состоявшемся в Москве, в мае того же года. Она же руководит организацией национальных комитетов, она собирает большинство на выборах в российское учредительное собрание; имеет огромное влияние на местные рабочие массы. Она в дальнейшем настаивает на отделении Закавказья от России. Она берет инициативу об'явления независимости Азербайджанской Республики.

Партия „Мусават", образуя лишь относительное большинство в Азерб. Парламенте, но располагая интеллигентными силами, играет руководящую роль в жизни Республики. Борясь с шатаниями интернационально—настроенных левых группировок и клерикального космополитизма правых, она служит основным стержнем азербайджанского патриотизма.

В борьбе с советской оккупацией руководящая роль также остается у представителей партии „Мусават". Интересные подробности читатель найдет в книге Мирза Бала на эту тему. Эти подробности не голословны, они не являются голым рассказом автора, принимавшего непосредственное участие в этой борьбе. Обширный фактический материал, черпанный из советских источников, делает эти рассказы ценными и хорошо документированными. Героическая борьба мусаватистов, в большевистских условиях издающих подпольную газету, об'являющих в виде протеста голодовку в Соловецком монастыре, где кругом царит могильная покорность и отчаяние, документированы на основании далеко не беспристрастных к партии документов.

Не только подпольная работа партии „Мусават", но и ее деятельность в эмиграции также получают постоянное отражение в советской прессе.

*) Главы эти следующие: Предисловие. Вступление Два течения среди националистов. Партии „Дифаи" и „Мусават". Идеология и программа партии „Мусават". Борьба за осуществление Национ. идеала. „Мусават" и независимость Кавказа. Независимость Азерб. и „Мусават". „Мусават" и государств. строительство. Апрельская оккупация и партия „Мусават". „Мусават" в борьбе против оккупации. „Мусават" в эмиграции. Новая программа партии „Мусават". Тактика партии „Мусават". Послесловие.

Бакинские, тифлисские, порою и московские большевистские газеты часто полемизируют с мусаватистами из-за границы. Интересны подробности этой полемики и борьбы советской власти с „мусаватской эмиграцией." После десятилетней упорной борьбы, наконец, советская власть добивается закрытия азербайджанских издательств в Стамбуле, которые с этого времени перенесены в Берлин и регулярно продолжают свою борьбу, вызывая, от времени до времени, бешенную атаку по адресу мусаватистов. Мусаватизм остается главной мишенью для ударов оккупационной советской власти.

Книга дает только историю политической и идеологической эволюции партии, не касаясь, по понятным причинам, организационной истории.

Не безинтересно, хотя бы вкратце, проследить эту эволюцию.

Мусаватизм, говорит автор, ссылаясь на авторитетное определение Эмин-бея Расул-Заде, это „сочетание национальной идеологии, сохранившей в себе модернизированные понятия идейных традиций исламизма и тюркизма, социальной программы народно-социологического толка и революционной тактики в смысле стремления к отторжению Азербайджана и всего Кавказа от России." Идеология эта, отвергая тактику либералов, ориентирующихся на русский либерализм, и социалистов, идущих вместе с русскими революционерами, впервые в борьбе за национальное дело применяет чисто национальную тактику. Азербайджанское национальное движение в лице партии „Мусават" приобретает свою национальную независимость от общеимперских, другими словами, общероссийских партий.

Как партия национального интереса, „Мусават" в программных вопросах проявляет большую гибкость. Без специального доктринерства, она, идя навстречу требованиям времени, учитывая дух эпохи — становится динамической силой национального движения. Она, отлично понимая характер национального движения и его органическую связь с социальными проблемами, ставя национальную идею во главе своего мировоззрения, не забывает, однако, разрешать и социальные проблемы. Мирза Бала, в специальной главе о работе партии во время существования Нац. Правительства, знакомит читателя с мероприятиями из области аграрного законодательства, рабочего вопроса и других социальных реформ.

Партия „Мусават", формулировавшая свою программу-минимум 20 с лишним лет тому назад в условиях послевоенной психологии, ныне после большевистских экспериментов и несомненных изменений международного характера, сочла нужным дать новую формулировку партийной программы и установить твердые основы современной тактики. С этой целью в 1936 году была созвана партийная конференция, которая выработала и опубликовала основы новой программы. Согласно новому, определению, „Мусаватизм—это азербайджанский патриотизм, преданный идеалам свободы, республики и независимости, тесно связанный с великой тюркской культурой и высоко ставящий общечеловеческие начала цивилизации". По новой программе—„Мусаватизм находит обязательным для Азербайджана связь тесными конфедеративными узами с кавказскими соседями, политические судьбы которых неразрывно связаны между собою".

В социальных вопросах партия категорически высказывается против классовой борьбы, проповедывает идею национального солидаризма. Признавая частную собственность, она допускает однако вмешательство власти в регулирование хозяйственной жизни страны. Частные интересы должны подчиниться и регулироваться общественно-национальными интересами, представителем которых является национальное государство.

В тактических тезисах, партия делает особое ударение на общности интересов всех народов, порабощенных российским империализмом, и считает союзниками их все те силы, которые об'ективно или же суб'ективно работают на расчленение искусственно созданного Советского союза и на расслабление мощи русско-большевистского империализма.

Резюмируя свою интересно изложенную книгу, автор приходит к заключению, что „Партия Мусават" являясь организацей динамического национализма Азербайджана и идя нога в ногу с новым течением современности, выражающимся в национальном солидаризме и достижении социальной справедливости в пределах национальных границ, группирует вокруг себя живые и активные национальные силы, чем и служит движущим фактором азербайджанского национально-освободительного движения".

Автор верит, что, идя верной дорогой, партия добьется восстановления потерянной независимости родной страны.

Следует по справедливости заметить, что труд уважаемого автора является ценным вкладом не только в историю политической борьбы Азербайджана, но отчасти и всего Кавказа.

Исследователям, знающим тюркский язык, труд Мирза Балы послужит ценным источником. Нельзя не поздравить его с достигнутым несомненным успехом.

А. Азери.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

20-летие дня независимости Кавказа на страницах польской печати

День независимости Кавказа в т. году нашел широкий отклик на страницах польской печати. Не только отдельные газеты, но и ряд телеграфных агентств посвятили этому дню специальные статьи и сообщения. Так, например, специальное сообщение поместило телеграфное агентство „Kabel", широко распространенное среди провинциональной печати. Сообщая о торжественном собрании, дол-

женствующем состояться по случаю 20-летия со дня об'явления независимости Кавказскими Республиками в репрезентативном зале Варшавского Восточного Института, агентство „Kabel“ добавляет:

«Об'ективные условия, прежде всего быстрый ход событий, сопровождавший окончание мировой войны, не позволил им (кавкасским народам—А-Б) об'единиться в одно государство. Этот момент, а так же и те обстоятельства, что Европа оставалась равнодушной к проблеме независимости Кавказа, предоставляя кавкасские республики собственной судьбе, предрешили бытие молодой, еще неокрепшей вольности Кавказа. И хотя все кавкасские республики были признанны de facto и de jure коалицией центральных государств, а Азербайджан, Армения и Грузия также и победительницей Антантой (первые две республики — de facto, а Грузия — de jure), однако самостоятельное бытие не было им еще суждено».

Затем идет описание трагических судеб Кавказа, а в заключении следующее утверждение:

«Кавказ, однако, не смирился и война с оккупантами непрерывно продолжается. До сегодняшнего дня вынуждены скрываться в лесах борюшиеся кавкасские патриоты. Не оставляет дела борьбы также и эмиграция, свидетельством чего является приближающееся торжественное собрание».

Сообщение это было перепечатано полностью многими провинциональными газетами.

После собрания появилось сообщение и в правительственном официозе „Gazeta Polska“, с описанием собрания. В нем, между прочим, говорится, что на собрании присутствовал представитель Министерства Иностр. дел советник П. Курницкий, представители мусульманского и православного духовенства, члены правления Восточного Института и профессора, члены «Ориенталистического Кола Молодых» и других польских организаций, а также многочисленные представители национальных колоний кавказской эмиграции.

Обширная статья помещена была в органе военных кругов „Polska Zbrojna“. В статье этой отмечается между прочим:

«Все центры кавказской эмиграции образовали в 1934 г. кавказскую конфедерацию и подписали пакт, предусматривающий, в момент освобождения Кавказа, создание федеративного государства, об'единяющего все кавказские республики. Целью кавказской эмиграции является поддержание постоянной готовности для поднятия снова беспощадной борьбы с поработителем».

Газета „Krak“ поместила полностью доклад инж. Билатти, прочитанный на торжественном собрании (см. майский номер ж. «С. К.»). Статья снабжена рядом фотографий.

Затем большую статью поместил влиятельный „Kurjer Poranny“, также снабдив ее фотографиями, и, между прочим, снимком одного из портретов Имама Шамиля. Правда, в статье этой Имам Шамиль, законный преемник Имамов Мансура, Кази-Магомета и Хамзат-Бека, назван почему-то «повстанцом», но общий благожелательный тон статьи свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело с явной ошибкой. Касаясь Пакта Кавказской Конфедерации, статья отмечает, что пакт этот *«на базе концепции общего «прометейского» фронта всех угнетенных Россией народов и благодаря ему имеет еще более реальные основания для достижения цели».*

Наконец, обширная заметка появилась в „Przegląd Katolicki“, широко распространенном еженедельнике польских католических кругов. В заметке этой читаем между прочим:

«Чтя 20-летие провозглашения независимости кавказскими республиками, мы можем с удовлетворением отметить, что кавказские народы уже об'единены и это об'единение не пришло путем внешнего давления, но благодаря непреклонной собственной воле, собственному осознанному стремлению. Нам, кто так сильно заинтересован в распадении русской империи по соображениям собственной безопасности, дело освобождения Кавказа, об'единенного общей судьбой в борьбе за освобождение, должно быть близко, как со стороны чувства, так и со стороны государственных интересов».

Этот широкий отклик польской печати в памятную для народов Кавказа годовщину свидетельствует о том, как близка сердцам широких слоев польского народа проблема освобождения Кавказа.

А.—Б. К.

„Прометей“ добудет свободу!

Таково заглавие обширной статьи хорошо известного нашим читателям польского журналиста г. Юзефа Чарнецкого, помещенной в июньском номере националистического ежемесячника „Nasza Przyszłość“ (Наше будущее). Общее содержание статьи определяется уже самим заглавием. Статья начинается следующим утверждением:

«В об'еме державной польской политики, основой которой должна быть рациональная экспансия во всех направлениях — ибо нельзя, ведь, сосредотачивать силы только в одной руке, — Восток занимает особенно много места. Это диктуется как геополитическим положением, так и всей нашей историей. Ибо несмотря на т. н. извечный конфликт с Германией, который нашел даже свое выражение в лапидарной поговорке — „jak świat światem — nie będzie Niemiec Polakowi bratem“ — самые длительные и самые кровавые войны и схватки велись нами с Востоком. На протяжении последних 4 столетий нам пришлось вести с Москвой 16 воен, тогда как с Германией и Пруссией 3 или 4. К Востоку тяготел также и дух державной офенсивы и, именно, уния с Литвой и Русью возвысила нас до положения великой державы, восстановить которое мы ныне стремимся. Наконец, борьба с офенсивой Востока, в облике русского царизма Романовых, и гнетом его неволи заполнила нам более двухсот лет. Следовательно, только на востоке, в силу всего этого, Польша может отыграться и использовать в игре свои главные козыри. Большевистский переворот в ничем не изменяет этого факта. Ибо нет de facto никакой разницы между империализмами белой и красной России. Оба они имеют одно

и тоже направление, оба они пользуются и злоупотребляют, явно или укрыто, одной и той же универсалистической идеологией, только в первом случае это будет панславизм, а в другом — мировая революция, также, в конце концов, не избегающая «славянских» ударений в случае надобности.

Не удивительно поэтому, что польская политика, расчитанная на достаточно длительный этап, должна соответствующим образом ориентироваться в том, что происходит в Советской России, должна точно взвешивать все возможности ее обезвреживания. В этих расчетах серьезное место занимает проблема освободительных движений угнетаемых Россией народов, об'единение которых в эмиграции носит название „Прометей"».

Затем г. Чарнецкий в несколько расширенном виде повторяет те мысли, которые нами цитировались в № 47-48 при обзоре дискуссии, имевшей место в клубе «Прометей» в апреле т. г., а потом продолжает:

«Проблема «Прометея», проблема перелома в бытие Советской России связана с вопросом возможности войны.

Говорить сегодня о войне — это значит говорить о близком во времени и пространстве явлении. Те, которые еще несколько лет тому назад откладывали возможность войны на 50 лет, а следовательно, возлагали ее на следующее поколение, сегодня уже не возражают, когда в качестве последнего срока указываются ближайшие десять лет. Проблема будущей войны есть для нас постольку серьезна, что местом ее будет восток Европы, вместе с прилегающими азиатскими пространствами. Следовательно, скажем, Евразия. Чем-же может нас, европейцев, интересовать азиатская война? Так готов сказать не один поляк и сослаться на мение б. польского посла в Мадриде, гр. В. С., который даже Испанию не склонен был включать в Европу.

Допустим, что вопрос геополитической принадлежности Испании может иметь для нас меньшее значение — хотя потомкам героев Самосьеры и Сарагоссы неудобно, как то, декларировать такое полное „desinteressement" относительно того, что происходит в Испании. Наши наблюдатели могли бы там многому научиться.

Зато гораздо больше интереса представляет для нас проблема Евразии и ее ближайшей судьбы. Она, несомненно, находится под знаком Марса. Возможность японско-советского конфликта реальна без всяких сомнений. Война же на Дальнем Востоке создает для внутренних отношений России опасность, аналогичную революции после поражения в 1905 году. Но на этот раз будем иметь дело не с социальной революцией, а с освободительной ирредентой угнетенных народов. Следовательно, вне зависимости от военного пожара на Востоке, европейская Россия в определенный момент может распасться на ряд очагов борьбы с ясными сепаратистическими тенденциями.

Если Юзеф Пилсудский видел в наступлении японской войны сигнал и для польской проблемы, то разве такого сигнала не должны заметить мы, наследники его идеологии, в обозначившимся новом конфликте на Д. Востоке? Разве факт этот должен потонуть в полном безразличии и несознательности нашего общества, как это имело место тридцать лет тому назад? И разве, наконец, мы не будем в состоянии создать план вмешательства и офенсивы, который бы эти возможные процессы декомпозиции России привел к благоприятному результату?

Ибо — какова альтернатива? Если Россия выйдет из тяжелого положения на Дальнем Востоке, если подавит внутреннюю ирреденту угнетенных народов — в таком случае с безошибочной необходимостью она двинется на нас, как на форпост Европы. И тогда снова станет реальным призрак собора на площади (ныне) Маршала Пилсудского (resp. это может быть и безбожнический музей),) и даже больше — такой собор может быть проектирован и на Марьяцком рынке Кракова, что, ведь, уже раз несло с собой русское наступление в 1914 году. И пусть этот призрак собора в Кракове приснится, как кошмарное сновидение, ленивым мыслью полякам; может быть тогда они постигнут тайники политического предвидения. Разве не рассудительнее, вместо ожидания пришествия неприятеля в собственные пределы, приступить самому к наступлению и, скажем, восприяв идею вмешательства, перенести с ней вместе театр войны на расстоянии 1.500 километров от Варшавы? Поэтому то проблема национальной ирреденты в России — на фоне осложнений, которые будет переживать последняя в связи с войной на Д. Востоке, — приобретает для Польши первостепенное значение. Судьба дает нам в руки новую большую возможность, подобную той, которую мы имели во времена Батория. Новое «смутное время», охватывающее Россию, создает для нас случай расправиться с извечным врагом».*

Этому, пишет автор далее, благоприятствует конфликт между Германией и Россией — случай *«вообще очень редкий во взаимоотношениях, длительно основанных на соглашении, направленном против Польши».* Тем более поэтому надо им воспользоваться.

Автор отмечает, что Восток для Германии предоставляет большие возможности. Для Польши нет расчета ей в этом *«специально препятствовать»*, а лишь следует стремиться к тому, чтобы пути германской экспансии направить с пользой для себя. Это вполне возможно, так как Германия не пойдет на восток *«ни через наши головы, ни вопреки нам»*. Германия *«должна нас уничтожить или же договориться о сотрудничестве»*.

Автор выдвигает даже конкретный план такого сотрудничества. Германия, пишет он, *«пусть себе идет на север, мстить за поражение, понесен-*

*) Во время оккупации Польши, русскими был построен православный собор в наиболее репрезентативном пункте Варшавы — на Саксонской площади, ныне площади Марш. Пилсудского. Собор этот, как это обычно имело место всюду в захваченных Россией странах (хотя бы, например, собор в Терк-Кала), символизировал нерушимость русского господства в Польше и постоянно оскороблял национальное чувство поляков. Освободившись, польский народ ниспроверг этот наглядный знак гордыни и бахвальства своего извечного врага. — Редакция.

ное семьсот лет тому назад на Чудском озере», а *«мы пойдем на юг»*.

Много места посвящает автор обороноспособности СССР. Большое значение в этом случае он придает т. н. северному морскому пути, говоря, что *«Советы реализировали гордую концепцию арктичного господства»*, которую когда-то осуществляли викинги. Нам кажется, что здесь автор ошибается, попав невольно в сети советской рекламы. «Севморпуть» отнюдь не «освоен» в такой степени, как это представляет себе автор. Косвенным доказательством нашего утверждения являются массовые аресты и расстрелы среди «работников Арктики», имевшие место в последнее время и вызвавшие даже слухи о расстреле «героя советского союза» проф. Отто Шмидта.

Но, вобщем, автор приходит к вполне правильному выводу, что обороноспособность России находится под большим сомнением. Взгляд этот в полном об'еме был подтвержден недавней компромитацией России на Дальнем Востоке.

Особенно уменьшает обороноспособность России декомпозиция, как выражается автор, в нерусских областях Советского союза.

«Такая декомпозиция — пишет он — *особенно заметна на территории федеративных республик, вне пределов центральной России. Следовательно — Украина, Дон, Идел-Урал... Это доказывает, что советская власть все с большими затруднениями находит точку опоры на территории иных народностей. В этом нет ничего удивительного, ибо народы советской федерации более и более разочаровываются в отношении общего «советского отечества». Упомянутый факт сильно подчеркивает ж. „Şimalî Kafkasya“ (№ 36, 1937 г.) в статье Б. Билатти:—«Сегоднешний советский федерализм это фикция, под видом которой проводится старая известная политика руссификации и поглощения. Не может быть иным всякий другой федерализм, всякое сожительство под «общей имперской крышей», которым пытаются соблазнить угнетаемые народы евразийские и прочие сирены среди русской эмиграции». Б. Билатти приходит к выводу: «Имперская крыша» должна рухнуть». Угнетенные народы должны получить свободу, они имеют право на независимость. Этот постулат на фоне советской действительности, где главным явлением есть, именно, декомпозиция федеративных республик, приобретает в настоящее время актуальное значение».*

Далее автор дополняет эту свою мысль:

«Признаков усиления освободительных движений имеется с каждым днем все больше и больше. 25-V-1937 в берлинском клубе «Хумбольот», по инициативе редакции „Kurtuluş“, состоялся доклад Эмин бея Расул-задэ на тему «Проблема Азербайджана». Интересными являются выводы, которые высказал после доклада проф. Готтхард Иешке, известный тюрколог Берлинского университета. Он выразил надежду, что сегоднешний III Райх не совершит ошибок прежней Германии и признает, что Россия — это не один народ, но конгломерат народов, борющихся за свое естественное право на свободу и независимость. Следует хорошо запомнить эту декларацию германского профессора. Она свидетельствует о серьезном повороте германского общественного мнения, на фоне глубоких перемен, которые происходят в организационной структуре и администрации, а главное, в психике сфедерированных народов СССР. Мысли ред. Байтугана на страницах „Şimalî Kafkasya“ в ответ на выводы проф. О. Гурка указывают на далеко продвинувшийся вперед ревизионизм политических понятий, на консолидацию кавкасского общественного мнения и освобождение его из под гипнотического влияния «великой, неделимой». Кавказ, давший России Сталина (Джугашвили) и Кьязем-Бека, ищет сегодня вождя для дела собственного освобождения. Кавказ не хочет быть мостом для усиления мощи России и дальнейшего ее имперского разцвета».

В заключении автор обращает внимание польской общественности на *«высказываемые при разных обстоятельствах»* политические планы Альфреда Розенберга и, основываясь на книге известного германского пацифиста и демо-либерала Бертольда Якова («Новая германская армия и ее вожди»), доказывает связь их с планами германских военных кругов. Планы эти существенно разнятся от той формы польско-германского сотрудничества при разрешении проблемы Востока, которую выдвигает автор. Польша в них рассматривается как одна из враждебных германской экспансии на восток сил, сама будучи предметом этой экспансии. Если это соответствует действительности, то, конечно, такое положение чрезвычайно осложняет разрешение т. н. проблемы Востока Европы, а с ней вместе и проблему угнетаемых Россией народов

„Сурхай“ — провокатор

Имя Сурхай имеет на Северном Кавказе свою красивую традицию. Чолак-Сурхай (Безрукий Сурхай), хан казикумухский, преградил дорогу в Дагестан грозному Надир-шаху. Второй Сурхай, внук первого и его преемник, храбро боролся с новым врагом — Россией, получив от соплеменников к концу своей долголетней жизни ласкательное прозвище — Сурхай Кун-Буттай (Дедушка Сурхай). Много было и иных Сурхаев, чесно и отважно исполнявших свой долг перед родиной и народом.

Но вот, уже в наши дни, прекрасную традицию, овевавшую упомянутое имя, решил спрофанировать некий бумагомаратель, использовав для этого страницы ж. «Кавказ», всегда охотно готового печатать все то, что пахнет разладом и разрушением.

Мы имеем в виду того «Сурхая», который, вообразив себя историком, преподносит читателям в «собственном изложении» историю взаимоотношений «Кавказа и держав в XIX в.». Но пусть читатель не думает, что за свой «труд» наш «Сурхай» получит прозвище Тарихчи-Сурхая — Историка-Сурхая. Этого ему не дождатся.

Ибо, во-первых, наш «Сурхай» — плагиатор. «Собственное изложение» сводится у него к пересказу чужого труда — фактов и наблюдений, собранных и усистематизированных кем-то иным,

не нашим горе - историком «Сурхаем». При этом «Сурхай» не считает нужным, хотя бы, намеком указать источник и в такой, хотя бы, форме выразить благодарность автору, чьим долголетним трудом он безцеремонно воспользовался. Пострадавшим является польский историк д-р Людвиг Видершаль, из книги которого „Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831—1864“ (Кавкасские дела в европейской политике 1831—1864 г.г.) наш «Сурхай» заимствует не только факты, но и порядок их изложения. Таким образом, наш горе-тарихчи, безжалостно переписывая и кромсая единственный в его руках, хотя и богатый фактами, источник, вообразил себя историком и, пожалуй, мнит, что благодарные сограждане если и не поставят ему за это памятника, то, во всяком случае, назовут в честь его какую нибудь из улиц нашей будущей свободной столицы. Это во-первых.

Затем, во-первых, наш «Сурхай»—провокатор.

Провокатор, так сказать, последнего сорта, провокатор трусливый, стремящийся к цели, пряча, как страус, голову в песок. А цель у него — опорочить память Великого Имама.

Перейдем к фактам, предварительно несколько отклонясь в сторону и пояснив, для чего все это нужно нашему «Сурхаю». Дело несложное: «Сурхаю» не нравится внук, «Сурхай» борется с внуком, а потому необходимо бросить грязью в память деда. Такова логика нашего «историка».

Итак, факты. Наш «тарихчи» пишет:

«При более благоприятной международной обстановке Кази-Мулла сыграл бы несомненно большую роль в истории Кавказа, чем его последователи — Гамзат-Бек и Шамиль».

Скажи на милость, дорогой читатель, какие изменения «в международной обстановке» произошли за два года: от смерти Имама Кази-Магомета (1832 г.) и до вступления на имамский престол Шамиля (1834 г.)?! И в какой степени они отразились на Кавказе, если — как раньше, так и в последующие годы — даже *войны России* с непосредственными соседями Кавказа на юге не влияли ни на уменьшение количества русских войск на Кавказе, ни на изменение стратегических планов русского командования?! Наоборот, в течений 25 лет имамата Шамиля русское правительство непрерывно увеличивало количество своих войск на Кавказе, сосредоточив здесь, в конце концов, *более двухсот тысяч штыков и сабель!* А затем, цитируемая нами фраза не находится ни в какой связи с общим порядком изложения. Разве об'ективный историк, описывающий, например, биографию ген. Гоша, сказал бы, что в другой обстановке этот генерал сделал бы больше, чем Наполеон?! Так, пожалуй, не сделал бы даже ненавистник Наполеона, старающийся быть об'ективным (как всякий историк), хотя бы по одному тому, что такое отклонение от основной темы бросалось бы в глаза, как явная *тенденциозность*, оскорбляющая память не только Наполеона, но и Гоша, а самого автора выставляющая в весьма сомнительном освещении. Но наш доморощенный «историк» даже до этакого рода «субтильности» не дорос.

Характерно у «Сурхая» и толкование обстановки, в которой Чечня признала власть Имама. Он пишет:

«Репрессии и злодеяния Пулло (одного из русских генералов) *довели до отчаяния плоскостных чеченцев, которые восстали, ушли в горы к своим сородичам и призвали к себе Шамиля».*

Как видим, Имаму, который все время старался об'единить в борьбе весь Северный Кавказ, всюду рассылал своих эмиссаров и при помощи способнейшего из них, наиба Магомет-Эмина, связал организационно с имаматом даже отдаленную Западную Адыгею, наш горе-«тарихчи» предоставляет чисто механическую роль легендарных варяжских князей, призванных немытой Русью, дабы «володеть» и управлять ими.

Во всей этой истории «Сурхай», ссылаясь на весьма сомнительный в данном случае авторитет Мусы-Паши Кундуха, бывшего в описываемое время на русской службе, повторяет победившую (из числа иных) версию интриговавших между собой русских генералов, старавшихся свалить ответственность за неудачи друг на друга. И вообще тенденциозная иловайщина так и бьет с каждой строки описания «Сурхаем» этого переходного в истории имамата времени.

Имам Шамиль у него после Ахульго *«потерял всякое влияние в Дагестане»*. Чечня — «восставшая Чечня», хотя в нагорной Чечне и в значительной части плоскостной до этого ни разу не ступила нога русского солдата и не было русского управления. Ташав-Хаджи, благороднейший и вернейший наиб Имама, примкнувший к Шамилю задолго до Ахульго и дравшийся плечом к плечу с ним на подступах к этой твердыни имамата, в провокационном изложении нашего «тарихчи» оказывается с Шамилем только после Ахульго. И всюду красной нитью проходит наивно маскируемое стремление уменьшить роль и значение Шамиля в истории Северного Кавказа. На протяжении нескольких страниц, посвященных специально привлекающему внимание «Сурхая» 1840 году.

С этой же целью горе-историк без всяких оснований фаворизирует кн. Сефера Зан-ико, который-де своей *«пропагандой морально поддерживал борьбу в Черкессии»*. Пропаганда этого типичного северокавказского партикуляриста, в особенности пропаганда в Турции и среди европейских представителей, приносила по существу Северному Кавказу лишь вред. Но особенно вредны были интриги, которые вел старый князь против Магомет-Эмина, представителя государственной идеи Северного Кавказа. К этому приходит и д-р Видершаль, обстоятельный труд которого вдохновил «Сурхая» стать «историком». Наконец, и влияние Зан-ико не было так полным, как это пытается представить «Сурхай». Оно фактически ограничивалось натухайцами, и то не всегда, и отчасти шапсугами. Среди абадзехов, крупнейшего адыгейского племени, он никогда не пользовался популярностью.

В Зан-ико «Сурхая» привлекают отнюдь не добродетели, которые, вероятно, и у него имелись. Собака не здесь зарыта. Дело несколько сложнее и об'ясняется тем, что и Зан-ико не признавал заслуг Имама. Более того, он вообще отрицал суще-

ствование Шамиля, хотя под боком у него, за хребтом Анапских гор, имел свою резиденцию Магомет-Эмин, верный наиб Имама. Об этом повествует нам д-р Жаннель (Jeannel), член французской политической миссии в Адыгее во время Крымской войны, в книге „Exursion en Circassie", изданной в Бордо в 1856 году. Когда члены миссии спрашивали Сефера и его сына Ибрагима, какую военную и политическую роль играет Шамиль, то ответом было, что *«эта личность им вообще неизвестна»*. В этом обоих Зан-ико деятельно поддерживал клеврет Сефера, б. полковник венгерской службы Бангия (Bangya), который впоследствии разоблачен был в качестве агента русского правительства. Вот в этом то, так сказать, сродстве душ «Сурхая» и Сефера Зан-ико и следует искать причину особой симпатии нашего «историка» к честолюбивому натухайскому князю. *Da liegt der Hund begraben! Именно здесь!*

Каждый народ старается окружить память национальных героев возможно большим почитанием. На культе героев воспитываются новые поколения. Там, где существуют сомнения относительно сознательности некоторых из сограждан, память героев охраняется законом. Так, например, поступлено в Польше, где специальный закон охраняет память величайшего национального героя Польши Маршала Пилсудского.

Эту, казалось бы, простую истину не хочет понять наш бумагомаратель. Не хочет понять, что Шамиль создал эпопею, которой, мы смело можем это сказать, нет равной в мире. Эпопею борьбы десятков, в лучшем случае, сотен тысяч, включая женщин и детей, с величайшей военной державой мира, насчитывавшей и в то время десятки миллионов населения. Эпопею, которая продолжалась *двадцать пять лет*, в которой один, буквально, шел против десяти и десятков почти с голыми руками. И разве всего этого можно было бы достигнуть, не будучи гением и не пользуясь полным доверием и преданностью переживавшего ужасные лишения населения?!

Эпопея Шамиля и ее творец — это могущественнейшие фундаменты нашей национальной идеологии. Они принадлежат к числу ее оснований. Поэтому никто из нас и ни при каких обстоятельствах не в праве подрывать этих основ нашего национального самосознания. Не надо забывать, что иловайщина сделала свое дело и оно не всюду и не всегда стоит на должной высоте.

Всего этого «Сурхай» не хочет понять. Не хочет понять, повторяем, потому, что ему не нравится внук, что, боясь открыто выступить против живого внука, он пытается коварно порочить память мертвого Великого Деда.

«Сурхай» — это псевдоним. Источник, из которого он списывает свою «историю», как равно тенденциозность, неоднократно им выявляемая и перед этим, — достаточно ясно разоблачают настоящее имя нашего «тарихчи». И мы советуем ему, оставив в покое историю, вернуться в первобытное состояние старого сплетника. Так будет лучше!

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABERLERi — ВЕСТИ С КАВКАЗА

DAĞISTAN MiLLÎ ANSAMBLi

1-IV-1938 tarihli „Dag. Pravda" yazıyor, ki:

„Dağıstan millî ansambli yaz temsillerine hazırlanıyor. Temsiller üç aydan az sürmiyecektir. Donbastan, Stalinograddan, Yaroslavl ve Omskiden davetler alınmıştır. Hali hazırda talimler yapılıyor, notleri öğrenmeğe çalışıyorlar ve sesler tanzim ediliyor. Talimleri bedîi rehber Hanukayef yoldaş, müsiki mektebi muallimleri Savçenko ve Zelinski yoldaşlar idare ediyorlar.

Ansambl yeni bir repertuar üzerinde çalışıyor. Kora heyeti kumukca Stalin nagmesini, „Tihiy Don" operasından „Ölkeden ölkeye" şarkısini öğrenmektedir. Orkestro „Dağıstan Marşı", kardeş millî cumhuriyetlerin melodilerinden parçalar hazırlıyor. Hasanofun operası „Hoçbar" dan parçalar üzerinde çalışılmağa başlamıştır. Orkestro operanın üvertüri üzerinde çalışmaktadır.

Aminat İbrahimova ve Era Adıbekova yoldaşlar Asiat partisini öğreniyorlar.

Ansamble yeni kuvvetler celbedilmiştir. Hasavyurt nahiyesinin Andre aul kolhozundan, Dağıstanlılar arasında nadir bir sese mâlik komsomol Kâmil Korkmas davet edilmiştir. Şimdiye kadar ansamblde yalnız tenor vardı, Kâmil Korkmas bariton ilave etti. Çok istidatlı olan Kâmil iki ay esnasında kendisinden evvel kaç aydır okumakta olanları geride bırakacak kadar ilerilemiştir. Tar ve kemança hesabına orkestro takviye edilmektedir. Agaç — kumuz büyük ölçüde yapılarak yeni bir müsiki aleti meydana getirilmiştir. Tsovkra aulundan iki pehlivan davet edilmiştir. Onlardan akrobat rakisleri için istifade edileceklerdir.

Kora ve orkestroda tek ses sistemi yerine çokses usulu tatbik ediliyor. Darbeli aletleri azaltmak suretile orkestroda gürültü azatılmıştır. Bu sayede millî alet olan tar, kemança ve agaç — kumuz seslerini güzelleştirmiştir."

Görüyoruz, ki Dağıstanda balalayka daha tatbik edilmemiştir. Halbuki Çeçenistanda „simli avrupa aletleri" nin, yâni „millî rus" balalaykasının tatbikine mâni oldukları için millî orkestro rehberleri „burjua milliyetçiliğile" itham edilmişlerdir.

MUHTELiF HABERLER

— „Orconikidz. Pravda„ya Mozdoktan yazıyorlar: „Şehre mulhak Trotski nahiyesinde 1932 de hidroteknik işler yapılmakta idi. Kamışlıkta neft emareleri keşfolunmuştu. Hidrologlardan biri neftin yerini gösteren bir rapor tanzim edib şehir sovyetine takdım etmişti. O zaman bu hususta çok konuşuldu ve gazetelerde çok yazıldı. Fakat sözden öteye gidilmedi. Halbuki bu hususta dikkatle tefkikat yapmak lazımdı. Mozdok nahiyesinde neft mevcudiyetini gösteren başka deliller de vardır. Şehir ehlinden çoğu, grozna neft ocakları sahibi Nobelin Mozdok etrafında kazma suretile araştırmalar yapmak istediğini iyi hatırlarlar. „Malgobek" neft ocakları Mozdoktan uzak değildir. Çok ihtimal, ki ayni neft havzası Terekin sol sahilini dahi ihtiva ediyor. Bütün bunlar Mozdok yakınında neft mevcudiyetini kabule sevkediyor."

— Ayni gazetede Mozdok nahiyesinde muallimlerin vez'iyetine aid şu haberi okuyuruz: „Fırkanın ve hükûmetin sevadsızlığın ilgasına dair kararları Mozdok nahiyesinde fena tatbik olunmaktndır. 95 mektebde okuyub—yazmak bilmiyen ehalinin

ancak yarısı okuyor. Gudermis sovyetinin „Krasni Oktobr" kolhozunda okuyub yazmak bilmiyen (savadsız) 32 adamdan ancak 10-u mektebe devam etmektedir. Ders odaları ısıtılmıyor. Kolhoz reisi Bohof yoldaşla köy sovyetinin reisi Semyonof yoldaş mekteb işlerile alakadar olmıyorlar. Diger kolhoz ve sovyet reisleri de ayni tarzda hareket etmektedirler. Muallimler 2 — 3 aylarla maaş alamıyorlar. Muallimlere olan borc 35.000 rubleyi geçmiştir".

— „Dag. Pravda" gazetesi haber veriyor: „Bakû—Mahaçkala—Grozni—Rostov arasında yeni telegraf – telefon hattı inşasına şuru edilmiştir. İnşaat bu sene içinde ikmal edilecektir. Yeni hat Moskva ile olan irtibatı çok kolaylaştıracaktır".

— Ayni gazetede okuyoruz, ki bu yılın İkinci Kânun ayından itibaren Şamil—Kala (Mahaçkala) — Gudermiş arasında ikinci demir yolu hattının inşasına başlanmıştır. Gazatenin yazdığına göre yeni hat 15 Mayısta bitmelidir, fakat inşaat o kadar yavaş gidiyor, ki plan vaktında ikmal edilmiycektir.

— Dağıstanda halk maliye komiserliğine Abdullah Mirzayef tayin edilmiştir. Azerbaycanda maarif komiserliğine Mirza Rahim Mehmedof getirilmiştir.

— Bu yılın Martında Tefliste Gürcü yazıcılarından Dutu Megreli vefat etmiştir. Dutu Megreli (Dimitri Hoştariya) 1867 de doğmuştu.

— Şimalî Osetiyada GPU nun mahallî şubesi Kosta Hetagkati'nin tab'edilmekte bulunan eserinin dağıtılmamasını emretmiştir. Kosta milliyetçi, millî hürriyeti terennüm eden ve rus istilâsına karşı giden bir şair olduğu için şiirlerinin tashih edilmeden tab'ine müsaade edilmemiştir.

— Kizlyar mıntakasının bilhassa Karanogay, Açıkulak ve Kayasul nahiyelerinde, yâni yerli ehali ile meskûn yerlerde 235 muallim yeri açık bulunuyor.

ЕЩЕ О РУССИФИКАЦИИ

Как нами уже неоднократно сообщалось, советская власть приступила в последнее время „в ударном порядке" к внедрению русского языка в нерусских школах и среди нерусского населения. В связи с этим советская печать заполняется множеством заметок, носящих характер доносов, в которых осуждается постановка преподавания русского языка в нерусских школах. Так например, „Ордж. правда" от 10-V-1938 г. пишет:

„Далеко не все школы нашего края справляются с ответственной задачей — изучением русского языка. Совсем неудовлетворительно поставлено преподавание русского языка в нерусских школах.

Методика преподавания русского языка в нерусских школах народностей нашего края не разработана.

Инструктор крайоно И. А. Дубиника, обследовавший нерусские школы Курского района, дает такую типичную картину:

„В осетинской начальной школе колхоза им. Буденного, во II классе, учащиеся по вызову учительницы читают статью из книги; ошибки в произношении слов не поправляются учительницей. После того как учащиеся прочли статью, учительница вновь прочла сама эту же статью с ошибками в ударениях, окончаниях и в согласовании слов, пересказала статью учащимся на родном языке и потребовала этого от учащихся. Иначе говоря, урок русского языка эта учительница проводила не на русском, а на родном языке."

Результаты такой постановки преподавания—налицо. В материалах, собранных обследованием крайоно, можно видеть диктанты с 60, 70, 80 и 100 ошибками на странице. Более того, эти ошибки, в свою очередь, нередко поправлены неправильно. Оценки работ более чем либеральны. Грязная, небрежно выполненная работа с 13 ошибками на 50 слов оценивается преподавателем Эдиссийской средней школы т. Миронян на отлично. На уроке русской грамматики в той же школе преподаватель не сумел просклонять числительное „девяносто" и ученики при помощи учебника попраздляли его.

Местные органы народного образования крайне слабо следят за преподаванием русского языка в нерусских школах. В течение 2 лет в нерусских школах агабатырского, полтавского, киевского, эдиссийского и ряда других сельсоветов не было ни одного работника районных отделов народного образования.

Крайоно также упустило этот участок из поля зрения.

Зав. облоно Карачая т. Акбаев сигнализирует, что все 210 учителей русского языка в нерусских школах области нуждаются в значительном повышении квалификации. Тов. Шевцов из Черкесии сообщает, что из 220 преподавателей русского языка достаточно знают свой предмет только 20 человек. Аналогичные данные дает и Кизлярский округ. Кроме того в большинстве нерусских школ нехватает преподавателей русского языка.

Русский язык—мощное средство интернациональной и культурной связи народов нашей страны. Крайоно недооценивало до сих пор всей важности его преподавания в нерусских школах края. Эта ошибка должна быть срочно исправлена."

Но совсем иное отношение у совруссификаторов видим мы, например, к тюркскому языку, который является не менее „мощным средством интернациональной и культурной связи" и, вдобавок, не только для „народов нашей страны", так как на нем свободно можно об'ясниться от Якутии и Восточного Туркестана до Египта и Балкан. В „Даг. правде" от 18-VII-1938 г. мы находим следующую характерную заметку:

„Аулы Рутульского района находятся в горах южного Дагестана, у самой границы советского Азербайджана.

Рутульцев в Дагестане около 15 тысяч человек. Они имеют свой язык, культуру, свои обычаи. До революции рутульский народ был одним из бесправных, темных народов Дагестана. Лишь советская власть открыла народу широкий путь к счастливой, радостной жизни. К аулам сейчас ведут широкие шоссейные дороги. В каждом ауле — школа, клуб, избы-читальни, детские площадки. В районе своя больница. Из года в год растут стада колхозов. (Весьма сомнительная картина— ред.)

Враги народа, подлые буржуазные националисты, сознательно задерживали культурный рост народа, изгоняли родной язык рутульцев. Вместо родного языка и письменности, народу были навязаны тюркский язык и письменность.

Трудящиеся рутульских аулов обратились с просьбой к правительству Дагестана создать письменность на их родном языке. Недавно в Рутульский район выезжала правительственная комиссия по разработке нового алфавита в составе председателя ЦИК ДАССР, члена президиума верховного совета СССР тов. Тахтарова, наркома просвещения ДАССР тов. Разилова, директора научно-исследовательского института языка и литературы Дагестана тов. Магомедова. Комиссия побывала в Рутульском, Амсарском, Лучекском, Ихрекском и др. сельсоветах района, где ознакомилась с рутульским языком, беседовала с трудящимися, собирая материал для разработки нового алфавита. В районном центре состоялось совещание учителей аульских школ и всех культурных сил района, где обсуждались вопросы создания письменности рутульского народа. Учителя оказали большую помощь в работе комиссии.

Трудящиеся рутульцы с большой радостью ожидают письменность на родном языке. В ауле Рутул состоялось многолюдное собрание колхозников и служащих. Выступавшие колхозники говорили:

— Мы просим наше правительство создать для нас новый алфавит на русской основе. Новый алфавит сыграет большую роль в расцвете нашей культуры, усилит дружбу горцев с передовым русским народом, поможет овладеть культурой великого русского народа."

Таким образом, 17 лет тому назад, когда большевизм допускал еще в области т. н. культстроительства в известной степени свободу волеиз'явления, „рутульскому народу подлыми буржуазными националистами навязаны были тюркский язык и письменность." Ныне же, когда диктатура Сталина довела обрусительную политику до наивысшего напряжения, „рутульский народ просит для себя алфавит передового русского народа". Ясно, конечно, что это „желание" „рутульского народа" есть ничем иным, как очередным насильственным обрусительным и раз'единительным актом советского правительства на Северном Кавказе.

КРАЕВАЯ ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОГО КРАЯ

В середине июля т. г. в Шет-Кала (Ворошиловск) происходила краевая партийная конференция Орджоникидзевского края. Конференция прошла под знаком критики краевых учреждений. Особенно остро критиковали эти учреждения представители т. н. национальных районов, т. е. районов с нерусским большинством, нужды которых обычно или вообще неудовлетворяются или удовлетворяются в последней очереди.

Итак, Магомет Чотчаев, председатель карачаевского облисполкома, заявил (цитируем из „Ордж. пр." от 15-VI-1938 г.):

„Товарищи, здесь уже много говорили о той огромной работе, которую проделала краевая парторганизация по разоблачению врагов народа. Я хочу сказать, что некоторые наши товарищи думают так: мы разоблачили врагов и теперь можно почивать на лаврах. Это неправильное рассуждение, оно усыпляет бдительность коммунистов. Наоборот, мы должны продолжать еще решительней борьбу с врагами народа.

Враги народа немало навредили. Наша задача — смелее ликвидировать последствия вредительства. Все ли сделано в этой области? Для примера приведу Карачаевскую область. Я не ошибусь, если скажу, что едва ли вы найдете в нашем крае такой богатый район, как Карачай. У нас есть золото, уголь, лес, мрамор, барит— все это—природные богатства. Недаром сюда устремлялись враги народа и вредители. Последствия вредительства далеко не ликвидированы.

Карачаевская область является областью и животноводства. В этом году мы получили свыше ста тысяч голов приплода. Скота будет много, но у нас нет земель и единственный выход из этого положения - увеличение кормовой базы. Когда мы представили свои соображения насчет расширения кормовой базы в крайком, то Сергеев их отклонил. Я хочу спросить крайком и его сельхозотдел, знают ли они вообще Карачай? Можно прямо сказать, что Карачая они не знают и нам не помогают. Я ни одного раза не видел заведующего сельхозотделом крайкома в Карачае. Когда мы ставим какие-либо вопросы перед центральмыми организациями, то они поддерживают нас во всем, зато крайисполком и крайком их месяцами не разрешают. Это положение нетерпимо. Краевому комитету партии нужно конкретнее руководить хозяйством Карачая.

Также хочу спросить работников крайкома ,в том числе и руководителя промышленного отдела, пусть они скажут, какой запас угля, леса или других полезных ископаемых в Карачае? На этот вопрос они не ответят, потому что они не знают нашу промышленность. А ведь все курортные города и вся промышленность нашего края снабжаются карачаевским углем. Не пора ли промышленному отделу крайкома взяться за изучение и руководство промышленностью Карачая?

Еще хочу остановиться на вопросе о золотой промышленности.

В центральных организациях есть такое мнение—организовать в Карачае трест, который бы возглавлял золотодобычу. Почему бы промышленному отделу крайкома партии не поехать на место, не подработать этот вопрос и поставить его в центральных организациях и тем самым развить шире эту промышленность?

Особенно плохо крайком и крайисполком помогают нам в подготовке к выборам в верховный совет РСФСР.

В дальнейшей своей работе крайком и крайисполком коренным образом должны изменить свое отношение к Карачаевской области и помогать ей."

В таком же духе говорил Гологухин, секретарь окружкома ВКП(б) недавно оторванного от ДагАССР и присоединенного к Орджоникидзевскому краю Кизлярского округа:

„Товарищи, в докладе тов. Гончарова и в выступлениях, в том числе руководящих работников края, ни одного слова не было сказано о таком важнейшем политическом деле, как образование Кизлярского округа. Что представляет собой Кизлярский округ, в состав которого входит 5 районов. Округ занимает 23.500 кв. километров площади, примерно, четвертую часть Орджоникидзевского края. Особенность Кизлярского округа заключается в том, что он имеет ряд национальных районов: Ногайский, где 98 проц. населения—коренные жители—ногайцы: Ачикулакский и Каясулинский, где до 70 проц. ногайцев.

Кизлярский округ в основном сельскохозяйственный. Здесь 8 МТСЗ, 8 совхозов. Округ выделяется богатством и разнообразием с.-х. культур. Здесь произрастает виноград на площади свыше 3 с половиной тыс. га, выращиваются хлопок, рис, кенаф и много других культур.

Сельское хозяйство Кизлярского округа чрезвычайно сложно. И, тем не менее, сельхозотдел крайкома плохо помогает нам. На сегодня мы еще не отремонтировали 48 комбайнов,

Зав. крайзо тов. Баранов клялся, что для Кизлярского округа он сделает все, что нужно. На самом же деле, эта клятва так и осталась клятвой.

Колхозы наши имеют в своем распоряжении огромное количество зерна, но ссыпать его некуда. Сейчас перед нами стоит проблема—куда девать урожай нового года. Для постройки складов требуется лес, а его мы, несмотря на все просьбы, не получаем.

С ростом колхозной зажиточности растут культурные запросы населения и мы обязаны их удовлетворить.

На все районы Кизлярского округа мы имеем пока всего 3 кинотеатра, причем 3 района совсем не имеют кино, а в этих районах преобладающее население националы-ногайцы. Я не хочу сказать, что крайком партии не оказывал нам помощи. Он оказывал ее, но недостаточно.

Я считаю, что после конференции крайком партии соберет руководителей краевых организаций и спросит их, думают ли они серьезно, со всей ответственностью, помогать Кизлярскому округу."

Зато, совсем иной характер носит выступление краевого обер-чекиста, начальника краевого управления НКВД Кривеца. Выступление Кривеца выдержано в духе „тащи и не пущай", хотя и в нем критикуются краевые учреждения. Обер-чекист Кривец говорил:

„Истекший год, со второй краевой партконференции, для нашей парторганизации характерен тем, что парторганизация за этот период времени одержала крупные успехи в деле выкорчевки вражеских агентов, залезших в партийные, советские и хозяйственные аппараты нашего края.

Враги народа пытались нанести нашему хозяйству значительный ущерб. Основное вредительство было направлено по линии животноводства. Непосредственно практическое руководство вредительством в животноводстве осуществлялось врагами, засевшими в аппарате крайзо. Вредители всячески срывали травосеяние многолетних трав, сокращали кормовую базу, стремились довести скот до полного истощения.

Троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические шпионы и диверсанты вредили также на идеологическом и культурном фронте, и в области национальной политики.

В национальных районах и областях они под маркой коренизации засоряли советский и партийный аппараты буржуазно-националистическими, социально-чуждыми элементами.

Я хочу обратить внимание конференции на слабость массовой антирелигиозной работы. Союз безбожников—воинствующих ни в какой мере пока еще не является. Нужно принять все меры для усиления антирелигиозной пропаганды и укрепления СВБ. А что у нас в этом отношении делается? Крайисполком решил, очевидно, свернуть антирелигиозную работу в крае. Из сметы 550 тыс. руб., запроектированных крайсовету безбожников для антирелигиозной работы, крайисполком 350 тысяч урезал. Кроме этого удержал за проведение конференции СВБ 25 тысяч рублей. Крайоно также удержал 15 тысяч рублей за диапозитивы, выписанные без его согласия. Крайсовет СВБ в результате остался без средств. В довершение всего крайфинотдел дал распоряжение не выплачивать зарплату местным работникам СВБ.

В большинстве районов в связи с этим антирелигиозная работа свернулась, а часть инструкторов была уволена.

В Ессентуках дошли до того, что выселили аппарат

СВБ из занимаемого им помещения и за отсутствием средств сняли с работы секретаря СВБ. В Карачаевской области и в Невинномысском районе до сих пор не используют лектора по антирелигиозной пропаганде.

Выводы отсюда таковы: партийным и советским организациям нужно изменить свое отношение к антирелигиозной работе и сделать ее активной и действенной.

В заключение несколько слов о ликвидации последствий вредительства. Последствия вредительства у нас в крае ликвидируются из рук вон плохо. Я считаю, что в этой области перед нашей парторганизацией стоят следующие практические задачи:

Мобилизовать все парторганизации на быстрейшую ликвидацию последствий вредительства, на разоблачение врагов народа всех без остатка.

Взяться по настоящему за овладение большевизмом, широко развернуть политико-массовую работу на всех участках социалистического строительства.

Только при этих условиях наша парторганизация сумеет справиться с теми задачами, которые поставили перед ней ленинско-сталинский ЦК и мудрый вождь народов Иосиф Виссарионович Сталин".

Общий вывод из слов обер-чекиста: „последствия вредительства у нас в крае ликвидируются из рук вон плохо." Значит, следует в ближайшем будущем ожидать новой кровавой вакханалии, новой серии арестов и расстрелов, при помощи которых, вот уж 20 лет, реализируется ленинско-сталинская „демократия."

„ГОСЗАПОВЕДНИК" В КАРАЧАЕ

Наглядной иллюстрацией к цитированному выше выступлению предисполкома Карач. авт. обл. Магомета Чотчаева является нижеследующая заметка, заимствованная нами из „Ордж. правды" от 16-V-1938 г.:

„Животноводческие колхозы Карачая пережили трудную зиму. Нехватило кормов. Скот в ряде колхозов сильно истощал.

Сегодня в долинах и на склонах гор пышно зеленеют молодые травы. Скот становится на подножный корм. В колхозах идет подготовка к перегону стад на горные пастбища. Ежедневно в Карачаевский облземотдел являются представители колхозов Микоян-Шахара, аула Каменномостского, Нижней Теберды, Верхней Теберды, Нового Карачая.

— Куда будем гнать скот? Будут ли допущены наши стада на наши пастбища или придется держать их около зимовок?

— Без пастбищ не останетесь, — успокаивают работники облзо. — По всей вероятности, скот будет допущен, только неизвестно, на каких условиях.

— Опять условия! Наши эти земли, наши выпаса!..

— Нет, земли эти принадлежат госзаповеднику.

10 мая в облзо состоялось специальное совещание о распределении выпасов на землях, принадлежащих Тебердинскому акклиматизационному заповеднику. На этих землях колхозы должны выпасать 17 тысяч голов крупного и мелкого скота.

Приглашенные на совещание представители госзаповедника заявили, что они могут допустить выпас скота на территории заповедника. Но колхозы должны подписать договор о соблюдении заповедности. В предложенном проекте договора значатся обязательства: каждое животное, отгоняемое на пастбище, должно иметь... индивидуальную карточку о состоянии здоровья.

Семнадцать тысяч ветпаспортов!

— А фотокарточки каждой коровы и овцы не требуется? — спрашивают представители колхозов. — Ведь без фотокарточки паспорта коров трудно не перепутать...

Второе условие: сторожевых собак проводить на место выпасов и держать там на привязи. Иметь ружья чабанам воспрещается, топливо для чабанских костров колхозы обязаны покупать у госзаповедника. Лес для кошей — покупать у госзаповедника. Коши строить только временные, по миновании сезона коши переходят в собственность заповедника.

Чабаны не имеют права рвать диких ягод. Прогонять скот разрешается только по тем травам, которые укажет госзаповедник. Останавливаться там, где укажет госзаповедник. Огонь разводить только там, где укажет госзаповедник. Коз на пастбища госзаповедник не допускает и т. д. и т. д.

Чтобы все эти требования выполнялись, нужен усиленный надзор. К кошам каждого колхоза будет прикреплен специальный об'ездчик — представитель госзаповедника с оплатой 150 рублей в месяц. Эти 150 рублей должен ежемесячно вносить колхоз, ибо об'ездчик будет оберегать от колхоза ценности заповедника.

Тяжело вздохнули представители колхозов.

— Так жить нельзя. Нельзя развивать животноводство при таких условиях.

Начали рядиться. Кое-какие из пунктов в проекте договора заповедник смягчил. Другие оставил в силе. Коз на пастбища он допустить не может.

— Но колхозы подготовили к перегону 5 тысяч коз. Колхозы по указанию правительства усиленно занялись разведением коз.

Это хорошо. Но о том, чтобы допустить коз на горные пастбища, необходимо добиваться специального разрешения из Москвы, из комитета по заповедникам.

Вполне реальная коза для пяти колхозов превратилась в проблему.

На этом заседании легко было убедиться, что интересы колхозов и интересы госзаповедника в его нынешнем виде непримиримы."

Однако, госзаповедник в Карачае еще существует. И будет существовать, так как непримиримы „в их нынешнем виде" прежде всего интересы русского народа и интересы угнетаемых им народов. Противоречия исчезнут только тогда, когда русское иго будет низвергнуто и угнетаемые народы будут свободны.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Под таким заглавием в „Соц. Осетии" от 29-VII-1938 г. помещено интересное с точки зрения археологического изучения Северного Кавказа сообщение Е. Крупнова, руководителя северокавказской археологической экспедицией в текущем году. Сообщение это полностью подтверждает неоднократно отмечаемую у нас связь населения древней Скифии с древним населением нагорного Кавказа, как равно и то, что юго-восточная Европа, которую автор сообщения называет (в скобках) ее современным названием — Украиной, стала славянской лишь в не столь отдаленную историческую эпоху. Сообщение Крупнова приводим ниже целиком:

„Из всех республик Кавказа Северо-Осетинская АССР наиболее известна своими древностями историко-археологическим кругам нашей страны и заграницы. Мировую славу Северной Осетии принесли богатые находки бронзовых предметов, впервые найденные у сел. Верхняя Кобань в конце XIX века.

Ранняя история народов Северного Кавказа только в общих чертах прослеживается по обильным, нередко первоклассным, разнообразным и разновременным археологическим материалам, подавляющее количество из которых было добыто именно на территории Северной Осетии.

Вместе с тем для решения многих конкретных вопросов, связанных с изучением древнейших периодов истории края (например, вопросы о древней металлургии, типе поселения и проч.), и этого огромного материала оказывается далеко недостаточно.

Это обстоятельство в свою очередь выдвигает перед историками-кавказоведами задачу — искать новый, более ценный материал, новые данные, сделав их опорными для восстановления наиболее ранних моментов исторической жизни края.

Вот почему Северную Осетию историки-археологи не обходили своим вниманием ни в прошлом, ни тем более в настоящем, когда так возрос общий интерес к вопросам истории народов СССР.

В текущем году (в половине августа месяца) на территории Северо-Осетинской АССР будут также вестись крупные археологические работы, организованные государственным историческим музеем (Москва), а в настоящее время центральным историко-археологическим учреждением страны.

Работы будут являться продолжением работ ГИМ, начатых еще в 1935 году. Из результатов прошлых систематических работ экспедиции ГИМ по изучению материальной культуры края некоторые факты заслуживают быть особо отмеченными.

Так, например, работами экспедиции 1935—37 гг. были исследованы остатки нового, неизвестного археологам, могильника, обнаруженного в урочище „Загм Барзонд", в районе сел. Верхняя Кобань. По могильному инвентарю (бронзовый нож, бронзовые бусы, каменные стены, глиняные сосуды) могильник связывается с так называемой Северо-Кавказской преимущественно степной культурой эпохи II тысячелетия до нашей эры и таким образом является древнейшим памятником республики. Теми же работами было установлено, что целый ряд древних могильников Осетии (в частности Галиатский могильник в Дигории) использовался меняющимся окрестным населением целые тысячелетия. На известном Галиатском могильнике экспедицией ГИМ были вскрыты погребения, одно синхроническое, другое — эпохи раннего средневековья VI—X вв. и, наконец, могилы, безусловно связывающиеся уже с недалекими предками современного населения с. Галиат — осетинами (могилы XVIII—XIX вв.). Самые замечательные находки были сделаны в каменном подземном склепе, содержавшем коллективное погребение — двух мужчин и одной женщины. При женском костяке найдено богатое ожерелье из разных бус, среди которых находилась просверленная золотая византийская монета императора Ираклия (610—641 г.). При мужских костяках найдено богатое вооружение, состоящее из наконечников железных копий, стрел, ножей; пояса погребенных были убраны золочеными блестками. Тут же находилось несколько глиняных сосудов и деревянных резных блюд.

Под одним из седел найден серебряный арабский диргем (монета) отличной сохранности. На обеих сторонах диргема вычеканены суры из корана и указание на происхождение. Диргем бит в г. Басре (близ Персидского залива) в 701 году. Этим диргемом и датируется весь комплекс — началом VIII века нашей эры.

Имеются все основания связывать данный комплекс с широко известной в Предкавказье так называемой аланской или ясской культурой, на базе которой в дальнейшем сложилась и современная осетинская, а самих погребенных в склепе рассматривать как семью одного из аланских воинов, бытование которых в центральной части Северного Кавказа засвидетельствовано историческими справками с древнейших времен и согласно подтверждается данными археологии, истории и языкознания.

Могильный инвентарь галиатского склепа VII века отражает те международные связи аланских племен с югом (Византия) и востоком (Арабский халифат), которые особенно характерны для этого периода, периода расцвета могущества хазарского каганата, в состав которого входили и аланские племена. Таким образом, некоторые результаты экспедиционной работы приводят нас к истокам истории народов Северного Кавказа и в частности проливают свет на раннюю историю осетинского народа.

Крупные раскопочные работы были поставлены в прошлом году на известном в археологической литературе могильнике „Верхняя Рутха" близ сел. Кумбулты в Дигории. На основании прошлых, дореволюционных, преимущественно хищнических раскопок этот могильник относился археологией к эпохе V—VI вв. нашей эры. Наши раскопки дали огромный материал, уходящий в более глубокую давность — в первое тысячелетие до нашей эры.

Найдено большое количество бронзовых и серебряных вещей: булавок, поясных пряжек, браслетов, привесок, серег, колец и множество посуды, связывающейся так же, как и весь остальной материал, с периодом расцвета кобанской культуры.

Здесь же был обнаружен клад, состоящий из глиняного горшка кобанского типа с вложенными в него 9-ю бронзовыми массивами, орнаментированными браслетами и пластинчатой поясной пряжкой. Было вскрыто только одно погребение, в котором, наряду с кобанскими булавой и пряжкой, найдены 17 скифских наконечников стрел в деревянном колчане, точно определяющие весь комплекс времени V—VI вв. до нашей эры. Здесь же был найден материал и более поздних времен. Этот материал свидетельствует о том, что могильник использовался населением длительное время.

Весь добытый материал имеет крупное научное значение. Он подтверждает наличие даже в высокогорных пунктах Северного Кавказа скифского влияния, или скифских элементов (что не отмечалось и даже отрицалось старыми исследователями) и вместе с тем, он позволяет уверенно говорить о сравнительно поздней дате для конца кобанской культуры, соприкасающейся уже со степной скифской культурой (V—VI вв до нашей эры).

Наконец, полученный материал на могильнике „Верхняя Рутха" лишний раз подтверждает положение, что кобанская культура, вызвавшая так много споров в археологическом мире, развивалась не так изолированно, как казалось многим археологам, и что Кавказ (в частности Северная Осетия) и в ту отдаленную эпоху жил одной общей культурной жизнью с юго-восточной Европой (с Украиной). Весь экспедиционный материал уже обработан и в значительном количестве вошел в основную экспозицию государственного исторического музея. В текущем году предполагается сосредоточить археологические работы преимущественно в окрестностях сел. Кумбулты (Дигория) и главным образом на могильнике „Верхняя Рутха".

Есть же основания полагать что далеко еще не исчерпанное богатое содержание этого памятника поможет решить вопрос о датировке кобанской культуры и вместе с тем выяснить роль отмеченных скифских элементов в формировании ранних археологических культур Северного Кавказа.

В этих целях экспедицией ГИМ летом с. г. будут поставлены раскопки и на огромном алхастинском селище на р. Ассе в Чечено-Ингушской АССР, проливающим свет на тот же скифский вопрос. Работа в Чечено-Ингушской АССР будет являться вторым этапом работы экспедиции ГИМ.

Помимо чисто археологических изысканий экспедицией будет собираться и фольклорный материал, связанный с изучаемыми памятниками, что будет давать возможность вести изучение этих об'ектов, имея некоторую историческую перспективу.

Работы экспедиции прошлого года были успешно проведены при ближайшем содействии общественных и государственных организаций республики и местного населения, чье внимание и содействие состав экспедиции рассчитывает встретить и при осуществлении работ текущего года."

РАСКОПКИ В ПРИДОНЬЕ

Ростовский „Молот" пишет о плане археологических раскопок в Ростовской области в т. году следующее:

„В текущем году в Ростовской области широко развернутся археологические раскопки и разведки, проводимые центральными и местными организациями.

Ростовский областной музей краеведения намечает провести экспедицию по течению реки Северный Донец. Здесь, в окрестностях станиц Нижне-Кундрючевской, Усть-Быстрянской и других, впервые будут подвергнуты систематическим исследованиям исключительно ценные по своему научному значению охотничьи и рыболовные стоянки (места поселений) эпохи родового первобытного общества. Эти стоянки расположены на прибрежных песчаных дюнах и дают большое количество находок—различных каменных (кремневых) орудий труда и других предметов древности. Время стоянок—четвертое тысячелетие до наших дней.

Бюро охраны памятников при облисполкоме подвергнет раскопкам группу древних курганов в окрестностях станицы Мелиховской. В одном из этих курганов ранее было встречено погребение людей первых столетий нашей эры. Особое внимание исследователей обратил на себя череп погребенного мужчины (сар

мата). Череп этот искусственно деформирован, затылочная часть его имеет редко встречающуюся форму усеченно-закругленного конуса, напоминая вид невысокой сахарной головы. Такая деформация достигалась наложением на голову человека с детского возраста тугих повязок в различных направлениях.

Среди предметов, лежавших вместе с погребенным, особенно интересен медный ковш с греческой надписью, связанной с существованием ордена (об'единения) мастеров-золотильщиков в древнем Танаисе, развалины которого расположены по дороге из Ростова в Таганрог, вблизи хутора Недвиговского.

Будут продолжены в текущем году также работы по описанию и изучению историко-архитектурных памятников в Азове, Старочеркасске и других пунктах. Два древних кургана будут раскопаны в окрестностях Ростова."

Характерно, что об обычае деформирования головы у некоторых скифских племен писал в IV веке до Р. Х. Гиппократ. Племена эти назывались им длинноголовыми (макрокефалами). Обычай этот описывается им следующим образом: „Лишь только родится ребенок, пока еще кости его мягки, неотвердевшую еще головку выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствии которых сферическая форма головы портится, а длинна ее увеличивается." Деформированная голова считалась у этих племен признаком благородства. Обычай этот был распространен у некоторых племен и Южного Кавказа, а также в нагорной полосе по Главному Кавкасскому хребту. И здесь в древних могильниках обнаруживаемы бывали деформированные черепа.

АНТОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

„Бак. раб." пишет:

„На днях из печати выйдут первые 500 экземпляров антологии азербайджанской поэзии, выпускаемой Азернешром роскошным изданием к декаде азербайджанского искусства в Москве.

Книга, включающая несколько сот произведений азербайджанских поэтов и народного эпоса в переводе на русский язык, издается под редакцией М. Ибрагимова и поэта В. Луговского. Об'ем книги—свыше 40 печатных листов.

Антологии предшествует обширное предисловие, дающее исторический обзор азербайджанской поэзии, начиная с XI века. В нее включены впервые печатаемый в поэтическом русском переводе отрывок из древнейшего памятника азербайджанской литературы „Китаб деде Коркуда", впервые печатаемое в русском переводе вступление к поэме Низами „Лейли и Меджнун", а также произведения поэта XII века Гасана оглы и поэта XIV века Насими.

Большое место в антологии уделено величайшему поэту Азербайджана Физули (XVI век).

Из поэзии XVII века в антологию вошли произведения поэтов Ковси, Нишат Ширвани, Ага Месих Ширвани и др.

Широко представлены в книге лучшие поэты Азербайджана XVIII века — Вакиф и Видади.

Раздел поэзии XIX века открывается творчеством поэта Закира. Затем идут переводы стихов поэта Набати, поэта Кудси Бакиханова, поэта Мирза Шафи Вазеха, известного в Западной Европе по немецкому переводу Ф. Боденштедта и переведенного сейчас на русский язык В. Луговским, новый перевод поэмы М. Ф. Ахундова на смерть Пушкина (поэта Антокольского) и др.

Для антологии переведен на русский язык также ряд наиболее значительных произведений поэта 70—80 годов XIX века Сеид Азима Ширвани и величайшего народного поэта Азербайджана А. Сабира.

Яркое отражение находит в антологии азербайджанской поэзии богатейший народный эпос Азербайджана — отрывки из „Кер-оглы", песни об Али Кериме, Качаг Наби и др.

Переводы стихотворных произведений сопровождаются в антологии коментариями и биографическими справками.

Книга художественно оформлена художником-орденосцем Р. Мустафаевым.

Массовое издание „Антологии азербайджанской поэзии" выпускается гослитиздатом в Москве".

ЕЩЕ О НЕИСПОЛЬЗОВАННЫХ КУРОРТНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Мы уже неоднократно имели случай говорить о неиспользованных лечебных возможностях Северного Кавказа, наглядно демонстрирующих систему большевистского „планового хозяйства" в области курортного дела. Ныне мы можем эту систему иллюстрировать еще двумя фактами: 1) заметкой газ. „Соц. Осетия" (от 9-VII-1938 г.) о лечебной грязи вблизи Терк-Кала и 2) заметкой газ. „Даг. правда" (от 16-VII-1938 г.) о целебных источниках Рычал-су в Дагестане.

Первая заметка гласит:

„До последнего времени городская грязелечебница пользовалась привозными грязями, которые доставлялись издалека. В последнее время ее получали из Одесских лиманов, вследствие чего грязелечение обходилось очень дорого.

4 июня в научно-медицинском обществе под председательством д-ра И. З. Копшицера состоялось заседание, на котором профессор Орджоникидзевского института цветных металлов Э. А. Штебер сделал сообщение о залежах ископаемых лечебных грязей, открытых им под городом, в трех километрах по Военно-Грузинской дороге.

Грязи эти залегают здесь в виде плотного сланца, легко превращающегося при соединении с водой в пластическую массу, с хорошими показателями, пред'являемыми к лечебным грязям.

Запасы грязей в окрестностях гор. Орджоникидзе так велики, что этого сырья хватит не только для местной грязелечебницы, но и для вывоза в другие города.

Профессор Штебер в своем докладе осветил происхождение открытых грязей и физико-химические свойства их. По своему составу и по поглотительной способности они ближе всего подходят к испытанной уже ачалукской лечебной грязи, извергаемой грязевыми вулканами.

Врачи С. А. Айдаров и М. Г. Домба, после выяснения некоторых данных о грязях, предложили, не теряя времени, немедленно приступить к клиническому испытанию их в городской грязелечебнице и в случае благоприятных результатов поднять вопрос об организации грязелечебного курорта у самого месторождения грязей.

Еще 3 июня, по поручению директора физио-терапевтической лечебницы тов. Айдарова, консультант лечебницы тов. Домба провел совместно с профессором Штебером предварительный осмотр местности с выходами грязей на поверхность. Местность эта весьма удобна для постройки постоянного санатория. Сообщение с городом можно облегчить проводкой трамвайной линии, которую, как известно, намечено продолжить от военного училища вдоль Военно-Грузинской дороги.

Есть полное основание полагать, что испытания дадут благоприятные показатели и тогда, в недалеком будущем, наркомздрав СО АССР сумеет организовать новую курортную точку в нашей автономной республике с большой пропускной способностью, важную для обслуживания потребностей населения."

Во второй читаем:

„В 48 километрах от станции Белиджи, в живописной горной местности Хивского района находятся источники Рычал-су. Источник вытекает из трещин отвесной скалы, расположенной на правом берегу реки. Три наиболее крупных источника имеют общий дебит 2.200 гектолитров в сутки с температурой воды от 31,9 до 36,5 градусов.

Еще далеко не полные исследования показали, что воды Рычал-су по своему химическому составу и действию на организм человека приближаются к водам Виши и Боржома. Местное население издавна поль-

зуется источником также и как средством от чесотки и других накожных заболеваний.

Местность, где находится Рычал-су, по своему климату подходит к Кисловодску, но выгодно отличается от него более теплым летом и меньшим количеством осадков. Лучший сезон здесь с 15 мая по 1 октября.

Казалось бы ясным, что Рычал-су—настоящая жемчужина Дагестана. И если энергично взяться за дело, в далеком Хивском районе может вырасти замечательный курорт всесоюзного значения.

Однако, все эти богатейшие возможности совершенно не использованы. Здесь несколько лет существует только небольшой завод, где воды источника подвергаются специальной обработке, разливаются в бутылки и отправляются в соседние аулы, Дербент, Баку, а до Махачкала так и не доходят.

Завод получает посуду с константиновского стекольного завода в ничтожном количестве — 300 тысяч полулитров, мощность же его, даже при настоящем полукустарном оборудовании, — 300.000 литров в месяц.

Возникают бесконечные затруднения и с транспортом. Расширением торговой сети никто не интересуется, в том числе и Дагкурорт, в ведении которого находится этот завод.

Еще три года тому назад был составлен план и смета строительства нового мощного завода, расчитанного на выпуск 6—7 миллионов полулитров в год. Но этот план так и остался на бумаге. В Дагкурорте его ежегодно просматривают, в наркомздраве пересматривают, затем дело поступает в дальнейшие инстанции, упирается в отсутствие средств и откладывается на следующий год.

Дело, которое может дать республике огромный доход и превратить Дагестан в здравницу всесоюзного значения, попало в Дагкурорте и наркомздраве в руки тупых чинуш."

Однако, все это об'ясняется отнюдь не наличием „тупых чинуш" в наркомздравах „нацавтономий", а тем, что нужды правящей верхушки и приезжающих „по путевкам" из России „курортников" обслуживают уже благоустроенные северокавкасские курорты. Местное же население должно ждать лучших времен, довольствуясь „кустарными" курортами и „самокритикой", подобной цитируемой.

КАНАЛ КУБАНЬ — ЕГОРЛЫК

Приведенные нами в прошлом номере сведения о строительстве канала Кубань—Егорлык дополняем нижеследующими данными, взятыми из номера „Ордж. правды" от 3-VIII-1938 г.:

„Для обводнения и орошения советской Калмыкии имеется проект, по которому предполагается создать из избыточных паводковых вод Дона огромное водохранилище, емкостью до 50 миллиардов кубических метров. Из этого водохранилища вода будет по каналу направляться в калмыцкие степи. Кроме этого имеется в виду прокладка через всю республику до Каспийского моря большой водной магистрали обводнительного и транспортного характера.

Огромное внимание уделено партией и правительством на борьбу с засухами и в Орджоникидзевском крае. Терско-кумская ирригационная система уже дает воду на тысячи гектаров колхозных полей. Оросительная сеть здесь будет расширяться с каждым годом.

Особое значение для обводнения и орошения засушливого Ставрополья имеет строящийся сейчас канал Кубань — Егорлык. Канал этот берет начало в Кубани, у станицы Невинномысской. Трасса его лежит через Сенгилеевское озеро, мимо Ново-Троицкой. Дальше кубанская вода попадает в реку Егорлык, из нее в Маныч и Дон. Постройкой канала Кубань — Егорлык кроме ирригационных целей преследуется задача сделать судоходной реку Маныч. Суда будут подниматься до села Дивного.

Наиболее трудоемкая часть в строительстве канала, на которую затрачивается около половины всех отпущенных правительством средств — это тоннель. Начинается он у хутора Надзорного и идет под землей на 6300 метров. По своей величине это будет крупнейший гидротоннель в стране.

Тоннель Кубано-Манычского канала имеет овальное сечение. Высота его 5,25 метра, наибольшая ширина 4,85 метра. Рассчитан он на пропуск 75 кубических метров воды в секунду. Ежеминутно через тоннель будет проходить около 350 тысяч ведер воды. В час это составит 14 миллионов 790 тысяч ведер, а в сутки 355 миллионов ведер.

Работа по сооружению тоннеля идет день и ночь в три смены. Уже полностью готово около 1000 погонных метров тоннеля. Для ускорения строительства с поверхности на глубину до 62 метров пробиты 7 шахт.

Со сдачей в эксплоатацию тоннеля воды Кубани, отведенные огромной плотиной под Невинномысской, войдут в канал.

Вместо небольшого соленого Сенгилеевского озера образуется „Ворошиловское море", площадью, примерно, в 100 квадратных километров, на берегу которого проектируется мощная гидроэлектростанция.

Канал Кубань — Егорлык будет одним из замечательных сооружений. Его значение в том, что он разрешит целый комплекс важнейших хозяйственных вопросов. Кроме обводнения и орошения колхозных и совхозных полей Ставрополья, разрешается проблема промышленного развития городов края и, в первую очередь, Ворошиловска. Планирование фабрично-заводских предприятий в краевом центре до сих пор лимитировалось, трудностями водоснабжения. С постройкой канала этот вопрос будет выглядеть в совершенно ином свете.

Канал Кубань—Егорлык лишь звено в будущих гидротехнических сооружениях, которые покроют наш край. Уже проектируется строительство Усть-Джегутинского канала, также долженствующего дать воду Ставрополью. Вырисовываются контуры Лабино-Урупо-Кубанского комплекса сооружений с Ершовскими, Беломечетинским, Зеленчукским водохранилищами и др."

Это, так сказать, фасад строительства. Но в нем имеются и „теневые стороны", которые обычно сопутствуют в СССР всякому начинанию. Газета по этому поводу пишет.

„На фоне грандиозности канала, его большой государственной важности досадно видеть теневые стороны строительства.

Подготовленные к работе шахты тоннеля законсервированы, так как для их монтажа до сих пор не доставлено оборудование. В скверном состоянии находится силовое хозяйство. Электростанция работает с перебоями, компрессорные установки подают к отбойным молоткам давление воздуха вместо пяти атмосфер в 2—2.5 атмосферы. Очень напряженное положение с лесоматериалами. Поступают они несвоевременно и притом не в нужном ассортименте. Плохо работает и автотранспорт строительства.

Массовая и политическая работа среди полуторатысячного коллектива рабочих канала находится на низком уровне.

В результате скверных культурно-бытовых условий, плохой работы торгующих организаций — на строительстве большая текучесть рабочей силы.

Охрана труда не организована. Рабочие в тоннеле работают без спецодежды. Стахановским движением никто фактически не руководит.

Ни управление „Ставропольстроя" (начальник т. Безель), ни партийный комитет (секретарь т. Сергеев), ни постройком (председатель т. Сурков), ни, наконец, партийные и советские организации Невинномысского района, в котором находится главная контора предприятия, не принимают никаких радикальных мер, чтобы улучшить положение на строительстве канала.

Совершенно поэтому неспроста на канале часты случаи аварий, порчи оборудования, механизмов. Бессистемность, слабое общее и техническое руководство строительством привело к тому, что „Ставропольстрой" очутился в прорыве. За первое полугодие текущего года строительством недовыполнен план работы на 1200 тысяч рублей."

Т. е. знакомая картина всякого советского „строительства".

Mecmuanın müdürü: BALO BİLATTİ

Редактор журнала: БАЛО БИЛАТТИ

Müdürün adresi — Belwederska 44 m. 1, Warszawa (12), Pologne — Адрес редактора

[illegible] F. Szwade Warszawa